

АЛЕКСАНДР
АБРАМОВ
СЕРГЕЙ
АБРАМОВ
ВСЕ
ДОЗВОЛЕНО

АЛЕКСАНДР АБРАМОВ
СЕРГЕЙ АБРАМОВ
ВСЕ ДОЗВОЛЕНО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА 1973

АЛЕКСАНДР АБРАМОВ
СЕРГЕЙ АБРАМОВ

ВСЕ ДОЗВОЛЕНО

*ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН*

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

P2
A16

Рисунки А. Тарана

A $\frac{0763-229}{101(03)73} 568-73$

Часть первая

З Е Л Е Н О Е С О Л Н Ц Е

Глава I

НА ПЛАНЕТЕ НЕТ ЖИЗНИ. А ВДРУГ ЕСТЬ?

Космический субсветовик пошел на сближение с Гедоной¹, уже погасив скорость. Теперь предстоял многократный, длительный и скучный облет планеты, пока в смотровом иллюминаторе можно будет увидеть и черную стекловидность импровизированного космодрома, и вышку соседней космической станции с флагом

¹ От греческого *hedone* — «наслаждаться».

Объединенных Наций. Сейчас же в овале иллюминатора в черной туши чужого пространства плавал только серебряный диск, в отраженном свечении которого тускло просматривалось центральное пятно материка, замкнутое извилистой линией океана.

Трое из команды стояли у окна, обращенного в этот далекий от Земли уголок космоса: Капитан, которому полагалось всё знать и предвидеть, коннектор Алик, работающий на лазерной связи с Землей и космической станцией на Гедоне, и Библ, объединивший в одном лице множество необходимых космонавту профессий от биологии и кибернетики до космической медицины. Даже коммуникации с чужим разумом во Вселенной — специальность, до сих пор пока никем не использованная, тоже числилась в реестре его познаний, а Библом его прозвали за любовь к старым книгам — пачкам тонкого непрочного пластика, именуемого почему-то бумагой, по которой древним типографским кодом были оттиснуты целые слова и фразы. Только Капитан знал этот код. Алик же и Малыш, инженер и пилот, ответственный за электронное автохозяйство космолета, как и все на Земле, пользовались для информации книгофильмами. Зачем мысленно расшифровывать код, когда экран преподнесет тебе всё в натуральном виде.

— Еще немного, и совсем исчезнет,— сказал Библ, имея в виду диск планеты: космолет уже поворачивал по орбите.

В глаза ударил невыносимый свет, всех ослепивший.

— Фильтр!— потребовал Капитан.

Темная прозрачная пленка затянула овал иллюминатора. Теперь уже без боли в глазах можно было увидеть пять смежных солнц, расположившихся по углам ломаной линии. Пять сверкающих одноразмерных шаров, отливающих различными оттенками света. В центре сияло нестерпимо для глаз оранжевое солнце, точь-в-точь как земное на закате летним ветреным вечером, рядом странно зеленело другое, обращенное к планете немигающим огоньком светофора, третье висело, как большой синий фонарь, умело подобранный художником в тон бледной голубизне неба, а края замыкали еще два матовых шара: лиловый, мертвенно-тусклый, ему бы висеть над кладбищем или тюремным двором, и бледно-голубой подсвечен-

ный изнутри, как голубого стекла люстра на фоне бледно-голубых обоев.

— Н-да,— сказал Библ без комментариев.

— Четыре ложных,— вставил Алик.— Оптический эффект. Отражение.

— Грамотный,— усмехнулся Капитан.— Мы тоже знакомы с Инструкцией. «Отражение»! А в какой среде?

— Не знаю,— честно признался Алик.— Может быть, преломление в определенно окрашенных слоях атмосферы?

Библ возразил, не отрываясь от иллюминатора:

— Слишком высоко, чтобы говорить об атмосфере. На «Гедоне-2» предполагают цветные пылевые туманности.

— Почему второй? А где первая?

— Разговорчики!— поморщился Капитан.

Инструкция о работе космической станции «Гедона-2» действительно ни единым словом не упоминала о «Гедоне-1». Но авторы Инструкции, видимо, не считали нужным говорить об экспедиции, даже не начавшей работать. Капитан, как и все старые космолетчики, хорошо знал, что произошло. Экспедиционный состав станции вместе с космическим кораблем попросту исчез, достигнув планеты, но не совершив посадки. Последнее донесение по лазерной связи с Землей извещало, что экспедиция, уже выйдя на орбиту вокруг планеты, вдруг изменила курс и пошла на сближение с одним из цветных ложных солнц. Цель в донесении не формулировалась: было ясно и так, что экспедиция предприняла непосредственное исследование загадочного оптического феномена. Просто и соблазнительно.

Капитан вздохнул: чего уж проще — пойти на сближение с чисто оптическим фокусом, не угрожающим никакими видами излучения, фактически даже материально не существующим, подойти вплотную, может быть, даже нырнуть в глубь светового шарика и... исчезнуть. Брр! Ведь посланная вслед экспедиция не нашла на планете никаких следов ни посадки, ни катастрофы.

Капитан знал, что авантюра предшественников «Гедоны-2» была прямым нарушением Инструкции. Экспедиции предписывалось: высадка на планете, скоростной монтаж исследовательской станции и кратчайший ответ

на вопрос, есть ли жизнь на планете. Гедона была открыта совсем недавно, всего за два года до описываемых событий. Космолетчиков, случайно высадившихся на ней и обнаруживших кислород в атмосфере, заинтересовала не столько сама планета, сколько окружавшие и согревавшие ее пять причудливо расцвеченных солнц. На планете же, несмотря на почти одинаковый с земным химический состав воздуха, не обнаружилось ни малейших признаков животной и растительной жизни. Мертвая пустыня. Очень точный эпитет «мертвая»: даже не песок, а камень, будто оплавленный, остекленевший от жара — не солнца, нет, солнце было вполне терпимо, не жарче земного экваториального, а словно космический взрыв, тепловая волна в сотни тысяч градусов гигантским цунами прошла по всей поверхности окруженного океаном материка. Да и океан не радовал жизнью: флора и фауна раннего палеозоя, водоросли и трилобиты, начало эволюции, потребовавшей на Земле миллионы лет, чтобы вытолкнуть жизнь из океана на берег. «Жизни нет и не предвидится», — лаконично сообщил на Землю лазерный луч. Через несколько часов последовало второе сообщение, более пространное и тревожное: «На закате, когда начали готовить ракету к отлету, обнаружился пока необъяснимый феномен — блуждающие миражи: здания незнакомых конструкций, оазисы и дороги, призрачные люди, голые и одетые. Может быть, это исторический мираж — прошлое, отраженное в настоящем, может быть, следы жизни, которой мы пока не заметили. Что делать?»

На Земле предложили возвращаться. На планету, иронически наименованную Гедоной, отправили экспедиционный состав будущей космической станции для специальных исследований, но она, хотя об этом и умалчивала Инструкция, не достигла цели. Следующая экспедиция цели достигла, смонтировала и оборудовала станцию «Гедона-2» и время от времени посылала на Землю краткие сообщения.

«Океан силурийский. Материк единственный, пустынный, плоский, лишь в отдельных частях поднимающийся не выше полутора метров над уровнем моря. Каменный грунт оплавлен ударом тепловой волны очень высокой температуры. Следов вулканической деятельности не обнаружено; ни в почве, ни в воде радиоактивности нет.

Бурение в различных частях материка показало схожесть пород и руд, характерных и для земной коры. Обнаружены силикаты, сернистые соединения, углекислые соли, есть признаки железа, цветных и легких металлов, но далеко не всех, какие имеются на Земле».

«Миражи наблюдаются обычно на восходе и закате четырех ложных, по-разному окрашенных солнц планеты. Наблюдаются не часто и не регулярно, лишь при каких-то пока не выясненных нами состояниях окружающей атмосферы. Обычно это варианты одних и тех же картин: странные архитектурные сооружения, движущиеся дороги, спиралевидные трубчатые конструкции вроде гигантских синхрофазотронов, автоматические цеха, напоминающие модели заводов, и люди, обычно никуда не спешащие, ничем не занятые, иногда раздетые догола, нестриженные и небритые. Все это туманно, призрачно и прозрачно, иногда перекошено и перевернуто, как отражение в воде. При попытке сближения миражи отодвигаются, а если все-таки удастся подойти к ним на вездеходе, исчезают, расплываясь в зеленоватой пылевидной туманности».

«Жизнь у нас протекает, как на любой внеземной космической станции. Синтетическое питание, гимнастика, сон, работа, короткий отдых — пиво, шахматы или книгофильмы. Иногда бесполезные экскурсии на берег и в глубь океана, порой астрономические наблюдения, столь же безрезультатные, и чаще всего охота за миражами на восходе и закате каждого из цветных солнц. Кажется, есть какая-то закономерность в окраске миражей».

«Вчера впервые при сближении с миражем напоролась на силовое защитное поле. Мираж был необычен по своей резкости и чистоте, а возник, как и раньше, из цветного клубочка пыли, катившегося по черному катку таким сплюснутым смерчиком. Смерчик раскрылся или раскололся, и мы увидели, как черный оплавленный камень без каких-либо контуров переходил в ленту-эскалатор, двигавшуюся мимо панелей кибернетических компьютеров неизвестного назначения. Механик взял сразу шестую скорость и бросил вездеход в скачке на белую ленту миража. Но при этом забыл включить отражатель. Может быть, не забыл, а не подумал, что это нужно, — случайный просчет, не нажатая вовремя кнопка, не включенная лам-

почка, не сработавший винтик в мозгу. И никому из нас не пришло в голову напомнить ему об этом — вот вам и катастрофа. Мираж ответил ударом на удар: нас с такой же силой отшвырнуло обратно. Механик и геолог скончались сразу: сотрясение мозга с летальным исходом. У Дока перелом обеих ног — лежит в гипсе. Только я один цел и невредим, почему и вынужден принять на себя все заботы об экспедиции».

В следующем сообщении уже звучали нотки серьезной тревоги.

«От исследования планеты в одиночку пришлось отказаться. Нельзя рисковать, оставив Дока без помощи. Пока костные переломы срастаются плохо. К тому же все время приходится защищаться. Миражи теперь не уходят от человека, а наступают и преследуют. Я встретил зеленый смерч уже в нескольких метрах от станции. Он шел прямо на меня и, вероятно, мог бы догнать, если б я не опередил его, добравшись до двери. В другой раз мы увидели из окна тропический лес, возникший рядом. Я вышел — лес придвинулся ближе. Если б не излучатель, ветка гигантского папоротника успела бы хлестнуть меня, но я вовремя срезал ее пучком пламени. И все исчезло».

Последнее сообщение было совсем кратким.

«Мой излучатель — единственное и верное оружие против наступающего врага. Иногда приходится прибегать к нему по несколько раз в день. За пределы станции уже не выхожу. Присылайте смену, пока не поздно».

Дальнейших сообщений больше не поступало. Попытки установить видеосвязь без участия приемо-передаточной аппаратуры космической станции не достигли цели: атмосферные разряды искажали изображение. Казалось, все воздушное пространство в этом районе было насыщено электричеством. На лазерные вызовы станция не отвечала.

С сообщениями «Гедоны-2» Капитан познакомился в архиве Службы контактов. В Инструкции эти сообщения только пересказывались. Умалчивала она, естественно, и о последовавшем затем разговоре Капитана с директором Службы.

— Будешь посылать экспедицию?

— Конечно.

— Учти просьбу земляка. Ленинградец не подведет.

— А ты думаешь, они подвели?

— Нет, конечно. Просто им не повезло. В первом же столкновении с Неведомым выбыло из строя три человека.

— Считаешь, что вам повезет?

— Полагаюсь на опыт предшественников. Кое-что мы уже знаем. Ошибок не повторим. К тому же мой экипаж свободен.

— А что стоит твой экипаж?

— Один Библ стоит десятка специалистов.

— Согласен.

— А Малыш? Ты же ходил с ним на «Альтоне». Самый молодой — Алик. Но молодость физика часто пик его таланта. А лазерный луч у него поет, как скрипка.

— Геолога у вас нет.

— Загадку планеты будут разгадывать не геологи, а психологи. И физики-пространственники. И специалисты по контактам.

— Ты думаешь, что они понадобятся?

— Убежден.

Теперь ему предстояло доказать свою убежденность. Он оборвал болтовню о Гедоне. Болтовня развинчивается, а сейчас надо собраться, а не расслабиться. Кто знает, что ждет их в ближайшие четверть часа? Кого они найдут на станции — живых или мертвых?

— Пошли на посадку, — сказал Алик.

Пять цветных солнц сдвинулись за границы иллюминатора, снова уступив место тусклому серебряному диску планеты. Щелкнув тумблером, Библ убрал пленку. Диск стал светлее и ярче. Уже отчетливо просматривалось темно-серое пятно единственного материка, похожего на перевернутую Африку, свободно плавающую в окружающем океане, как плот, по какому-то своему, незамеченному и невычисленному маршруту.

С приближением пятно темнело, размытая тушь сгущалась, и перевернутая Африка превращалась в черную крышку рояля. Ракета садилась, как рейсовый самолет, позволяя видеть и очерченные белым границы естественного космодрома, и вышку космической станции, тоненькой иглой воткнутую в черный оплавленный камень.

— А флаг спущен,— заметил Алик.

Флаг спускают, когда возникает опасность,— сигнал-предупреждение прибывающим космолетам. Может быть, радиация; может быть, эпидемия. И то и другое исключалось. Все трое об этом знали, и загадочность предстоящего смущала и настораживала. А когда ракета наконец приземлилась в километровом радиусе от массивного корпуса станции, безмолвие черной пустыни и совсем встревожило. Не поднялась ни одна пластмассовая шторка на окнах, не выбежал навстречу ни один человек.

— Что они там, вымерли, что ли? — спросил по-русски Малыш, двухметровый рыжеволосый гигант лет тридцати или чуточку больше.

Если определять на глазок, он походил на скандинава или ирландца, хотя родился и вырос в Ленинграде, как и командир корабля. Шестнадцать прожитых в космосе лет не согнули, а, казалось, распрямили его еще больше, расширив заодно плечи и грудь. Хотя алгол к концу двадцать первого века и был международным земным языком, дублирующим машинный, но Малыш, как и другие участники экспедиции, всем языкам на свете предпочитал язык своего детства. Первым воспротивился «алголизации» Библ, заставив Алика заучивать наизусть целые страницы из Пушкина и Маяковского. «Алгол, алгол,— ворчал он,— а Пушкин все-таки по-русски писал... «Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгий, стройный вид...» Продолжай!» И Алик с памятью вычислительной машины продолжал до любой требуемой строки. Но вкусы его не ограничивались рыцарской преданностью классике. Он с таким же увлечением цитировал в математике — Мерля, открывшего закон многофазности пространства, а в поэзии — Эйсмонта, гениально соединившего лирику и алгол.

— Черная пустыня планеты,— с пафосом продекламировал он, отыскав в памяти подходящие строчки,— под ногами звенит как металл...

Капитан поморщился: он не любил пафоса.

— Погоди,— остановил он Алика.— Сойди с котурн. Смотри и слушай. Звенит? Ничего не звенит. И это не металл, а оплавленный кварц.— Он еще раз внимательно

огляделся вокруг и прибавил: — Видите пыль? И никаких следов — ни вездехода, ни человека.

— А если у них вездеход на воздушной подушке?

— Где-то ведь он останавливается. Даже у дверей следов нет. Неужели они уже не выходят наружу?

Все четверо молча пригляделись к куполообразному зданию станции. До него оставалось не более десяти шагов. Все шторы на окнах были опущены, тяжелые двери замкнуты наглухо. Нержавеющая сталь их отражала солнце, как зеркало.

— Эй, кто живой, отзовись! — крикнул Капитан.

Молчание.

Крик поддержали.

Никто не откликнулся.

— Как же мы войдем? — спросил Малыш.

— У меня есть ключ, — сказал Капитан. — Мне дали его в Службе контактов.

Стальная дверь открылась мягко, почти беззвучно. Широкий коридор, заваленный по стенам древесно-опилочной тарой и связками цветной проводки, был тих и безлюден. Когда они вступили на его центральную ленту, где-то включился механизм и эскалаторная дорожка не очень быстро, но и не слишком медленно поплыла по дуге, огибающей станционные помещения.

И ни одного звука в ответ. Только монотонное жужжание эскалатора да тяжелое дыхание готовых ко всему гостей.

Глава II

ДВОЕ В СТАЛЬНОМ БЕСТЕ. РАССКАЗ ДОКТОРА

Исследовательская станция на планете была смонтирована из пластиковых плит с прокладкой из нержавеющей стали внутри. Инженер назвал бы ее сегментом плоско-выпуклой линзы, по дуге которой и двигалась эскалаторная лента коридора. В коридор выходили только стальные двери, иногда далеко отстоящие одна от другой, с лаконичными табличками на зеркально поблескивающих филенках: «Холодильники», «Кухня», «Склады», «Лаборатории», «Коннектор», «Компьютеры». Вторая половина сегмента представляла специалистов: «Второй пи-

лот», «Кибернетик», «Геолог», «Шеф». Дальше ехать не стали. Капитан коснулся рукой двери, и эскалатор остановился. Дверную ручку заменяла сигнальная кнопка, но либо она не действовала, либо ее действие выключил другой механизм, но дверь не открылась. Попробовали древнейший способ: Малыш саданул каблуком по стальной филенке. И снова безрезультатно.

— Открой! — рявкнул он. — Свои!

В ответ тонкий и сужающийся, как рапира, ослепительно голубой луч пробил стальную филенку двери, только чудом не задев Малыша. Тот отпрыгнул метра на полтора и прилип к стене. Стоявший поодаль Капитан с подавленным криком: «Тихо! Назад!» — буквально отшвырнул Библа и Алика от двери. Сейчас голубая рапира уже никого достать не могла.

Она наискось рассекла дверь, а заодно и нагроможденную у противоположной стены пирамиду ящиков с синтетическими бифштексами, повторила крестообразно разрез до пола и исчезла за дверью. На стальной ее толще остались лишь ровные оплавленные швы. Запахло сожженной синтетикой и опилочной тарой. Потом дверь чуть приоткрылась, и в щель выглянуло чисто выбритое худое лицо с пристальным взглядом снайпера. Умные, внимательные глаза нащупали сидевшего на корточках Малыша, настороженный прицельный взгляд потеплел, и тонкие губы растянулись в улыбку. Человек в грязной замшевой куртке, пересеченной «молниями», сделал шаг вперед и дружелюбно спросил на алголе:

— Малыш?

— Идиот, — ответил Малыш, вставая. — Я же тебе кричал, что свои!

— Ты по-русски кричал, — сказал Капитан, подходя ближе. — Принимайте смену, хозяин. Второй Пилот, если не ошибаюсь?

Второй Пилот «Гедоны-2» был похож на ковбоев из древних фильмов, иногда воскресавших на телеэкранах. Сжатые губы, холодные глаза, и две глубокие морщины у губ, как две черты художника-графика на мужском лице, одержимом стремлением сломать, убить, выжить, выстоять. Сейчас глаза цвели теплотой придорожного бара, встречающего гостей в плохую погоду.

— А это здорово, что вы все-таки прибыли! Смена! Звучит вроде колокола на ярмарке.

— А что, дрейфишь?

— Да нет. Бояться не боюсь. Лично за себя, понятно. С Доком неважно. Кости не срастаются. Чего-то в организме не хватает.

— Ну, а контакты?

— Ты видел мои контакты. Чуть вас на тот свет не отправил.

— Сдали нервишки?

— Сдать не сдали, а приучили держать палец на спусковом крючке. Вы еще глотнете, не смейтесь.

— Для того и приехали.

— А ракета в порядке?

— Целехонька.

— И автоматика?

— Угу.

— А вы совсем останетесь? — вдруг спросил он, спохватившись.

— Конечно. Мы на смену, а вы домой. Садись к пульта и жми.

Ковбой-Пилот исполнил что-то вроде шаманской пляски среди растоптанных окурков, пустых бутылок, откупоренных жестянок и раздавленных тубиков со сгущенным бульоном и сыром. Можно было только дивиться тому, как он не споткнулся и не сломал ногу на этой мусорной свалке. Может быть, раньше и жили в этой большой комнате без окна, хотя и с чистым искусственным воздухом, но сейчас она не казалась жилой. Такими комнаты выглядят после обыска или драки пьяных гостей. Ободранные стальные стены там и сям пересекали сваренные излучателем швы.

— Стены-то зачем испортили? — поинтересовался Библ.

С лица бритого Пилота сбежала улыбка. Он настороженно оглянулся. Движение было рефлекторным, привычным.

— Они и сюда проникают... — шепнул он, медленно отступая к внутренней двери, в пролете которой виднелась узенькая винтовая лестнка, ведущая на второй этаж. — Пошли. Там безопаснее. Другой горизонт, другой уровень.

Капитан и Малыш переглянулись. Спрашивать разъяснений не имело смысла.

— Грязновато у вас,— сказал Капитан.

— Убирать некому. Наверху чище.

— А кто наверху?

— Я и Док. Там мы спим и едим. Одни.

— В лазерную почему не заглядываете?

— Смысла нет. Энергию для вас бережем.

— Туда можно пройти?— вмешался Алик.

Второй Пилот дружески указал на дверь:

— Отчего же нет? Десятая дверь справа. Нажми кнопку и входи. Там чисто. Пыли нет: вентилятор работает, пылеуловители в порядке.

— А на излучатель не напорешься? Может быть, у вас и автоматические есть.

— До этого не додумались,— засмеялся Пилот.— Это я один воюю.

Алик вопросительно взглянул на Капитана и вышел. Остальные двинулись за Пилотом в замшевой курточке. По винтовой лестнице они поднялись в такую же комнату, но с большим, сильно скошенным окном, прикрытым полупрозрачной шторой. Она не пропускала тепловой радиации солнца, но позволяла видеть все окружающее. А смотреть было не на что, кроме удручающей черноты каменной пустыни.

В комнате было чисто и прибрано — никаких окурков, бутылок, банок. Одна из выдвижных коек была аккуратно застелена, а на другой неподвижно лежал уже немолодой с проседью мужчина в расстегнутом мундире с нашивками, такой же чисто выбритый, как и его сосед, только с донкихотской бородкой под нижней губой. Он не пошевелился и не открыл глаз.

— Очнитесь, Док,— сказал Пилот.— Смена. Наконец-то долгожданная смена.

— Что-что?— воскликнул лежавший на койке и открыл большие, добрые и совсем не грустные глаза.

— Не узнали?— спросил Капитан.

Нажимом кнопки у изголовья седой поднял шторку окна. Стало светлее.

— Теперь узнаю,— сказал он.— Значит, вас только трое? Немного.

— Четвертый проверяет механику лазерной связи.

— Нас тоже было четверо,— задумчиво продолжал Доктор, словно уловил какой-то одному ему понятный смысл в ответной реплике Капитана.— Четверо. Двое живы, двоих похоронили у станции, использовав излучатель вместо лопаты и свинец из карьера вместо могильной плиты. Как это происходило, рассказать не могу — не видел.

— А вы не производите впечатления убитого горем,— сказал Капитан.

— Не умею убиваться — раз. И не стоит, считаю. Не повезло так не повезло. Мы начали, вы закончите, а не вы, так другие. Ошибок наших не повторите, с опытом познакомитесь, ну, а нас — в архив Космической службы.

Пилот протестующе кашлянул. Доктор засмеялся.

— Прости, это я о себе. И то, если починят, думаю, пригожусь. А мой напарник — золото. В любой рейс хоть сейчас. Даже огорчаюсь, что вынужден его с собой забрать. Вам бы он пригодился: умен, решителен и находчив.— Он снова усмехнулся, салютуя помощнику:— Правду ведь говорю, Пилот, а? Обо всем в лазерограммах не напишешь, а было много всякого, от чего руки у слабонервного начинают дрожать. Миражи — штука хитрая и удивительная, и не всегда с ними излучателем бороться надо. Впрочем, сами увидите. Хотя бы из этого окна.— Доктор устало кивнул на скошенную стеклом панораму четырех цветных солнц.— Скоро закат. Раньше всех заходит зеленое. Может быть, увидите иллюзион, не знаю.

— Вы не повторяете попыток сближения?

— Нет. Мы прячемся от них в стальном бесте.

— Где-где? — не понял Малыш.

Библ любезно предупредил ответ:

— Память Доктора, Малыш, как и моя, хранит понятия, уже забытые человечеством. Доктор — иранец, а в бывшем Иране так назывались убежища, сохранявшие неприкосновенность преследуемого... Только почему у вас, коллеги, стены даже здесь вспороты излучателем?

— От большой осторожности,— сказал Доктор.— Мой сосед по убежищу не любит подозрительных звуков и всегда начеку.

— А излучатель помогает?

— Теоретически не должен. Материальный луч против фантомов? Бессмыслица, конечно. Но представьте себе, мой напарник все-таки сжег целую опушку леса. Он «вырос» прямо у станции. И лес-то какой — силурийские мхи да древовидные папоротники.

— Мираж?

— А вы думаете! Чистая мистика. А Пилот полоснул излучателем раз-другой — и все исчезло. Но угли остались. И сморщенная листва, рассыпавшаяся при нашем прикосновении. И пепел!

Разговор оборвался. Сообщение Доктора поражало своей нелепостью. Может быть, уже распад психики? Пытка страхом и мания преследования. Но почему у обоих?

— Вы как-нибудь пытались объяснить это? — спросил Капитан.

— А вы? — взорвался Доктор. — Четыре солнца восходят и заходят, и никто до сих пор не может объяснить, где, как и почему! Я устал от чудес и гипотез.

Он приподнялся на койке и выпил воды с сиропом. Или Капитан не сумел скрыть какой-то нотки недоверия, или необходимость убеждать в том, что для них давно уже стало реальностью, утомила Доктора. Он устало взглянул в окно и воскликнул с неожиданной радостью:

— Смотрите! Имеете шанс.

Выпукло выдающееся наружу окно не искажало видимости. Пустыня просматривалась вдаль, как с открытого балкона. Горизонт сужал ее, обрезая зеленым, похожим на диск светофора солнцем. От него осталась только узкая светящаяся дуга с травянисто-золотым отсветом. Почти рядом, только не сохраняя симметрии, как бы по другой орбите сползало к горизонту еще одно солнце — голубой пылающий сгусток неба.

А между горизонтом и станцией посреди черной пустыни выросло вдруг нечто трудно описуемое и едва ли понятное. Будто невидимый Гулливер играл в цветной детский конструктор. Он брал шары и кирпичики и громоздил из них разрезанные пирамиды и купола, перекошенные синусоиды и промятые кубы или вдруг нечто знакомое, вроде пизанской башни, склоненной на опрокинутый стадион. Белые ленты, извиваясь как змеи, то исчезали, то появлялись в геометрических сочетаниях этого архи-

тектурного бреда. Человеческий ум не мог участвовать в его создании: в нем не было главного признака человеческого деяния — целесообразности.

— Вы сомневаетесь сейчас, что эта цветная дичь может быть создана человеком, служить человеку, утешать его или радовать,— сказал Доктор, словно угадав мысли его собеседников.— Вы ошибаетесь, друзья. Видите эти перемещающиеся точки на белых лентах? Это живые существа, внешне не отличающиеся от нас, землян. Мы видели их близко: они объемны и гуманоидны.

— Что же они делают в этом столпотворении? — спросил Библ.

— У меня нет достаточных наблюдений для ответа. Но предположения есть. Живут. Это город. Другого мира, может быть другого измерения. Не принадлежащий черной пустыне. Здесь это мираж. Видите, он уже тает.

Голубое солнце совсем скрылось за горизонтом. Погасли и его тускловатые отсветы. Бессмысленное столпотворение радужных конструкций тоже тускнело, теряя очертания и цвет.

— А когда садится другое солнце, мираж повторяется?— снова спросил Библ.

— Редко. Закономерность их появлений пока не ясна. Но любое сближение для нас опасно.

Чуть слышный скрип винтовой лестницы оборвал речь Доктора. Его коллега молниеносно, одним прыжком очутился у койки, где оставил свой излучатель.

— Не осторожничай,— тяжелая рука Малыша легла ему на плечо и пригвоздила к полу,— это же Алик.

Алик вошел в комнату с таким сияющим лицом, что хотелось увидеть на его голове нимб.

— Аппаратура в порядке,— захлебываясь доложил он,— хотя питание слабое и долговременная связь с Землей исключается. Я пока послал лишь коротенькое сообщение о нашем прибытии.

— А завтра сообщите о нашем отбытии,— сказал Доктор.

— Не спешите, Док,— протестующе заметил Пилот,— надо еще рассвет пережить.

Смешок Доктора был ответом.

— Я, сынок, в приметы не верю. Смена есть у нас, и смена дельная. Только не повторите еще одну нашу ошиб-

ку: выезжайте на обследование по двое, пусть двое всегда остаются на станции. В детали вдаваться не буду. Настораживать и пугать зря не следует.

Капитан подумал, что проще, а пожалуй, и разумнее было бы поделиться опытом своей полугодовой работы на станции, и никакая деталь в таком разговоре не была бы излишней. Но Доктор и Пилот явно уклонялись от объяснений. Почему? Может быть, из жалости к обреченным сменщикам или из зависти к будущим открывателям Неизвестного? Бесполезно было вызывать их на откровенность, и Капитан промолчал.

— Напомню лишь об одном,— продолжал Доктор, уже закрыв глаза.— Не сближайтесь с миражами. Знаете, как предупреждают гостей в земных заповедниках в бассейнах Амазонки и Ориноко? Избегайте встреч с ядовитыми змеями. Не трогайте их, если не нападают. И лучше уходите, если есть время и возможность уйти.

— А если нет возможности?

— Защищайтесь. На складе есть излучатели и гранаты, создающие устойчивую дымовую завесу — своего рода долговременный «смог». Есть и тактическое ядерное оружие, но оно практически бесполезно здесь, да и остаточная радиация более опасна для нас, чем для блуждающих нематериальных фантомов. Есть, наконец, переносный отражатель электротока, сконструированный моим коллегой. Пожалуй, это самое действенное оружие при сближении с миражем: его мы устанавливаем на вездеходе во время утренних и вечерних экскурсий. Сейчас он вам не понадобится. Уже ночь, и сон здесь практически безопасен.

Проглотив конец фразы, он уже спал, похожий на восковой муляж из паноптикума. Пилот посмотрел на него и сказал с завистью:

— Уже спит. А я хоть и мотаюсь целый день, сплю плохо. Должно быть, все-таки сдали нервишки, вы правы, хотя они у меня вроде рояльных струн...— Он говорил, говорил: должно быть, Доктор был не из разговорчивых, и Пилот по-детски обрадовался собеседникам.— Наверное, хотите ужинать? К сожалению, вас не ждали и не приготовились — жрем неподогретую дрянь из тубиков. Но по субботам и воскресеньям у нас настоящие пиры. Я превращаюсь в повара и подаю на стол яства —

пальчики оближете. Впрочем, настоящую еду и сейчас можете приготовить на кухне: там все есть — и синтетика, и консервы. Вообще устраивайтесь. Комнат сколько хотите, только откачайте застоявшийся воздух и пыль. Кондиционерки включаются на одном пульте со светом. На заре шторы не открывайте, не советую. А излучатели на складе — запаситесь заранее. Проверьте спуск и заряд снаружи, сейчас это безопасно.

— А что опасно? — рявкнул Малыш, вторгаясь в это словесное извержение.

— Всё. Закаты и рассветы. Воздух, которым ты дышишь. Пыль. Она хрустит на зубах, когда идешь навстречу ветру, и подымается вдруг тускло прозрачными клубами. А иногда зеленеет, как ряска на болотце, или голубеет речкой, или сгущается до чернильной синевы. Идет такой смерч, блуждая, как слепой, по черному камню, и если ты пеший, то удирай, пока цел, а если на колесах или воздушной подушке, жми вперед на шестой скорости, включай отражатель и бросай машину навстречу смерчу! Отражатель обязательно преодолеет защитное поле. Я не сомневаюсь в этом и охотно рискнул бы еще раз даже один, но, сами понимаете, рисковать нельзя, ведь Док двинуться с места не может. — Пилот заметил, как устало потянулся Малыш, и переменял тему: — Не задерживайтесь, ребятки, спать пора, а ночи на Гедоне короткие. Да об излучателях не забудьте. Сон сном, а вдруг разбудят?

— Ну, излучатели, думаю, не понадобятся, а с едой как-нибудь сами управимся, — сказал Капитан. Он понимал, что Пилоту просто не хочется расставаться с неожиданно подаренными ему судьбой собеседниками, но и они сами здорово устали, особенно после конечных часов перелета. И, уже спускаясь по лестнице в комнаты первого этажа, он тихо шепнул Малышу: — А все-таки жаль упускать такого парня, он бы нам пригодился.

— Может, уговорить подождать с отлетом? — спросил Малыш.

— Пустой разговор. Есть инструкция вернуть вторую экспедицию на Землю немедленно. Не зря же не срываются переломы у Дока. И космолет на ходу. Они, конечно, ничем не хуже нас, но что поделаешь, если авария. Постараемся ее избежать, а трусов и у нас нет. Пошли!

СМЫСЛ ЛОЖНЫХ СОЛНЦ. БОРОДАТЫЕ МЛАДЕНЦЫ

Рассвет пережили все, как на Земле в тихий солнечный день.

На Гедоне сутки на четыре часа короче, да и усталость взяла свое. Первый рассвет на планете Капитан и Малыш проспали. Они не слышали даже, как опять аккуратно выбритый Пилот с неразлучным излучателем ворвался в комнату вместе с солнцем:

— Вставайте, старики! Уже завтрак готов. Не завтрак — пир! И ракетку успел обследовать — прелесть!

Доктору уже подобрали комбинезон на великана, чтобы втиснуть его ноги в гипсе, и он был счастлив.

— На прощанье могу поделиться предположением. Все ложные солнца — пространственные отражения одного, настоящего. Оптическое выражение многомерности пространства. На Гедоне эти пространственные грани оказались фактически иными, чем на Земле. А вот Пилот не верит.

— Бред, — сказал Пилот. — Не признаю геометрии, не подчиненной глазу.

— Математика уже давно разработала геометрию многомерного пространства, — возразил Капитан.

— А жизнь меня до сих пор не убедила, что параллельные пересекаются, а несовместимые точки совпадают. Пусть мне это физика подтвердит.

— Оптика тоже физика, — сказал Алик, но Пилот даже не удостоил его ответом, только рукой махнул.

— Может, вы и разгадаете смысл этих тусклых фонарей на небе, а мое время кончилось, — вздохнул он и вышел.

Ракету к полету готовили все, кроме Библа. Он играл в шахматы с Доктором. Все три партии Библ выиграл без труда, хотя Док и думал над каждым ходом по полчаса.

— Силен, — сказал Док. — Если с таким же успехом поиграете с хозяевами Гедоны, я им не завидую.

— А честно: вы верите в этих хозяев?

Док усмехнулся:

— Честно? Верю. И очень жалею, что нам не повезло с этой аварией. Мы бы решили задачу до вас.

А на черном зеркале каменного плацдарма ракета была уже готова к полету. Малыш, давно уже освободившийся, шепнул Капитану:

— Вы тут проводите их, помахайте платочком, а мы с Аликом на вездеходе покружимся. Туда-сюда, не далеко, не близко. Проверочка не помешает.— Малыш полез в кабину вездехода.

Алика мутило от вони и пыли, поднятой ракетой, першило в горле. Вздохнулось свободно, лишь когда Малыш включил кондиционерку и вездеход рванулся вперед над черным глянцем пустыни. Он шел на воздушной подушке плавно, сохраняя один и тот же уровень. Но однообразие раздражало: ну и планеточка, кто только ее так выгладил! И зачем бродить здесь по сплошной плите без единой травинки. Никакой жизни — ветер да пыль. Алик высказал свои сомнения Малышу: куда это они едут, удаляясь от станции?

Малыш указал на пылевой с зеленоватым оттенком двухметровый волчок, кружившийся в лучах бледно-зеленого солнца.

— Меня тот смерчик интересует. Видишь?

— Пыль,— сказал равнодушно Алик.

— Не похож на земные. Конуса сближаются основаниями, а не вершинами.

Малыш включил экранирующий механизм, предохраняющий корпус машины от любого излучения и радиации. «На всякий случай»,— пояснил он, бросая вездеход навстречу пылевому волчку. Вблизи он оказался тускло-прозрачным, как давно немытое окно. Вездеход вошел в него, даже не покачнувшись. Обыкновенная пыль. Но она не отстала, смерчик, обтекая машину со всех сторон, двигался теперь вместе с ним, затемняя видимость. Малыш перевел рычажок на шестую скорость, вездеход бросило вперед, даже зеленое солнце осталось позади, но смерчик не отставал, обтекая их плотной пылевой оболочкой. Алику показалось, что она начала зеленеть все гуще и гуще. «Как ряска на болотце»,— вспомнил он.

— А не повернуть ли назад?

Малыш засмеялся, даже не взглянув на Алика.

— Все они здесь чокнутые, сынок. Не подражай. Чего бояться? Электроудар нам не страшен: корпус экранирован. Пропасть? Перепрыгнем. Мираж? Так он нам и ну-

жен. Мы с тобой за миражами охотимся. Сафари в черной пустыне. Ать-два!.. Что это?

Зеленый смерчик вдруг раскололся и пропал, обнаружив грунтовую дорогу, скорее даже аллею меж рядами деревьев, рымававших метров в сто пятьдесят, с большими узкими листьями наверху, обращенными ребром к солнцу. Алик сразу узнал: эвкалипты, да еще выстроившиеся так ровно, словно их специально высадили. Вполне земной двадцать первый век где-нибудь под Мельбурном. И красные крупные цветы на подстриженных кустах говорили не о силурийской первобытности, а о вполне современной, ухоженной парковой культуре.

Но сообщить свою мысль Малышу он не успел. Малыш, не раздумывая, бросил машину в проход, спустил скорость до единицы и затормозил. Пустыни уже не было. Ни черного глянцевого катка, ни пяти солнц, разбежавшихся по небу. Светили два: одно — бледно-зеленое и ложное, не греющее, а другое — обычное, горячее, как в курортную жару на Земле. Мельбурнская эвкалиптовая аллея заворачивала впереди к зарослям высокого кустарника, похожего на акацию. От цветов на кустах шел одуряюще пряный запах.

— Вот тебе и мираж,— сказал Малыш.

Алик, не отвечая, открыл дверцу и выпрыгнул на дорогу.

— Осторожней! — предупредил Малыш.

Но Алик уже хлопнул по вытянутому к небу стволу. Потом нагнулся, потрогал траву и, подняв камешек, швырнул его в кусты. Какие-то пестрые, совсем земные бабочки вспорхнули и закружились над цветами.

— А где же палеозой? — спросил Алик.

Ему не хотелось никуда уходить. Чудесный оазис, возникший посреди черного камня, не отпускал, как далекое видение Земли.

— Обмяк,— скривился Малыш и сплюнул на дорогу в открытую дверь.— Цветочки, травка... Ты еще станцуй на лужайке. А как назад ехать будем?

Алик взглянул туда, откуда вездеход вырвался на эту дорогу. Пылевой смерчик, обтекавший их, исчез вместе с пустыней. Калитка в рай открылась и растаяла.

— Ты думаешь, мы где? — спросил он.

— Мираж. Только это не мираж, а что-то другое,— сказал Малыш, избегая гипотез.

— Я понял, почему пять солнц. У каждого свое пространство и время. Свой мир. Сейчас мы в мире зеленого солнца.

— С физикой это мало-мало не согласуется,— усомнился Малыш: его практический ум не воспринимал чуда.— Поехали-ка лучше выход искать.

Он увеличил мощность воздушной прослойки, вездеход легко перемахнул кусты у дороги и плавно поплыл над красными пригоршнями цветов, рассыпанных по явно подстриженным веткам. Впереди путь прикрывала рощица, уходившая вправо и, казалось, нигде не кончавшаяся. Впрочем, слово «рощица» явно не подходило: вблизи она оказалась зарослями гигантских папоротников, о которых так много говорили Пилот и Док. Толстые многометровые стволы, сгибающиеся под собственной тяжестью, были утыканы листьями, похожими на куски листового железа. Задевая друг друга, они не шуршали, а скрежетали с противным металлическим скрипом.

— Эти не перепрыгнешь,— сказал Малыш, поворачивая вездеход вдоль папоротников над седыми метровыми мхами.

То был действительно палеозой — лес из глубин земной предистории. Алик видел его именно таким: оживленным чудесами безлинзовой оптики на видеокранах музеев биологической эволюции на Земле. Папоротники, похожие на пальмы с лохматой, не ветвящейся кожурой, папоротники, кустящиеся, как чудовищно увеличенный подорожник, или стелющиеся по земле, пробивая жирными, колючими листьями могучую толщу мхов. Пахло болотом и гнилью, как в сырых, заросших оврагах земных заповедников. Алику не случайно пришло на ум такое сравнение: что-то от заповедника было и в этом декоративно-палеозойском лесу. Словно кто-то обрубил его, огородил подрезанной лентой мхов и поместил бок о бок с белой акацией и строем заботливо ухоженных эвкалиптов. Палеозой рядом с субтропиками современности, дистанции в сотни миллионов лет, а Малыш прошел ее на своем вездеходе за четверть минуты.

Ехали молча и настороженно, с чувством затаенной тревоги. Что за мир? Где разум — его хозяин, тасующий

геологические эпохи и прячущий их в клубах зеленой пыли? И главное, можно ли вернуться назад, к родной частице Земли в захламленных комнатах наблюдательной станции? Длительность пути не пугала: позитронный двигатель вездехода не нуждался в заправке «горючим» — хватало солнечной радиации, пищевая синтетика в запасных контейнерах обеспечивала многодневный вариант странствий.

А дальше?

— Странно,— сказал Алик.

Малыш не заинтересовался, что еще странно в этом и без того странном мире, и Алику пришлось пояснить.

— Обрати внимание: нет ни птиц, ни зверей. Одни бабочки. Останови на минутку.

Остановились. Свернувший в сторону палеозойский лес был темен, глух и бесшумен. Эвкалиптовая аллея по-прежнему уходила вперед, петляя в кустарнике. По сторонам разбегался совсем уже незнакомый подлесок — не то кизил, не то боярышник с длинными красными ягодами. И здесь ни одного перебежавшего дорогу зверька, ни одной вспорхнувшей с ветки на ветку птицы.

— Великое безмолвие леса,— сказал Алик.

— Погоди,— отмахнулся Малыш и прислушался.

Из-за дальних кустов в зеленой чаще донеслось не то кваканье, не то писк. Чем больше прислушивались, тем отчетливее разнообразились звуки. Иногда писк переходил в визг, что-то хрюкало или булькало и опять надсадно взвизгивало.

— Кошки,— подумал вслух Алик.

— Нет, не кошки. Ты был когда-нибудь в детских яслях? Для двух-трехмесячных.

— Нет.

— Точь-в-точь, только громче.

— Откуда же здесь ясли?

— А я знаю? Может быть, обезьяны?

— Подойдем, а?

— Подойти-то недалеко,— поразмыслил Малыш.— Вездеход придется оставить. Я только включу защиту. Мало ли что...

Побежали. Что-то невидимое отбросило их у двухметровых кустов. словно напоролись на прозрачную, туго натянутую полимерную пленку. Обошли кусты справа,

открылся проход. Далее пленка опять не пустила, но позволила увидеть все, что прикрывала защита.

Малыш и Алик не произнесли ни слова, настолько все увиденное ошеломило их, настолько не походило на то, что они предполагали увидеть. В пространстве, соразмерном баскетбольной площадке, свободно парили в воздухе, лежали, висели и ползали люди, внешне ничем не отличавшиеся от земных. Высота воздушной прокладки между ними и грунтом не превышала полутора метров, а сам грунт был покрыт газоном не газоном, а чем-то вроде ярко-зеленого мха или пуха. Барахтавшиеся над ним люди, казалось, пребывали в состоянии невесомости, причем не падали и не взлетали, а держались на одном уровне с полной непринужденностью. Все это были молодые мужчины, лет тридцати или меньше, успевшие обрести, как древнехристианские монахи, не знавшие с юношеских лет ни бритвы, ни ножниц. Но волосы у них не росли ниже шеи, загорелая, без единого волоска кожа даже поблескивала, как у спортсменов-пловцов. По сложению они походили на Малыша, только тот был выше и шире в плечах, да и мускулатура их казалась равномерней и гармоничней. И какая странная потенциальная гармония, подумал Алик: она не служила телу, не управляла им. Сложенные, как античные боги, эти бородатые мужи были беспомощны, как младенцы: они лежали на спине и сучили ногами, пуская пузыри изо рта; не ходили, а ползали, может быть потому, что воздушная подушка не позволяла ходить, или потому, что ходить не умели. Они шевелили пальцами и издавали звуки, даже отдаленно не напоминавшие человеческую речь. Мычание или курлыканье, визг, писк, свист или бульканье то и дело переходили в истошный крик, какой только позволяли их развитые легкие. Даже повторявшихся междометий не было слышно — взрослые ползунки не общались меж собой, гомон их был бессмысленным и бессвязным, просто естественной, природной тренировкой языка, челюстей и голосовых связок. Они действительно были младенцами, хотя по внешнему виду любой мог быть мастером спорта. Когда такой «мастер» издавал свой истошный, надсадный крик, над ним немедленно появлялась ярко-зеленая трубка или свисток, а точнее, соска с присущей ей функцией: ее сразу же хватали жаждущие ребячьи губы. Она

не материализовалась из воздуха, не возникала из ничего, а просто приобретала цвет, доселе почти незаметная в неярком блеске зеленого солнца. Такие соски в несчетном множестве болтались по всей площадке на таких же еле видимых шлангах, тотчас же превращавшихся в тоненькие зеленые струйки, должно быть, вкусной и питательной жижицы, потому что бородатые младенцы, с присвистом насосавшись, отваливались насыщенные, довольно урча.

— Вот тебе и детские ясли,— сплюнул Малыш,— смотреть противно!

— А почему они в воздухе?

— Какой-нибудь гравитационный фокус. Такая воздушная люлька гарантирует от неожиданностей.

— Так они же взрослые. Может быть, это сумасшедший дом?

— А я знаю? — озлился Малыш. — Встретились с чужим разумом. Ура! Раздевайся и булькай — вот тебе и контакт.

Он не закончил фразы: что-то сверкнувшее в воздухе полоснуло его по плечу — не то стальная проволока, не то серебристый лучик, тотчас же исчезнувший. Страшная боль ожгла его. Даже дышать стало трудно. Но куртка, должно быть, все же смягчила удар: левое плечо и рука хотя и онемели, но не утратили подвижности. В ту же секунду охнул от боли Алик. Серебристая змейка хлестнула его по ноге, и только одежда, не подпустившая ее к телу, позволила ему удержаться и не упасть.

В двух метрах от них, в проходе между кустами, откуда они вышли к площадке, возвышался голый бородач, такой же, как и булькавшие за пленкой, но твердо стоявший на ногах и управлявший руками. В правой была зажата или металлическая зажигалка, или ручной фонарик, во всяком случае что-то похожее. Позади толпились лохматые, как и он, парни, с глазами осмысленными и разумными. Впрочем, эпитет «разумный» можно было употребить лишь в сравнении с их ползающим за пленкой подобием. Едва ли можно назвать разумной горевшую в этих глазах слепую жестокость, нерассуждающую мальчишескую злость.

— Стой! — крикнул Малыш и прыгнул к бородачу.

Тот едва успел взмахнуть рукой, как что-то металли-

ческое, зажатое между пальцами очутилось в руке Малыша. Теперь серебристая змейка хлестнула уже по голому телу бородача. Он тоненько всхлипнул и упал мешком. Но задние не отступили. Их сверкнувшие лучики метнулись к Малышу, а он успел увильнуть, рухнув во весь свой двухметровый рост под ноги нападавшим, и оттуда тем же электрохлыстом полоснул их снизу. Четверо, взвизгнув от боли, сразу свалились, как сбитые кегли. Остальные скрылись за бруствером кустов.

— Ппппрости...— скулил, заикаясь, Алик, помогая подняться товарищу.

— За что?

— Я не испугался. У меня просто не было этой штуки.

— А о гранатах забыл? Давай сюда. Одну мне — и к машине. Выскочишь из прохода, не оглядываясь шарахни своей назад. А я прикрываю. Ну!

Алик сделал все, что потребовал Малыш. Выбежал, прыгнул, швырнул через плечо гранату и исчез за кустами. Позади вырос большой черный шар, вытянулся колбасой метра в три толщиной, все время сплющиваясь и расширяясь. «Пора»,— решил Малыш, подождав секунду, пока не исчез за кустами Алик, и прыгнул вслед. За дымовой завесой, густой, как масло, ничего не проглядывалось, только в двух-трех местах колбаса вспучивалась, словно кто-то пробовал пробиться сквозь ее жирную черноту. Малыш тут же бросил вторую гранату и побежал за Аликом. Еще один черный шар повторил в точности преобразование первого. Теперь колбаса расширилась метра на четыре. «Не пробьются»,— решил Малыш и успокоился. У самой машины он догнал быстрого Алика, сел к пульту и швырнул вездеход вперед над кустами к памятной эвкалиптовой аллее. Она просматривалась в обе стороны, по-прежнему светлая и пустынная.

— Струсил все-таки? — спросил Малыш. — Только не ври.

— Я и не вру. Сам видел. Сумасшедший дом суб-Гедоны.

— Почему «суб»? И едва ли это дом сумасшедших. Не знаю.

— А что это за змейки?

Малыш вынул из кармана матовую металлическую ручку, очень удобную: с вмятинами для пальцев, белой

кнопкой посередине и капельным наконечником. Алик не нажал на кнопку, он только прикоснулся к ней, а на кончике капли уже засветилась точка, настолько крохотная, что измерять ее можно было только микронами. Алик снял палец с кнопки, и точка погасла.

— Электронный хлыст,— сказал Малыш,— а я думал, стальная проволока. Болевое и парализующее оружие. Вероятно, не убивает. Жестокая игрушка для жестоких детей.

— Чьих детей?

— Спроси еще что-нибудь,— огрызнулся Малыш.— Где находится этот твой мир зеленого солнца? На земле? Под землей? Призрак из пыли? Эвкалипты ведь настоящие, а где они росли час назад?

— Ты уравнения Мерля помнишь? — спросил Алик.

— Я не физик-пространственник. Мне это ни к чему.

— И зря. Тогда бы не спрашивал, где росли эвкалипты. Они росли и растут. В том же пространстве, но в другой его фазе. Она на минуточку, даже, может, всего на какой-нибудь квант, убежала вперед или отстала от нашего времени, но пространство в ней уже организовано по-другому.

— Силен,— сказал Малыш,— не зря тебя муштровали в Кембридже. Ну, а как мы выйдем из этой фазы, профессор?

— Как и вошли. Что это, по-твоему?

Издали навстречу им, обтекая коринфские колонны эвкалиптов, плыло нечто странно похожее на стог только что скошенной пыльно-зеленой травы. Гигантский комок то и дело вздрагивал, рос, мутнел, то наливаясь до синевы, то растекаясь по краям белокочанными выплесками.

— Выходит, опять мираж,— предположил Малыш.

Алик долго всматривался, потом сказал не без торжества в голосе:

— А ты лучше взглядишь, навигатор. — И прибавил, поясняя: — В центр, в центр!

А в центре менявшего формы комка чернело пятно. Оно тоже увеличивалось, но сохраняло цвет, поблескивая, как рояль, отражающий вставшее над окном солнце.

— Понял вас! — вскрикнул Малыш и швырнул машину прямо в крышку «рояля».

Одновременный шок, на мгновение выключивший и снова включивший сознание, темнота и свет, нормальный дневной свет, но окрашенный словно бледно-зелеными стеклами. А перед нашими странниками в ветровом стекле вездехода до горизонта простиралась уже не вызолоченная солнцем, палевая эвкалиптовая аллея, а припудренный пылью черный камень материка. Он вдруг показался им таким домашним, приветливым, даже родным.

— Кажется, выбрались,— облегченно вздохнул Малыш.

Алик оглянулся и увидел позади ажурную вышку наблюдательной станции.

— Поворачивай,— сказал он,— приехали.

Глава IV

ПРОВОДЫ ПРОИГРАВШИХ. «ГЕДОНА-3» ПОДЫМАЕТ ФЛАГ

Все уже было готово к отлету. Остались считанные минуты. Доктора после укола спонтифина, снимающего нагрузки во время ускорения, еще заранее перенесли в космолет: требовались минимум четверть часа тишины и покоя для стабилизации нервной системы. Даже Пилот выбрался из кабины, чтобы размяться в эти несколько минут перед отлетом, хотя разминаться можно было только в тени высокой ракеты. Оранжево-желтое солнце обжигало даже перед закатом. Любопытно, что в лучах его гасли все оттенки света его соседей и ничто окружающее не приобретало ни зеленых, ни синих красок. Цветные солнца не светили, а отсвечивали, похожие на блестящие кружки, выкрашенные разноцветными лаками. Смотреть на них можно было запросто, без темных очков.

Но жары и без того хватало на черном накалившемся камне без клочка тени, кроме узкой полоски от космолета, на которой топталось несколько человек. Библ то и дело слизывал с губ струившиеся по лицу соленые капли пота. Он с трудом переносил это пекло, не то что привычные ко всему Капитан и Малыш или зябкий Алик. Сморило и Пилота, но не погасило полыхавшей в нем радости. Он даже приплясывал, ни на секунду не умолкая:

— Пекло? Пекло. И не то еще будет, голубчики. Не

завидую я вам, наглотаетесь. А мы с Доком как вернемся, так сразу рапорт об отставке с космической службы. Док — по болезни, я — по собственному желанию. Хватит с меня незапланированных поисков чужого разума в космосе! Полетаю теперь на земных трассах, тихонько, легонько, на воздушной подушечке, на звуковой скорости. Где-нибудь каботажем с курорта на курорт или в Арктике. Холодно, скажете? Хорошо!

Малыш смотрел на него не презирая — с жалостью. Легированную сталь излучателем сравил. Чокнутый: языком болтает, как вентилятор. Не завидует. А позавидовать можно: полгода просидел здесь и спекся. А они вдвоем с Аликом за один день зеленый мираж, как задачку по механике, щелк — и решили!

Об этом же думал и Алик, не успевший все рассказать Капитану. Оказывается, встречу их с пылевым смерчком все-таки нащупали объективом видеоскопа. Всё видели: как столкнулись, как заглотал их зеленый комок и как растаял потом на черном камне. Встревожились, конечно. Пропал вездеход — не шутка. И двух людей нет. Пилот так сразу похоронил их: «И не ждите. Конец. Ищи Иону во чреве китовом». Только Док надеялся: «Встретят разрыв пространства — вернутся». Он считал, что смерчи или туманности — это результат разрыва пространства, смещения фаз времени, пространственно иначе организованных. И, кстати сказать, правильно считал. Алик предполагал то же самое. Если бы Мерль сделал свое открытие не на Земле, а на Гедоне, его бы считали не только гением математического воображения и не отплевывались от его уравнений, как отплевывается от них узкий практик Малыш.

Когда ракета огненным стержнем врезалась в край неба и скрылась за его голубой кромкой, они долго молчали, думая о своем. Сейчас Гедона стала их домом, их почвой, их землей. Возвращение к пенатам состоится не ранее года или, по крайней мере, через несколько месяцев, если пришлют смену по экстренному лазер-вызову. Но Капитан не Док, он из легированных сталей, не гнется и не ломается, не чахнет и не психует. Его не утомишь и не испугаешь, не поколеблешь и не смутишь; нужно убить его, чтобы остановить, а убить его совсем не так просто: готовность к защите не покидает его даже во сне.

Малыш из того же теста, только выпечка у него попроще: нет тех ингредиентов информации, какие запрограммировала и накопила жизнь Капитана.

Библ был послабее духом, но любопытство и жажда нового легко побеждали в нем естественный страх перед опасностью. О себе Алик этого сказать не мог. От страха у него противно потели руки и душа уходила в пятки: точнее, на страх тотчас же спазматически откликались кровеносные сосуды в ногах. Именно так и было, когда он впервые увидел сверкнувшую над головой серебристую змейку. Реакция на опасность оказалась у него чуть более замедленной, чем это полагалось для космолетчика. В пропускной комиссии Медицинской службы возник даже спор, можно ли оставить его в составе экипажа. Только вторичная проба сняла сомнения: сопротивляемость организма компенсировала полностью замедленность требуемой реакции, индекс ее оказался даже выше, чем у его товарищей по экспедиции.

Но сейчас Алика тревожила не опасность, а неизвестность. И пожалуй, «тревожила» не то слово. Было в этой неизвестности что-то возбуждающее, пьянящее, что подкрадывается порой к художнику в предчувствии долгожданной находки или к ученому на пороге еще смутно ощущающегося открытия. Капитан взглянул на него и улыбнулся: понял. Потом посмотрел на уползавшие за сине-зеленый горизонт тускло светящиеся цветные кружки и произнес задумчиво, ни к кому не обращаясь:

— А ведь и на Земле иногда тот же эффект. Воздух, как призма, разлагает свет. По существу, мы наблюдаем не один белый диск, а несколько цветных, наложенных друг на друга. На закате край их обычно отсвечивают, окрашивая небо. Чаше красным, а иногда где-нибудь на море или в пустыне мы видим точь-в-точь такой же сине-зеленый горизонт.

— Горизонты разные, а солнце-то одно,— сказал Библ.

— И здесь одно. Только на Гедоне атмосферные условия позволяют видеть и спектральное разложение, и фазовые смещения дисков.

— А может, пойдем? — зевнул Малыш. — Домой пора: ночи на Гедоне короткие.

Все засмеялись. Малыш уже считал необжитую стан-

цию домом. А ведь ее еще надо было сделать домом, вдохнуть в этот захламленный сарай ту милую человеку теплоту и домашность, которые мы обычно называем уютом. Четыре человека снова молча обошли все коридоры и комнаты, где пахло пылью и грязным бельем, и решили отложить уют до утра: «Все равно до ночи не управимся. А завтра разделимся. Двое пойдут на вездеходе, двое останутся обживать станцию». Все знали, что обживать останутся Алик с Малышом, но никто не возражал и не спорил.

После ужина перед сном провели летучку — первую на этой планете. Алик повторил рассказ о бородатых младенцах, с особенной тщательностью вспоминая подробности. «Побольше подробностей,— требовал Капитан.— Цвет, форма, происхождение причины, последствия — всё, что запомнилось». Но слушал не перебивая, лишь иногда вставлял корректирующие или недовольные замечания: «Не обратили внимания, откуда идут шланги с питанием к детской площадке? Нет? Жаль». Осмотрев «хлыст» и запустив к потолку серебристый лучик, подставил руку, поморщился и заметил: «Болевое оружие. Должно быть, не убивает, иначе его не давали бы детям». На реплику Библа «почему детям?» откликнулся тотчас же, упредив Алика: «Потому что взрослых они не видели». Очень удивился, что Малыш и Алик, пробиваясь к вездеходу, прибегли к гранатам. «А «пояса»? Один прыжок, и ваши дымовые шашки бы не понадобились». Малыш и Алик смущенно молчали: «пояса» они забыли на станции. Эти реактивные «пояса», без которых ныне не обходился ни один спортсмен или турист, были изобретены на Земле еще в шестидесятых годах двадцатого века. С довольно громоздким турбореактивным двигателем, они позволяли человеку совершать прыжки в воздухе на расстоянии от пятидесяти до двухсот метров. За сто лет их изрядно усовершенствовали, почти приравняв человека к птице. Гравитационный двигатель, сменив турбореактивный, уменьшился до размеров небольшой пряжки на спине, но увеличил дистанцию прыжка до свободного полета по любой траектории. Одним движением корпуса можно было изменить траекторию, но именно это и не позволяло «поясам» стать массовым средством транспорта. В начале двадцать первого века их популярность не пре-

вышала популярности мотоцикла сто лет назад и несколько десятилетий спустя ее все еще ограничивала необходимость риска, опыта и спортивного навыка.

Умение владеть «поясами» было элементарным для каждого космолетчика, и Алик отлично понимал, что с «поясами» они увидели и узнали бы много больше, но их экспедиция на вездеходе планировалась и оснащалась слишком поспешно. Капитан и Библ оказывались в более выгодном положении: их путешествие можно было обдумать и обсудить накануне, что взять, что оставить, какой инструмент, какое оружие.

— Излучатели взять,— решил Капитан,— но применять их лишь в случае крайней необходимости. И никоим образом против детей!

— А если мы попали в космический Бробдиньяг?¹ — предположил Алик.— Если младенцы в их нынешнем состоянии с годами становятся великанами?

— И тогда излучатель — крайняя мера. Только в условиях ничем другим не отвратимой опасности. Я думаю, обойдемся «поясами», дымовыми гранатами и пневмоотражателями.

— Честно говоря, я еще ни разу не держал в руках этой штуки,— признался Библ.

— Возьмешь — не выронишь. Держи средний палец на спусковом крючке — только и всего. Отражает встречной волной все — от камня до пули. Любой зверь, прыгнув, сломает ноги. Радиус до двух метров — больше не нужно. Установишь на шкале и чеши.

Только один Малыш был с Библом на «ты», он был со всем миром на «ты» и даже Капитану счел возможным напомнить:

— Не забудь браслеты с приборами внешнего включения и выключения силовой защиты машины. Правило номер один: покинутый вездеход остается недоступным для любого вмешательства извне. Помнишь, как погибла вторая экспедиция на Прокле?

Капитан поморщился:

— Не каркай. Мы вооружены и оснащены так, что нам не страшно ничье и никакое вмешательство. Ни че-

¹ Мифическая страна великанов из романа Дж. Свифта «Путешествия Гулливера».

ловек, ни природа. Ни абсолютный нуль, ни вакуум, ни плазма. Страшно другое — смещение фаз. Входы и выходы. Мы не знаем, когда они открываются, как открываются, почему и зачем.

В черную покатость окна — они сидели в комнате Дюка — врубился вдруг узкий клинок света. Не молния, сверкнувшая, расколов небо, и не след метеорита, медленно тающий в черноте звездного купола. Где-то вдали, должно быть у горизонта, словно раздвинулись створки ночи, впуслав высокую полосу зари. В ее белом, почти дневном свете смутно просматривались очертания незнакомого города.

Видение продолжалось, должно быть, минуту, не больше, и растаяло в ночи, как залитая тушью картинка.

— Мираж? — удивился Малыш. — А почему ночью? Сейчас все пять солнц на другой стороне планеты.

— Может быть, отблеск?

— Чего?

Алик смутился, мельком взглянул на Капитана. Но тот молчал. Библ жевал соломинку от коктейля.

— Вероятно, смещение фаз происходит и ночью, — предположил он. — А если учесть разницу во времени — она может быть и значительной, — у нас ночь, у них день.

— Где это «у них» и кто это «они»?

— Может быть, здесь несколько цивилизаций. В каждой фазе своя.

— Разговорчики! — оборвал Капитан. — Спать! На сегодня всё.

— Нет, не всё!

Алик выкрикнул это с мальчишеской звонкостью, предвкушая недоумение товарищей и свое торжество над этим недоумением.

— Мы еще не подняли флага на станции, — закончил он, храбро встретив взгляд Капитана.

Но взгляд был теплый и поощряющий. Алик не предполагал, что это можно сделать и завтра утром. Капитан даже не усмехнулся мальчишескому порыву Алика, он просто сказал:

— Молодец, сынок.

— Темно на улице, — усомнился Малыш.

— А мы костер разложим!

— Из чего? Из пластика?

— Найдем что-нибудь деревянное. Человек даже в космос тащит с собой что-нибудь из милого его сердцу дерева.

Импровизированный костер запылал, отражаясь в черном зеркале камня. И его усиленное отражением пламя осветило знакомый всем землянам флаг ООН, давно уже в этом веке по-настоящему объединенных наций.

— Теперь уже всё,— сказал Капитан.— «Гедона-3» подымает флаг.

Глава V

ИГРА «СИНИХ» И «ГОЛУБЫХ». КАТАСТРОФА

На этот раз мираж уходил, смещаясь в Ничто. Он возникал далеко впереди в сиянии всех пяти солнц невысокой зеленой копной, будто скопнили только что скошенную траву, и, по мере приближения вездехода, не расплывался, не таял, а словно вдвигали его за привычную декорацию. Сначала сокращался вдвое, потом виднелся только узкий зеленый серп, а в конце концов вездеход пролетал в привычном уже пространстве пустыни, не задевая ничего зеленого — ни куста, ни травинки. Да и что могло вырасти на оплавленном до черноты кварце?

— Не везет,— заметил Библ.— И совсем уже непонятно, почему в одном случае мираж идет навстречу людям, а в другом уходит?

— Пожалуй, сие от нас не зависит. Миражные «входы» и «выходы» подчинены каким-то своим законам. А наш вездеход, особенно на высокой скорости, несет с собой частицу нашего пространства — времени, какой-то микроскопический обтекающий слой. Когда он, скажем, аритмичен межфазным соединениям, «вход» закрывается. А может быть, есть и другое объяснение,— вздохнул Капитан.

В самом деле, на какие еще объяснения можно было рассчитывать в этом царстве необычайного! Пять разноцветных солнц на небе, пять разных миров на планете. Блуждающие стога с калиткой-щелью в какое-то Зазеркалье. Бородатые младенцы, которые сучат ножищами

сорок шестого размера и сосут молочко из пожарных шлангов.

— Если младенец двух метров ростом,—вспомнил Капитан предположение Алика,—то к зрелости он дотянется до десяти. Значит, все-таки свифтовское: Бробдиньяг в космосе.

— Едва ли,—не согласился Библ.—Во всех фазах одна и та же гравитация, близкая к земной. Гигантские рост и вес создадут чрезвычайные неудобства для гуманоидов. Может быть, здешняя биоэволюция и не повторяет земную, но едва ли слишком от нее отличается. Тут что-то другое.

— Сейчас узнаем.

Широченный фонтан чистого зеленого пламени, то вздымаясь, то падая, бил прямо из черного камня метрах в пятидесяти от вездехода, не обнаруживая тайных намерений погаснуть или уменьшиться. Он бил не высоко, не выше двухэтажного дома, но и не опускался ниже первого этажа, позволяя вездеходу свободно пройти сквозь щель. Тускло-серая, ровная, как портьера, она не открывала тайн мира, притаившегося за ней. То ли это была стена, или облако, или просто сгусток лежавшего в долине тумана, ни Библ ни Капитан не смогли ответить, но самое главное, щель не исчезла при сближении с машиной. И Капитан решился. Он включил отражатель, который в случае столкновения с непреодолимым препятствием отбросил бы машину назад, и похожий на черепаху вездеход пошел на таран в центр непонятной мути.

Он прошел ее, как нож масло, без малейшего сопротивления. Силовое поле отражателя действовало с силой кумулятивного взрыва. Серая масса, а это была несомненно масса пока еще неизвестного состава и происхождения, уступчиво сжималась или расступалась, пропуская путешественников. Но она не пропускала света, и несколько секунд вездеход шел в полной темноте, пока не вырвался на залитую солнцем лужайку, похожую на газон футбольного поля.

Капитан остановил машину и оглядел ландшафт в круговом смотровом стекле. Позади простиралась ровная плоская поверхность не то кустарника, не то высокой травы, так плотно и густо росшей, что даже вблизи она походила на двухметровой толщины серый ковер, при-

мыкающий у горизонта к очень темному, неизвестного происхождения лесу.

— Вот эту серятину мы и прошли,— задумался Капитан.— Интересно, что же это на самом деле?

— Серые мхи,— сказал Библ.— Палеозойская декорация. А эта лужаечка — часть просеки, засеянной уже вполне современным газоном и опоясывающей явно силурийский заповедник. Видимо, мы находимся там же, где уже побывали Малыш и Алик. В том мире, во всяком случае. А теперь превратимся в Ливингстона и Стэнли и отправимся в джунгли космической Африки.

Оставив вездеход под силовой защитой, навесив и пристегнув все захваченное со станции ручное оружие, Капитан и Библ отправились на рекогносцировку в симпатичные джунгли незнакомого, но явно ухоженного кустарника за газонной полянкой. Может быть, Ливингстон и Стэнли казались для сравнения слишком далеким эталоном путешественников, но в своих кремовых шортах и сетках, предохранявших от жары грудь и спину, в модернизованных пробковых шлемах с вмонтированными в них миниатюрными рациями их нынешние последователи действительно походили на участников сафари в приключенческих фильмах двадцатого века. Запавшие щеки и крутые морщинки на лбу Капитана и совсем уж колоритная голландская борода Библа, окаймлявшая бронзовое от загара лицо, дополняли впечатление.

— Вместе или разделимся? — спросил Библ.

— Вместе,— решил Капитан,— рация пригодится в пожарном случае.

Раздвигая упругие большелистые ветви, протискиваясь в тенетах вечнозеленых кустов, за которыми торчали уже описанные Малышом и Аликом высоченные мачты эвкалиптов, Капитан и Библ добрались наконец до другой полянки и прислушались. Из-за кустов доносились даже не звуки какой-то членораздельной речи, а просто вскрики, вопли, хрип, свист и хохот. Осторожно спрямив закрывающий дорогу кривой двухметровый лист, наши путешественники так и замерли на месте. Перед ними открылся наконец обитаемый уголок гуманоидного мира Гедоны.

Их было около десятка спортивного вида юношей, почти голых и загоревших до смуглости жителей тропиков.

Из одежды на них были только сандалии без креплений с неизвестно как прилипшей к ноге подошвой и вполне земные пляжные плавки небесно-голубого цвета. Лишь двое предпочли темно-синие и, может быть поэтому, оказались в конфликте с голубоплавочниками. Тесно-тесно, спина к спине, отражали они их яростное нападение. Дрались «хлыстами», сверкавшие змейки которых то удлинялись, то укорачивались, смотря откуда и куда был направлен удар. Любопытно, что удары не оставляли на коже заметных следов, но каждый меткий «нахлыст» вызывал или гримасу боли, или подавленный крик, а иногда кто-нибудь из нападавших отбегал и, гримасничая, растирал пораженное место. Капитан заметил, что, встретившись в воздухе, лучистые шпаги раскалывались, срезая друг друга, и удары не достигали цели, но никто из участников схватки не использовал этот прием, стараясь прежде всего «накрыть» противника. В отличие от лохматых «младенцев» все они были аккуратно подстрижены и чисто выбриты, но внешне спортивный лоск не заслонял так и распирающей их первобытности.

— Звери! — сквозь зубы выдохнул Капитан, еле сдерживая накипающий гнев.

Юноши действительно дрались с молчаливой свирепостью, как волки в земных заповедниках, и только вой да хохот сопровождали избиение сопротивлявшихся.

Наконец один из них упал, и тотчас же две серебряные молнии накрыли спину другого. Но он устоял, ответив ударом на удар и в свою очередь сбив с ног двухметрового гиганта в голубых плавках. «Голубые», взыв по-волчьему, участили удары.

— Звери, — повторил Капитан, уже готовый вмешаться в схватку.

— Дети, — остановил его Библ. — Не вмешивайся, это не наша игра.

— Почему игра? — удивился Капитан.

Но ответил не Библ, а старший из «голубых», видимо вожак группы, и ответил... по-русски.

— Хватит. Две дюжины ударов. Я сосчитал.

«Голубые» остановились. Кто-то крикнул:

— Он и от трех дюжин не сдохнет!

— Не по правилам, — сказал вожак. — Пусть идет.

«Голубые» расступились, пропуская силача в синих

плавках. Шаги его, неуверенные и медленные вначале, понемногу крепили и убыстрялись. Под конец он прыгнул и исчез за кустами.

Двое из оставшихся рванулись было за ним, но вожак снова остановил их:

— По правилам игры положено догнать его по другой дороге и снова встретить лицом к лицу. Догоните — добьете. Я жду здесь.

Оставшись один, он подошел поочередно к лежавшим без сознания юношам и перевернул каждого лицом к солнцу. Все они казались странно похожими друг на друга, как для земного европейского глаза кажутся лица монгольского типа. Но в этих не было ничего азиатского — голубые глаза, прямой нос и овал лица напоминали землянину скорее скандинавский или англо-саксонский тип. Лишь приглядевшись, можно было заметить различия, не очень определенно и резко выраженные и только подтверждавшие первоначальную мысль о сходстве. И Капитан и Библ почти одновременно нашли объяснение: перед ними был отборный, физически полноценный и генетически наиболее совершенный вид гедонийского гуманоида.

— Может, я ошибаюсь, — не очень уверенно произнес Капитан, — но мне показалось, что они говорили по-русски. Чушь зеленая.

— Они вообще не говорили, — сказал Библ.

Капитан усмехнулся:

— Значит, прямое мысленное общение. Попался, старый дурак, на удочку знакомых слов.

— Мы просто переводили их мысли в привычные нам слова, — пояснил Библ. — Сначала мне казалось, что я слышу, а потом обратил внимание, что губы у них не движутся. Возможно, у них вообще нет речи, как системы связи.

— А крик?

— И зверь кричит.

— Но зверь не мыслит.

— С глубиной этой мысли мы уже познакомились.

— Проверим лично. Есть шанс, — сказал Капитан и, раздвинув кусты, вышел на поле боя.

С молниеносной реакцией «голубой» обернулся и рассек «хлыстом» воздух. Но пробковые шлемы и шорты не-

знакомцев повергли его в такое изумление, что он совсем по-детски разинул рот.

— Кто... вы? — «услышал» Капитан и ответил уклончиво:

— Мы издалека.

— Почему ты водишь с собой ребенка? — крикнул на Библа гедониец.

— Он не ребенок.

— Разве у вас в школе ходят небритыми?

— Ходят. — Капитан продолжал игру.

— Так ведь он же единицы теряет.

— Что?!

— Ты что — идиот? Биты. Не понимаешь?

— По-моему, он сказал «биты», — сквозь зубы проговорил Капитан, не глядя на Библа.

— Биты, точно, — подтвердил тот. — Он имел в виду именно биты: у нас для этого нет других терминов. Условные единицы информации. Сначала он и сказал: единицы.

— А сколько ему лет? И при чем здесь информация? Библ только плечами пожал.

— Почему вы оба жужжите? — спросил гедониец.

— Мы не жужжим, мы разговариваем.

— Что?

— У них нет такого слова, — шепнул Библ. — Подберите другое.

— Мы общаемся. Ты разве не слышишь?

— Когда общаются, думают. И не слышат, а понимают. А я слышу: бу-бе-бо, та-ти-ту... — передразнил гедониец. — Жужжание.

— А сколько тебе лет?

— Полтора года.

Теперь изумились Библ и Капитан.

— Врет? Или у них другая система отсчета?

— Если мы слышали «год», значит, он имел в виду год. Может быть у них год другой?

— Судя по роже, ему лет двадцать, не меньше.

— Опять жужжите.

— Давно в школе? — спросил Капитан, дипломатично обходя коварный вопрос о жужжании.

— С детской площадки. Скоро полкруга. А ты сколько?

— Столько же.

— А что у вас на голове?

— Форма,— придумал Капитан.— Экскурсантам дают. Знаешь, что такое экскурсия?

— Знаю. Нас в Аору возили.

Капитан услышал «Аора», Библ — «Аэра», но комментировать «услышанное» не стали. Возможно, это заповедник какой-нибудь или город.

— Да спрашивайте же, задавайте вопросы. Не позволяйте ему спрашивать,— шепнул Библ и спросил, опережая Капитана: — А ты любишь учиться?

— А кто любит? Ты любишь?

— Смотря что. Сегодня был в школе?

— Был. Два часа просидел у компьютера. Голова трещит — сдохнешь.

И Капитану и Библу показалось, что гедониец сказал «два часа», но «услышали» они это не очень ясно и настаивать на «часах» не могли, однако термин «компьютер» прозвучал в сознании обоих одинаково четко.

— Вы слышали: компьютер, да? — шепнул Библ, не глядя на Капитана.

— Точно. Чудеса в решете.

— Ты подумал о компьютере? — продолжал Библ, обращаясь к уже подозрительно косящемуся юноше в голубых плавках.— У нас в школе это называется по-другому. Машина, которая за тебя думает, тебе подсказывает, забирается тебе в голову и раскладывает там по полочкам всякую дребедень. А ты просыпаешься и уже все знаешь. Так?

Гедониец заржал, как лошадь. А Библ, не давая ему опомниться, продолжал обстрел:

— Чему сегодня учился?

— Счету,— нехотя отвечал гедониец, ему уже начал надоедать этот затянувшийся экзамен,— а потом игре в «тро».

Капитан услышал «таро» и переспросил,

— Шашки,— показалось обоим.— Двенадцать клеточек горизонтально, двенадцать вертикально. Перемножишь?

— А ты?

— А я и не то могу. Двенадцать семь раз двенадцать и на себя один двенадцать. Ну?

«У них двенадцатиричная система счета», — подумал Библ и сказал вслух:

— В уме не могу. Без счетной машины не обойтись.

— На машине всякий дурак сумеет. А я — в уме. Мне за это две дюжины единиц накинули. А за воображение минус.

— Почему?

— Не прошел теста. Шесть проб, а на табло нули.

— На каком табло?

— Световом.

— Сдаюсь, — шепнул Библ Капитану. — Изнемогаю. Еще вопрос, и мы завалимся. — Но он все-таки задал свой последний вопрос: — А зачем вам эти условные единицы?

— Не соберешь нормы — конец. Глотай снова жижицу из клистирной трубки.

Капитану «послышалось»: из «резиновой кишки». Но смысла не уяснили оба, и главное, «голубой» это понял.

— Не из школы вы. Откуда — не знаю. Беру в плен, — объявил он и хлестнул серебристой змейкой.

Капитан нырнул ему под ноги и сбил на землю. Оба тотчас же вскочили, но Капитан секундой раньше и болевым приемом заставил юношу выронить «хлыст».

— Подберите, Библ, — сказал он, не оборачиваясь. — А ты теперь знаешь, кого можно брать в плен, а кого нет.

Гедониец не был трусом. Но и третий его прыжок — он, видимо, собирался укусить Капитана — закончился для него столь же плачевно. Даже не пошевелившись, Капитан левой рукой перебросил его через голову. Для космолетчика, обученного всем приемам самозащиты, гедонийский школьник даже с фигурой туриста был не опаснее земного мальчишки. Сейчас он уже был сломен. Не оглядываясь, не пытаясь приподняться, он на четвереньках пополз в кусты.

— Ну вот и все, — грустно проговорил Капитан. — Контакт исчерпан.

— У нас не было выхода, Кэп, — сказал Библ. — Не подставлять же спины под их «хлысты».

— И все-таки жаль парня, Библ.

— Убийцу? Все они — убийцы. И пусть не угрызает вас совесть. — Библ кивнул на безжизненные, обращен-

ные к солнцу лица: — Боюсь, что у них иные моральные принципы, Кэп, и не с ними надо искать общения.

Капитан задумался.

— Значит, к вездеходу? А может, все-таки рискнем продвинуться? Вон мимо тех эвкалиптов. Аллейка со всех сторон просматривается. Если что, увидим.

— Он может вернуться не один.

— С нашим оружием, Библ, даже в джунглях Проклы не страшно. «Хлысты» — детские игрушки по сравнению с пневмоотражателями. А у нас еще и гранаты, и «пояса». Пусть только сунутся!

«Даже самый опытный и счастливый разведчик на вражеской территории иногда ошибается», — подумал Библ, но не стал возражать Капитану. Аллейка действительно была веселой и светлой. Высоченные мачты эвкалиптов с листьями-ножами, обращенными лезвием к солнцу, не задерживали даже тоненького лучика. Шагай да шагай. Песок, газон, камешки. Десять минут... двадцать... полчаса. Ничто не изменяло окружающего пейзажа.

— По такой бы аллейке да на воздушной подушечке, — мечтательно вздохнул Капитан. — Не планета — курорт!

Но Библ молчал, не отрывая глаз от линии вечнозеленых кустов с толстыми, будто картонными, листьями, выстроившихся за эвкалиптами. Они тянулись параллельно плотной, густой, словно искусственно выровненной полуметровой оgrade.

— Вас что-то беспокоит, Библ?

— Кусты. С любой стороны можно подползти незаметно.

Капитан остановился и сказал:

— Чему-нибудь нас все-таки учили в космослужбе.

Из глубины одного из своих бесчисленных карманов достал миниатюрные «кошки», прикрепил их к ботинкам и по-обезьяньи быстро-быстро полез вверх по вызолоченному солнцем стволу. Забравшись метров на десять, огляделся и так же быстро соскользнул на землю. Лицо его было сосредоточенно и серьезно.

— Вы угадали, Библ, а я опять ошибся. Они ползут двумя колоннами справа и слева.

— В голубых плавках?

— Не обратил внимания. А не все ли равно?

— У меня возникло предположение о «синих». Подумал, может, снова встречаются два враждующих лагеря?

— Нет, Библ. Это за нами охотятся.

— Тогда включим «пояса», Капитан.

— Вы первый.

«Пояс» сразу не подымал. Какие-то мгновения человек медленно отрывался от земли до полуметра, а затем, со свистом рассекая воздух, летел по дуге метров двести—триста. Библ пролетел, как торпеда, приземлившись беззвучно и мягко. Через одну-две секунды его догнал Капитан.

— Повторим?

Повторили. Еще триста метров и еще раз триста. Где-то здесь надо поворачивать влево. Уже виднелись вдали серые мхи. Капитан взглянул на компас-наводчик и взял направление. Вездеход он нашел точно на оставленном месте, но оно не было пусто. Два десятка юношей в синих плавках толпились у машины, не в силах пробиться к ней вплотную: защитное поле пресекало все их попытки. Прыжок Капитана заметили, но он не успел в момент приземления взяться за оружие: не хватило буквально каких-то мгновений. Что-то неприметное и бесшумное небольшо укололо его в щеку, и он сразу провалился в темноту.

Библ видел все это с воздуха. Он мог продлить прыжок, переключив его в свободный полет, но где приземлиться? За вездеходом — бессмысленно: не сможешь помочь товарищу. Возле него — не успеешь: у них какое-то загадочное, но точно бьющее оружие. Значит, надо атаковать в полете. Пролетев над вездеходом, он освободил пристегнутую гранату-газовку, повернул и на большой скорости, только снизив высоту до четырех-пяти метров, швырнул гранату где-то между вездеходом и кучкой бесновавшихся голышей в синих плавках. Сразу же невысокое облако «смога», окутало их вязкой и жирной чернотой. Капитан все еще без сознания лежал в трех метрах от машины. Теперь можно было приземлиться, взвалить товарища на спину и дотащить его до вездехода, предварительно сняв защиту. Библ так и сделал. Ничто не мешало ему: облако черного дыма преграждало путь гедонийцам. Но один все-таки пробился, не попав на глаза

*Пролетев над вездеходом, Библ освободил пристегнутую
гранату-газовку...*

согнувшемся под тяжестью товарища Библу. «Синий» взмахнул чем-то похожим на большой гаечный ключ. И как будто ничего не случилось: ничто не гроыхнуло, не сверкнуло, не просвистело. Только Библ, уже подтащив Капитана к вездеходу, почувствовал легкий, почти незаметный, как комариный укус, укол. И потерял сознание, так и не сняв защитного поля с машины.

Глава VI

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ. ЗА ПОРОГОМ СКАЗКИ

Он очнулся в совершенно прозрачной комнате, границы которой были едва различимы. Только потолок матово затенял от зеленого солнца, а стен будто и совсем не было — вплоть до горизонта раскинулось во все стороны искусственно выращенное или специально подстриженное газонное поле. Ничто не нарушало его гармонической одноцветности — ни кустика, ни деревца до голубой кромки неба. Ничто не отвлекало внимания, не рассеивало, не перебивало мысль. В этом желтовато-зеленом вакууме хорошо думалось, воспринималось, ассоциировалось. Даже мебели не было, а лежали они с Капитаном просто на воздушной подушке метрах в трех-четырех друг от друга, в тех же костюмах, с тем же снаряжением, причем ни излучатели, ни гранаты не провисали, не оттягивали, лишь чуть-чуть прогибая пружинящую прозрачную пленку, подвешенную под ними неким невидимым гамаком. Библ нащупал ее — она действительно пружинила и прогибалась, как натянутая резина. Издали казалось, что Капитан просто повис в воздухе, безмолвный и недвижимый. Мертв? Библ прислушался. Ровное дыхание товарища успокоило: спит.

Библ сел в своем невидимом гамаке, и гамак тотчас же превратился в кресло — ощущались даже более жесткие ручки-подлокотники — ни дать ни взять творение искуснейшего художника-модельера земной мебельной фабрики, только невидимое или уж во всяком случае с трудом различимое. Да и пол обманул: газон только просматривался сквозь такую же прозрачную пленку, а она чуть-чуть прогибалась и отталкивала ногу. Вероятно, по

этому полу и ходить было одно удовольствие, и Библ, вскочив, пружинящей, энергичной походкой подошел к Капитану.

— Чудеса, Кэп,— позвал он, тронув спящего за плечо,— просыпайтесь!

Капитан открыл глаза и мгновенно, как цирковой акробат, подпрыгнул и стал на ноги, готовый к защите. Ни Библа, ни комнаты он еще не разглядел — просто действовал привычный рефлекс космоисследователя.

— Библ? — почему-то удивился он.— Что случилось? Ах да! Нас же сбили.

И тут Библ сразу вспомнил все то, что ускользало от него в этом убаюкивающем зеленом мареве. Их последний прыжок к вездеходу. Падение Капитана. Меднокожие в синих плавках, окутанные жирным дымом гранаты. Он волочит Капитана к защитному полю вездехода. Укол. И — конец. Тьма.

— Очевидно, нас перенесли в эту колбочку из воздушной пленки. Если они людоеды, так для откорма. А может, просто для изучения, не знаю.

— Какую колбочку? — не понял Капитан.

— А вы оглянитесь получше.

Капитан оглядел неразличимые стены, зеленое море газона, пощупал ногой пружинящий пол, подошел к тому, что казалось стеной, ткнул в нее кулаком — кулак протиснулся на четверть метра, натянув тончайшую, как от мыльного пузыря, сливающуюся с воздухом пленку, и отскочил назад.

— Не пускает,— сказал Капитан.— А откуда же приток воздуха?

— Может, есть где-нибудь невидимое окошечко или вентилятор? — предположил Библ.

Капитан молча обошел предполагаемое пространство «колбы», всюду пробуя плотность стен, и всюду стена прогибалась и снова натягивалась.

— Крепко заперли, черти.

— Может, рванем излучателем? Кажется, подходящий случай.

— Едва ли. Лучше подождем.— Капитан еще раз оглядел их прозрачную клетку.— Действительно, колба. Интересно, на чем же мы спали? На этих воздушных подушечках?

Постели, ставшие уже креслами, по-прежнему едва просматривались. Отсутствие материальности, вещественности, а главное, цвета раздражало, и Библ не преминул заметить:

— Почему они игнорируют цвет? Если бы кресла, скажем, стали голубыми, а стены — розовыми, потолок побелел, а пол...

Фраза оборвалась. Библ буквально онемел от неожиданности. Стены мгновенно порозовели, висевшие в воздухе кресла словно выкрасили ультрамарином, а облачко, затенявшее потолок, стало молочно-белым. Только «недокрашенный» Библом пол оставался по-прежнему зеленой прозрачной пленкой.

— Н-да,— сказал Капитан.

Библ молча сел в голубое кресло без ножек, подпрыгнул на нем, промял, утонул.

— Неплохо. Любопытно, как это достигается?

— Просто это достигается. Проще простого. По щучьему веленью, по моему хотенью.— Капитан с таким же удобством уселся напротив.— Стола только не хватает.

И мгновенно возник стол. Стеклянно-матовый на вид, прямоугольный по форме, только без ножек, как и кресла.

Просто в воздухе между ними повисла доска.

— Ну, если мы попали в сказку, так и будем вести себя по-сказочному,— сказал Капитан.— Лично я выпил бы что-нибудь горячительное.

— И я.

На столе прямо из воздуха материализовались два странных бокала с вмятинами для пальцев, наполненные густой розовой жидкостью. Библ попробовал: вкусно. Выпили. И сразу же мысль приобрела особенную ясность, движения — легкость, а зрение — остроту.

— Хорошо! — крикнул Капитан.— Может быть, еще что-нибудь пожелаем?

— Я бы пожелал увидеть волшебника.

Никто не появился.

— Может быть, в их лексиконе нет слова «волшебник»? — предположил Капитан.— Тогда скажем так: кого-нибудь из тех, кто поместил нас сюда и выполняет наши желания.

— Я здесь,— откликнулось у обоих в сознании.

Телепатический зов донесся с другой стороны, и, обернувшись, они увидели меднокожего гедонийца в синих плавках и рубашке из тончайшей шнуровки, если это нитяное сооружение можно было назвать рубашкой. Шнурки тесно прилегали к телу на расстоянии нескольких сантиметров один от другого и ничем не скреплялись. Чему они служили? Защите от жары и солнца? Но они не могли защищать ни от температурных колебаний, ни от солнечной радиации.

— Вы ошибаетесь: они создают тончайшую воздушную прослойку желаемой температуры. Сейчас она значительно ниже температуры воздуха.

— Но многие из вас ходят голыми,— проговорил Капитан.

— Только дети.

Говоривший или, точнее, передававший свои мысли гедониец был так же юн, высок, атлетически сложен и красив, как и его соплеменники в одних плавках. Лишь глаза его светились более глубокой и умной мыслью, да и губы, как показалось Библу, складывались в подобие улыбки.

— А сколько тебе лет? — спросил он.

— Три года.

Стараясь даже мысленно не выказать удивления, Библ задал еще вопрос:

— Когда же у вас становятся взрослыми?

— Я уже взрослый.

— Но у вас дети выглядят такими же.

— У нас все дети выглядят одинаково.

— Даже старики?

— У нас нет стариков.

— Не доживают до старости?

— У нас нет старости.

— Все умирают молодыми?

— Никто не умирает.

— Но мы же сами видели мертвых.

— Это не мертвые. Это подлежащие регенерации.

— Но регенерация — это же возрождение. Ты хочешь сказать, что вы победили смерть?

— Мы ничего не победили. Речь идет просто о переходе из одного состояния в другое.

— Из какого?

— Оно похоже на сон. Сознание спит, а потом пробуждается.

— Ты это пережил?

— Нет.

— Но знаешь от того, кто пережил?

— Нет. Никто из переживших не сохраняет старой памяти. Регенерация все начинает снова.

— Туманно объясняешь, братец,— сказал Капитан.

— Не понимаю обращения.

— Нормальное обращение. Друг, товарищ, парень.

— Пробел восприятия. Первых двух понятий не знаю. Последнее — это юноша. Но я уже не юноша. Я закончил полный круг школы.

— А бывает неполный?

— Конечно. «Голубые» — это первое полукружие, «синие» — второе. Стыковка происходит только после сдачи первого теста.

— Так мы запутаемся, Капитан,— прервал вопросы последнего Библ.— Мы уже отклонились от главного... Как называется ваша планета? — обратился он к гедонийцу.

В ответ они «услышали» нечто расплывчатое, неясное, невоспроизводимое.

— Вы что-нибудь разобрали, Капитан?

— Какое-то кваканье. Вероятно, в нашем языке нет ни аналогичных понятий, ни похожих звуков.

— Почему вы жужжите? — спросил гедониец.

— Нас уже спрашивали об этом ваши соотечественники,— сказал Библ и запнулся: дойдет ли до его собеседника понятие «соотечественники», но, не «услышав» вопроса, тотчас же продолжал: — Мы передаем мысли в звуках нашего голоса. Звуки образуют слова, слова складываются в предложения, точно передающие мысль. Эту систему связи мы называем речью.

— Наша система связи доходчивее и проще.

— Согласен. Но речь обладает дополнительными качествами: богатством интонаций, подтекстом, тональностью.

Глаза у гедонийца стали, как показалось Библу, чуточку больше, губы сузились. Должно быть, он что-то не понимал.

— Не ясно, — откликнулся он. — Может быть, мой «ай-кью» ниже вашего.

— Вы слышали, он сказал «ай-кью»? — заинтересованно зашептал Капитан в ухо Библу. — Ведь это чисто американский термин, и притом столетней давности.

Библ улыбнулся:

— Он ничего не сказал, Кэп. «Ай-кью» — это наш мысленный перевод его мысли. Должно быть, он имел в виду коэффициент умственного развития. Мы по привычке все еще называем его «ай-кью».

— Я именно так и думал, — приняли они мысль гедонийца.

— И тебе понятно все, что мы думаем, не обращаясь к тебе? — не утерпел Библ.

— Не все. Когда ваша мысль не сопровождается желанием скрыть ее от меня, она доходит. То же ведь и у нас. Мысль воспринимается только тем, кому она направлена. Открыть или закрыть ее для другого зависит от думающего.

Гедониец, до сих пор не изменявший своей каменной неподвижности, переступил с ноги на ногу. «А ведь человек, ей-богу, человек, и устал, как человек», — подумал Капитан.

— Почему ты стоишь? — спросил он. — Сесть негде?

Гедониец издал неопределенный звук, что-то вроде смешка или сдержанной попытки расхохотаться, и тотчас же очутился на таком же висячем, прозрачном сиденье, неизвестно каким образом появившемся и мгновенно поглубевшем.

— Как это у вас делается? — любопытствовал Капитан и сейчас же «услышал» равнодушный ответ гедонийца.

— Не знаю.

— И не проявляешь любопытства?

— Зачем?

— По-моему, любопытство — это стимул к повышению «ай-кью». До сих пор ты, например, даже не поинтересовался, откуда мы взялись и кто мы такие.

— Для чего? Точное знание — один ответ. А воображение подскажет несколько.

— Какой же смысл подменять точное знание выдумкой?

— Это одна из наук полукружия. Сильнее воображение — больше единиц информации.

Капитан порывался было спросить, о какой информации идет речь, но Библ остановил его, приложив палец к губам:

— Опять запутаемся. Полукружия... Информация... Единицы... Спросим, для чего они держат нас в этой закупоренной прозрачной колбе.

Ответ поступил еще до того, как был задан вопрос: Библ не «закрыл» своей мысли.

— Она не закупорена. Мы входим и выходим, когда захотим.

— А мы?

— И вы. Попробуйте.

Капитан поднялся, но гедониец предупредительно поднял руку.

— Я не ответил на второй ваш вопрос. Вы здесь затем, чтобы узнать, как и чему нас учат. Мы здесь затем, чтобы узнать о ваших реакциях.

— Каких?

— Не всё сразу. Вы уйдете вслед за мной спустя два ина.

— Ина или има? — переспросил Библ Капитана.

— А может быть, уна? — усомнился Капитан. — Опять несовместимость созвучий.

Гедониец улыбнулся и показал на стену:

— Часы.

На розовой, теперь уже непрозрачной стене появился желтый круг, в котором замелькали, сменяя друг друга, черные значки странной формы.

— Цифры, — подсказала мысль гедонийца.

«У нас есть общие понятия: часы и цифры. Но мы не знаем их счета времени и языка счетных символов», — откликнулась мысль Библа.

— Тогда подождите меня. Я вернусь за вами.

С этой мгновенно переданной и принятой мыслью атлет в висячем кресле растворился в розовой краске стены.

— Чудеса продолжаются, — заметил, уже ничему не удивляясь, Капитан.

— Едва ли для них это — чудо. Материализация мысли. Очевидно, пленка растворяется по желанию.

— Будем ждать?

— Зачем? Нас они все равно найдут. А мы пока проверим мощь наших земных мыслишек... Сезам, отворись! — весело воскликнул Библ и шагнул сквозь стену.

«А если не травка до горизонта, а какой-нибудь гадючий заповедник с первобытными ужасами?» — мелькнула мысль, и необозримое травяное поле, казавшееся из «колбочки» горизонтальным и одноцветным, вдруг откосом побежало вниз и пожелтело, как трава, выжженная солнцем. Но вблизи трава оказалась совсем не трава, а густая, зелено-желтая гладь океана, почти не колеблемого ветром, не мезозойского и не палеозойского и даже вообще не земного. Библ растерянно оглянулся. Капитан следовал за ним спокойно и неторопливо.

— Похоже на экваториальное море Проклы, — крикнул Библ, — такой же вонючий яичный кисель!

Капитан почему-то не ответил; сложив руку козырьком он всматривался в охряные бугорки, быстро перемещающиеся по яичной глади. «Туманки», — подумал Библ и сразу почувствовал противную слабость в ногах. «Туманки» на Прокле были самым страшным испытанием для космолетчиков. Уничтожить их было нельзя: от ядерного удара они только увеличивались; разрезанные излучателем, делились, как амеба, и нападали удвоенным, а то и утроенным строем. Ни в одну ловушку, придуманную участниками экспедиций, не попадались, и природа их до сих пор была не ясна. Но окутанный их маслянистым туманом человек исчезал немедленно и бесследно. «Туманки» растворяли его полностью, не оставляя ни волос, ни костей.

От ближайшего охряного бугра, скользящего к земному берегу, отделился такой же мутный, клубящийся, как сгусток тумана, пузырь и метнулся навстречу Библу.

— Отражатель, Капитан! — крикнул он, не оглядываясь, в надежде, что Капитан и без того поймет, что только отражатель может остановить «туманки».

Как говорил Малыш, установи заранее радиус на шкале. Два метра хватит. Радиус установили еще утром при снаряжении. Значит, в пределах четырех метров в окружности любые хитрости «туманок» не страшны. Прыгай, делись, удваивайся — все равно тебя хлопнет, как утюгом. И Библ, отстегнув отражатель, успел нажать пуск, как только охряной клубок прыгнул навстречу. В то же

мгновение его сплющило, как блин, и швырнуло обратно в маслянистую яичную гладь.

Библ даже не успел обменяться репликами с Капитаном, как прыгнул другой охряной клубок, а за ним третий. Обоих постигла та же участь — отражатель бил без промаха. «Туманка»-мать даже отплыла подальше, чтобы и ей не досталось. Теперь можно отдышаться и перемолвиться с Капитаном. Библ оглянулся и обмер.

Капитана уже не было. Его с ног до головы окутывал коричнево-желтый туман, клубясь и пульсируя. Конеч. Библ опустил отражатель, теперь уже бессильный помочь. Ничто уже не могло помочь. Библ прикрыл глаза рукой и... все исчезло. И «туманки», и Капитан.

А Капитан, не испытывая никаких неприятностей, стоял среди зеленого поля и недоуменно оглядывался. Никаких следов ни Библа, ни «колбочки». Может быть, вернуться назад? Но возвращаться было некуда: как ни щурился Капитан, как ни менял он угол зрения, прозрачная пленка стены выпустившей их наружу, нигде не просматривалась. Вероятно, Библ остался в последнюю минуту, передумал, состорожничал. А пленка снаружи не видна. Капитан сделал шаг назад, пробежался вдоль и поперек воображаемого квадрата, где могла быть «колбочка», но ничто его не остановило. Ну и пусть. Все равно их найдут, все зримо, все проходимо для хозяев этого мира, и шалости пространства — времени их не испугают. Следовательно, и тревожиться нечего, загорай по малости. Капитан пощупал рукой траву: сухая. Растянулся: мягко. Незнакомые по внешнему виду широкие и тугие травинки росли тесно и плотно, как ворсинки ковра. И Капитан, устроившись поудобнее, задумался.

Что они уже знают об этом мире? Пять солнц, пять фаз, «входы» и «выходы», открытые для вездехода, окруженного защитным полем, но недоступного для человека, погибающего от энергетического удара. Едва ли это электроток, как полагал Доктор. Что-нибудь слезнее. Кстати, почему он парализован? Едва ходит. Что-то говорил об ударе «хлыста». Значит, очутился на линии, отделявшей такой «вход» от черной пустыни. «Хлыст» достал его уже из другой фазы. А что это объясняет, чем пополняет уже полученную информацию о цивилизации гедонийцев? Ничего. Ничем.

И как невелика, случайна и не расшифрована эта информация! Физический облик гедонийца неизменен от младенчества до конца жизни. Старости нет. Смерти нет. Но тем не менее есть регенерация, иначе говоря, возвращение к жизни. С чего же начинается эта жизнь, как долго длится и чем кончается? Ничего не известно. Есть школа, но чему в ней учат? Судя по скрытой, но, видимо, высокоразвитой технике этой цивилизации, школа должна давать глубочайшие знания по точным наукам. Но так ли это? Воображение, как научная дисциплина. Подмена знания иллюзией. Нет стимула любопытства. Так что же движет прогресс? Может быть, накопление единиц информации? Но каких единиц и какой информации? Телепатическое общение вместо разговорной речи. И тут же еще вопрос: интеллектуальное ли это богатство, или духовная ограниченность? А за одним вопросом встают в очередь тысячи. Что это за Аора или Аэра, о какой проговорился вожак «голубых»? Институт или город? Или еще одно «полукружие» этого мира? Кстати, почему «полукружие» и сообщается ли он с другими мирами, или разумная жизнь здесь присуща только зеленому? Кто и где хозяева этой жизни и какие принципы лежат в ее основе?

Капитан закрыл глаза и заснул.

Глава VII

В ШКОЛЕ НЕЛЮБОПЫТНЫХ. СУПЕРМЕН ИЛИ СУПЕРРОБОТ?

Он проснулся в знакомой «колбочке», в знакомом и таком же прозрачном кресле. Рядом с ним недоуменно озирался Библ. Кроме них, по бокам полукругом разместились четверо гедонийцев — трое мужчин и одна женщина. Среди мужчин, несмотря на их кажущуюся похожесть, наши путешественники по каким-то неясным признакам все же сразу узнали своего знакомца, такого же недоступного и сурового. Лишь глаза его улыбались. У других не улыбались даже глаза. Только у одного из них волосы были чуть светлее и менее смугла кожа. Женщина, так же подстриженная и в такой же шнурковой

рубашке, мало чем отличалась от своих соседей. Двухметровая баскетболистка с почти мужским торсом, худая и плоская на земной вкус, она не казалась красивой. То, что она женщина, Капитан и Библ догадались лишь по какой-то ей одной присущей женственности и гибкости движений. Что-то уронив, она, не оглядываясь, выгнула спину назад с легкостью цирковой акробатки, как-то не по-человечески вывернула руку и достала упавшее — предмет туалета или деталь неприметного миниатюрного механизма.

— Вас что-то беспокоит? — «услышали» Капитан и Библ одновременно. — Может быть, отсутствие привычных вам цветовых сочетаний?

И тут же поглубели кресла, порозовели стены, побелел потолок.

— Спасибо, — сказал Библ, — но мы бы хотели знать, что все это значит?

— Что именно?

— Выход-ловушка. Исчезновение зеленого поля. Галлюцинация. И снова встреча уже в расширенном общест-
ве.

Никто из гедонийцев не обменялся взглядом, никто не предрешал, кому из них отвечать на вопросы, но кто-то ответил. Кто, угадать было трудно: гедонийцы не шевелили губами, а мысль не имеет «голоса». Она откликнулась в сознании землян так же беззвучно, безынтонационно и холодно, как откликалась ранее в той же «колбочке».

— Вышли вы, потому что захотели. Стена не замкнута. Никакого зеленого поля нет — это декорация, обостряющая восприятие. Галлюцинация — плод твоего воображения. Кстати, мы установили его показатель.

— Какой?

— Четверка. Выше предела, но ниже нормы. А у безбородого нуль. Он предпочитает точное знание.

Капитан не обиделся. Он не уважал воображения. Он только спросил:

— А кто ставил отметки?

— Координатор.

— Кто?

Разъяснения не последовало. Гедонийцы не реагируют

вали Скульптурная группа — и только. Но Капитан не сдавался:

— Человек или машина?

— Неизвестно. Но он связан со всеми обучающими машинами. Определяет коэффициенты. Устанавливает правила игры.

— Какой?

— Любой. В каждом круге жизни.

— Разве жизнь — игра?

— Конечно. И, как всякая игра, подчинена правилам. В круге детства — свои. В школьном круге — тоже. Круг зрелости еще не наступил.

Капитан взглянул на Библа: понял, мол, что-нибудь? Библ засмеялся:

— Играем помаленьку, не то в дурака, не то в прятки. И драка «хлыстами» насмерть — игра, и счет многочисленных чисел в уме — тоже игра. Один воображает, другой кусается. Помнишь, как «голубой», падая, все укусь хотел. А двенадцать, между прочим, возводил в уме не то в четвертую, не то в пятую степень. Вот и сообрази, где у них трепотня, а где настоящее.

— Вы не закрыли свою мысль, — тотчас же последовал безличный отклик. — Можем ответить. Все настоящее. Иногда за меткий удар «хлыстом» насчитывается больше единиц, чем за неудачное сочетание цветов на табло, а в критической ситуации, когда число набранных единиц не достигает нормы, оригинальный рецепт обеда может скорее спасти от регенерации, чем шаблонный вариант воображения.

— Поди пойми, — скривился Капитан. — Мозги набекрень.

На этот раз гедонийцы переглянулись. Не молниеносно, а не спеша, даже длительно, словно спрашивали друг друга или советовались.

— Не понимаем реакции, — был ответ.

— Вы не понимаете, мы не понимаем, — проговорил Капитан, еле сдерживаясь. — Так у нас дело не пойдет. Может быть, начнем с того, что вы расскажете нам о вашей планете, о мире, вас окружающем, о вашем обществе, о его социальной организации...

Библ подтолкнул Капитана локтем: гедонийцы уже «не слушали». Они снова длительно и беззвучно перего-

варивались глазами. Странное это было зрелище: точно сцена из времен немого кинематографа без объясняющих титров. Наконец был отредактирован и ответ. Теперь уже Капитан с Библом знали, что он поручен гедонийцу с более светлыми волосами.

— Удовлетворить ваше желание не можем. Никаких точных знаний об окружающем нас мире нет. Каждый может создавать свое собственное представление о планете и обществе, не обращаясь к реальной действительности. Лично я могу вам предложить лишь восемь воображаемых вариантов устройства нашего мира, все с плюсовым показателем.

— А я — двенадцать, — вмешалась женщина.

Библ догадался об этом по ее стремительному движению вперед.

— Спасибо, — иронически поблагодарил он, — но я тоже предпочитаю точное знание. — И уже не втихомолку, не шепотом, а в полный голос, не скрывая разочарования и недовольства, сказал Капитану: — Пустой номер, Кэп. Или нас сознательно мистифицируют, или мы столкнулись здесь с абсолютно новым социально-биологическим качеством — полным отсутствием любопытства к чему бы то ни было. И в том и в другом случае ничего не получится. Нет обоюдного интереса — нет и контакта.

— Терпение, Библ, — оборвал его Капитан. Он глядел только на Библа, игнорируя гедонийцев. — Вы, кажется, забыли о важнейшем качестве космоисследователя. Что ж, будем по крохам собирать столь непопулярное здесь точное знание. Оно все-таки есть. Чему, например, учат их в школе?

— Дракам, играм и мифам внеклассного сочинения, — саркастически заметил Библ.

Гедонийцы молчали.

— Почему вы не прерываете нас? — спросил Капитан.

— Вы же общаетесь. Мысль закрыта.

— Мы о точном знании. Считаю, что оно у вас все-таки есть, — повторил Капитан. — Чем вы нас подбили у вездехода?

Светлокожий гедониец взмахнул рукой — Библ готов был поклясться, что при взмахе в руке ничего не было, —

и протянул Капитану что-то вроде гаечного ключа из бледно-голубого металла.

— Парализатор. Стреляет молекулами сонного газа. Бери, бери.— Он бросил Капитану голубой псевдоключ и тотчас же протянул второй растерянному Библу.

— Видал фокусы? — засмеялся Капитан и спросил: — А почему «синий», которого избивали «хлыстами», не применил парализатора?

Неожиданно ответил атлет, сидевший рядом:

— По правилам игры. Этот «синий» был я. В одинаковых условиях с «голубыми». Даже без защитной рубашки.— Он тронул один из ее шнулочков.

— А вы сомневались, Библ, в их точном знании,— сказал Капитан.— Что-то они, во всяком случае, знают точно. Интересно, как они называют друг друга? Надеюсь, не по воображаемым именам из двенадцати вариантов?

Ответ последовал сразу. Отвечал снова светлокожий, по-видимому наиболее авторитетный в этом неземном обществе. И любопытно, что при всей своей безголосой, безынтонационной окраске их мысль не всегда казалась безличной. Иногда ее энергетическая сила позволяла угадать автора.

— Наши имена определены, хотя и не постоянны,— пояснил он.— В младенческом круге вообще обходятся без имен, «голубые» выбирают их по совету обучающих машин. Чаще всего это названия предметов и явлений окружающего мира, иногда отвлеченных понятий. «Синие» могут изменить имя: их кругозор шире и, следовательно, выбор богаче. Я оставил прежнее — Гром.

Первого знакомого землян звали Хлыст. Имя атлета, выдержавшего схватку с «голубыми», прозвучало по-разному: Капитану «послышалось» Мужественный, а Библу — Стойкий. Остановились на Стойком. Имя женщины предложило еще больший выбор: Заноза, Иголка, Колючка, Шпилька. Выбрали для себя Колючку. «Знаешь, какие бывают в космических лесах — громадные!» — подсказал Библ Капитану, но последнего интересовал уже другой канал «точных знаний».

— А чему, собственно, учат вас в школе, кроме игр и воображения? — спросил он.

— Почему «кроме»? Воображение — тоже игра.

— Ну, а точные науки? Математика, физика, химия?

Ответ последовал не сразу — гедонийцы снова обменялись взглядами.

— Последние два понятия нам вообще неизвестны. Мы изучаем только математику.

— Начальную или высшую?

— Мы понимаем ваш вопрос так: начальная — это счет на табло с помощью цифр, высшая — счет любых чисел в уме.

— А геометрия, алгебра, математический анализ?

— Какие-то элементы высшей математической сложности изучаются уже в круге зрелости. Но тоже как игра или хобби.

— Даже смешно, когда наш мысленный перевод уже прибегает к жаргону, — шепнул Библ Капитану.

— Не смешно, а страшно. Должно быть, у них нет ни сопромата, ни строительной механики. Как же они строят?

— Мы не строим.

— Но кто-то строит.

— Никто не строит. Все уже выстроено давно и навечно.

Капитан и Библ только переглянулись: им уже не хватало слов.

— Может быть, вы имели в виду логическое строительство? — последовал такой же безличный вопрос, как и большинство в этом диалоге.

— А что такое логическое строительство?

На розовой стене вдруг возник прямоугольный, подсвеченный изнутри белый экран, а в центре его желтый квадрат. К нему тотчас же прилепился черный круг, а сбоку красный многоугольник. С углов поползла в разные стороны цепь наплывающих друг на друга кубов и кубиков, поочередно менявших цвета. Как штыки, пронзили их трехгранные линейки и закрутились спиралью вокруг квадрата-родителя.

— Абстрактная киноживопись, — пробормотал Библ, — ранний кубизм. Но даже для такой чепухи необходимо знание геометрии хотя бы в пределах первых двух классов. Боюсь, что мы чего-то недопоняли.

— Начинаю допонимать, — отозвался Капитан. — Смотри!

В свободном, непрочерченном углу экрана от черного круга поползла вверх тоненькая линия, образовала усеченную ажурную пирамиду с выброшенной сбоку стрелой. «Строительный кран, каким его изображали сто лет назад,— подумал Библ.— Интересно, кто это изощряется?» Гедонийцы тоже проявили совсем уже неожиданный интерес. Они переглянулись, поиграли зрачками и ресницами и вдруг все, как один, обернулись к Капитану.

— Ты?

— Я.

— Схема строительного крана, как я рисовал ее мальчишкой,— пояснил Капитан Библу.

— Я так и подумал,— откликнулся тот,— нотка реализма в их живописных абстракциях. Мысленно живописных,— поправился он.— Еще один пример отчужденности их от реальной жизни. Интересно, кому и зачем все это понадобилось?

Должно быть, «закрытая» реплика Библа до гедонийцев не дошла. Они о чем-то безмолвно, но оживленно переговаривались. Библ сразу подметил это: так менялось выражение их глаз. Вдруг женщина встала и, заметив напряженное внимание Библа, улыбнулась, как и ее собратья, лишь уголками губ. Но ее мысль-реплика, по видимому, была адресована всем.

— До этой встречи мне не хватало восьми единиц. Сейчас у меня будет больше. До свидания в Аоре.

— Вам далеко? — поинтересовался Библ.

— Моя школа по ту сторону экватора. Но тебя интересуют средства передвижения? У нас их нет. Я выхожу отсюда и вхожу к себе.

— Мгновенное перемещение в пространстве?

— Да. У нас нет расстояний. Просто, все просто,— опять улыбнулась она, поймав невысказанную мысль Библа.— Мы только вспоминаем о том, где должны быть, там и оказываемся.

С этими словами она непостижимо растаяла в розовой дымке стены.

— Еще один тест, и вы разделитесь,— сказал Гром.

Капитан ответил недоуменным взглядом: объяснись! Гедониец молчал.

— Что значит «разделитесь»? — повысил голос Капитан.

— Погодите,— поморщился гедониец: повышенная тональность человеческого голоса, видимо, раздражала его.— Я же сказал: еще один тест.

Посреди комнаты между ними повис в воздухе полуметровый куб, разделенный на черные и желтые, поочередно перемежающиеся кубики по двенадцать в каждом ряду. В прозрачном, несмотря на цвет, пространстве кубиков просматривались подсвеченные изнутри черные и желтые фигурки.

— Класт,— сказал гедониец.— Игра.

— Понятно,— не удивился Библ.— Нечто вроде усложненных шахмат. У нас есть нечто подобное, только на плоскости, а у вас в трехмерном пространстве. У нас шестьдесят четыре клетки, а у вас тысяча семьсот двадцать восемь. Каждая фигурка, вероятно, ходит по-разному, с правом изъятия из игры пораженных фигур противника и занятия соответствующей ячейки в игровом кубе.

— Ты будешь играть,— заметил гедониец.— Без обучающей машины.

— Еще бы,— усмехнулся Капитан,— у него первый разряд по шахматам. Без пяти минут мастер. А я — пас. Не играю.

Гедониец или не понял, или не пожелал комментировать. Пристально взглянув в глаза Капитану, послал мысленную реплику:

— Тогда разделимся. Твой спутник, познакомившись с игрой, вернется к себе на станцию, а ты останешься с нами.

— Зачем?

— Для встречи с Учителем.

— Этой школы?

— Нет, планеты. Всего разумного мира.

— Почему же я? Мы можем пойти и вдвоем.

— Координатор сообщил только о тебе. Информация не корректируется.

— А если мы не подчинимся?

— Ваше право. Вернетесь вдвоем. Но с Учителем уже не увидишься. Никогда.

Капитан задумался. Кажется, появляется возможность расшифровать эту до сих пор накрепко закодированную цивилизацию. Этот Учитель наверняка знает и

смыслит больше, чем его «синие» недоумки. Вздохнув, сказал:

— Пожалуй, стоит рискнуть, Библ. Есть смысл.

— Нет смысла. Вы отвечаете перед экипажем, Кэп. Даже по уставу вы не имеете права рисковать жизнью.

— Мы рискуем ею ежеминутно во время любой прогулки по космосу. Жизнь! Да они десять раз могли отнять ее у нас до этой встречи, а не развлекать шахматными кубиками. Нет, Библ, рискнем. Вы найдете вездеход по компасу, выход из фазы вам откроют, ну, а до станции как-нибудь доберетесь. Мне же, надеюсь, гарантируют возвращение. Без расстояний, а?

Гедонийцы беззвучно ответили:

— Именем Учителя.

— Только объясните нам, бога ради, кто же этот Учитель? Верховный правитель? Жрец? Ученый?

— Не знаем.

— Кто-нибудь из вас видел его?

— Никогда.

— А портреты, скульптуры, фото?

— Не понимаем. Неизвестные понятия.

— Тогда кто же он, супермен или суперробот?

— Мозг.

Глава VIII

БИБЛ ВОЗВРАЩАЕТСЯ. ГОРОД ГОЛУБОГО СОЛНЦА

Вездехода Библ не искал. Просто прошел сквозь розовую воздушную пленку и очутился возле машины. Она стояла как черепаха, едва подымаясь над землей и высунув вперед головку эмиттера силовой защиты. Когда на пути встречалось труднопреодолимое препятствие, головка тотчас же втягивалась внутрь корпуса, а защитное поле ослабляло удар, отбрасывая машину назад. На месте головка направляла защитный рефлекс в сторону любого приближающегося объекта, поворачиваясь, как живая, ему навстречу. Библ перевел диск на браслете, и головка сейчас же скрылась, входная дверь отошла на шарнирах, и «черепаха», даже не подавая вида, приготовилась к броску.

Библ сделал все, что сделали бы в таких случаях Капитан и Малыш: задрал входной люк, сел к пульту управления, снова включил эмиттер защиты и, подобрав нужную цифру на шкале, нажал кнопку с буквами «Н. С.» — начальная скорость. Вездеход прыгнул и плавно пошел над кустами к знакомой эвкалиптовой аллее. Библ не выбирал дороги, двигался по прямой, зная, что рано или поздно зеленый смерч выведет его к черному зеркалу исходной пустыни. Так посоветовали парни в синих шнуровках. Библ задумался. Как, в сущности, еще мало знают на Земле о формах разумной жизни в космосе. Как многообразна эта жизнь и какие порой неразрешимые загадки предъявляет она исследователям. Над теорией многофазности мира до сих пор смеются архаисты из земных академий, а на Гедоне такой архаист может проверить ее опытно без всяких усилий. Почему? Какие условия создает здесь смещение фаз, открывая «входы» и «выходы»? Как представить себе гедонийскую цивилизацию, если самый смысл ее непонятен? Чего они достигли? Бессмертия? Но Библ с Капитаном видели мертвых. Так где же начинается и где кончается жизнь, отлившая одну биологическую болванку для всех ступеней возрастной лестницы? А каков социальный облик общества, если техносфера его достигла таких высот, от каких у землянина мысль цепенеет? А поднимают на эти высоты, оказывается, всего-навсего игра в кубики, цирковой счет в уме и ребяческая фантастика. Как же может существовать это общество, если в нем нет интереса к новому, а познание мира сведено к мифотворчеству. Да и зачем оно существует, если, получая всё, не отдает ничего взамен? Кстати, от кого получая, не отдает ничего кому?

Библ вспомнил конец разговора в «колбочке», когда гедониец сообщил Капитану, что заинтересовавшийся им Учитель всего-навсего только мозг.

— Электронный или живой? — спросил Капитан и получил ответ, что живой.

— Где ж он находится?

— В особой питательной жидкости.

— А где территориально?

— Не знаем.

— Как же меня тогда приведут к нему?

— Провожать не будут. Выйдешь отсюда и очутишься сразу в Вечном хранилище.

— Вместе с вами?

— Нет. Учитель никого не вызывает, кроме тебя.

— Час от часу не легче! Что же это — святилище? Храм? Колумбарий?

— Не знаем.

— Что же вы знаете?

— Что он есть.

— Без тела?

— Да.

— Бог?

— Нет. Мы ему не поклоняемся.

— Информарий?

— Нет. Информацию собирает и использует Координатор.

— Вы понимаете что-нибудь, Библ?

Библ ответил, что не столько понимает, сколько предполагает. Мозг — программист, Координатор — счетно-вычислительное устройство, кибернетический компьютер, каким-то образом организующий и регулирующий жизнь на планете.

После этого Капитан исчез в зеленом мареве за пленкой, а Библ вышел к вездеходу. Удивительно удобная штука — это мгновенное перемещение в пространстве. Никаких самолетов, вертолетов, вездеходов, даже «поясов». Подумал, шаг — и ты в другой точке пространства, словно кто-то сложил лист бумаги и две точки на линии соединились в одну. Такое ни одному пространственнику даже не снилось. А с какой скоростью, просто со световой или «супер»? Библ не был физиком и в отношении удобств, предоставляемых здешней жизнью, мало чем отличался от гедонийцев. Радовался, и все.

Как подсказали ему здешние «туземцы» со смешными именами, Библ мог сразу же очутиться в районе станции или даже внутри нее, по крайней мере в коридорах первого этажа, — не зря Док и Пилот «Гедоны-2» предпочитали отсиживаться на втором: на этом уровне миражи не появлялись, — но Библа не соблазнило столь сказочное появление в кругу товарищей. Надо было доставить домой не только собственную персону, но и вездеход, недоступный даже для гедонийской техники. Пришлось восполь-

зоваться зеленым смерчем, который и возник в конце концов за деревьями и тотчас же вывел машину на черный плацдарм вокруг станции. Уже вылезая из машины, Библ заметил бегущие навстречу фигурки — широченную и высокую, а рядом недлинную и тоненькую, как шариковая ручка и несоразмерный с ней вдвое больший футляр. А минуту спустя Малыш и Алик уже обнимали блудного брата, через плечо его заглядывая в кабину.

— Где же Капитан? — взорвались тревогой два голоса.

Библ рассеял тревогу. Но Малыш нахмурился:

— Зря допустил. Не надо было разделяться.

— Кэп настаивал. И думаю, обоснованно. Контакт требовал разделения.

— Какой же у вас контакт? Ерундовина. Сначала подбили, как диких уток на болоте, потом в клетку посадили, уложили спать на воздушных постельках, кислородным винцом напоили. А начали разговор — жвачка резиновая. Что узнали? Чему учат, на чем сидят, что пьют, во что играют. А как в пространстве перемещаются или сквозь стены проходят, как спиртное из воздуха гонят, они и сами не знают. Может, голову морочили, а может, и не школа это, а обезьяний питомник.

— Малыш прав, — вмешался Алик, — очень точное определение. Что требуется от обезьяны в неволе? Прежде всего поверить в свою свободу и благоденствие, мало-мальски соображать да человека передразнивать. На примере ее поведения кое-кто ставит одному ему понятные опыты, делает одному ему нужные наблюдения и выводит соответствующие этим наблюдениям законы. Вы узнали, кто? Нет!

В горячности Алика был какой-то оттенок лукавства, словно он знал что-то новое, еще неизвестное собеседнику. Библ сразу смекнул. Да и смекнуть-то было нетрудно: то, что знал Алик, буквально витало у его лица, чуть не прыгивая с губ. Даже Малыш заметил:

— Не трепись.

— Озорничаете, мальчики, — сказал Библ. — От кого скрываете?

Малыш протянул, нехотя отвешивая каждое слово:

— Не люблю болтовни. Тут, прежде чем рассказы-

вать, много думать нужно. А мы не успели. Сами здесь час, не больше.

Разговор происходил за обедом, который Алик приготовил наскоро, но по принципу «ни одного грамма синтетики». Вернулись они действительно час назад из поездки на вездеходе, оставленном им в наследство от бывшей на Землю экспедицией. Малыш отрегулировал защитный отражатель и позвал Алика: «Хватит возиться с барахлом в коридорах. Прокатимся к океану». Алика, естественно, уговаривать не пришлось. Ехали минут двадцать без приключений. Без приключений вышли к воде, синеватой на вид, словно подкрашенной синькой; даже у самого берега она голубела. «Выкупаемся?» — предложил Алик. «А ну ее, — отмахнулся Малыш, — еще какую-нибудь холеру подхватим». Никаких приключений не предвещала и окружающая обстановка — оплавленный черный берег, круто сбегавший к воде, тихий бриз с океана и голубое солнце в зените. Оно не пекло, пекло другое, сместившееся к западу, а это только бросало вокруг ультрамариновые отсветы. «Не нравится мне все это», — сказал Малыш и поспешил к вездеходу. Побрел за ним и поскучевший Алик: глаз явно ничто не радовало, но тревоги Малыша он не понимал. А тот почему-то встревожился.

— Почему? — заинтересовался Библ.

— Предчувствие. Показалось мне, что вдруг что-то должно случиться. И случилось.

Метрах в пятидесяти от них — это они уже увидели из смотрового стекла машины — поднялся из черного камня огромный пунцовый веер, как дрожащие на ветру гигантские лепестки маков. Сравнение придумал Алик. Недолюбливающий «художеств» Малыш поправил: «Такие же хлопья тумана, только красного». В хлопьях темнело ядро, похожее на замутненную в кинескопе телевизионную передачу. Включив защитное поле, Малыш бросил туда вездеход. Шок продолжался одно мгновение, словно кто-то щелкнул выключателем: светло — темно — опять светло, только пейзаж другой.

Они ехали сквозь город; не по городу, а именно сквозь, простреливая улицы, дома, башни, виадуки, непонятные сооружения, переполненные людьми, как вокзалы, или пустые, как заводские цеха по окончании рабо-

ты. Сходство с заводами придавали им квазиконвейерные ленты, несущие без видимой поддержки какие-то предметы незнакомой формы и назначения. Трудно, почти невозможно было рассмотреть их: вездеход шел очень быстро, обстановка менялась ежесекундно. Но самым интересным было, пожалуй, то, что его движение не вносило никаких изменений в окружающую жизнь, что он физически не входил в ее пространство, а пронзал его нематериально, как Летучий Голландец.

— Странно,— удивился Библ,— вы прошли «вход» и не вошли в фазу.

— Вы, как и Малыш, не знаете уравнений Мерля,— сказал Алик,— а Мерль допускает околопространственное, межфазное движение. Мы так и двигались, наблюдая пространство их фазы со стороны, как телепередачу. Такая передача может обеспечить вам сквозное движение в ее телемире? Может. Я так и объяснил Малышу, а он отмахивается.

Малыш не отмахивался. Он сумрачно вспоминал виденное. Какая разница, как и откуда наблюдать картину, которую не может объяснить. Она была совсем непохожа на зеленую идиллию бородатых младенцев и бритых школьников. В голубом мире — он представлялся именно таким, словно вы наблюдали его в очки с голубыми стеклами — все работало; и люди и вещи. Вещи летели — именно летели, а не переносились или перевозились,— едва различимые в движении линейными и спиралевидными потоками, то возникая, то исчезая, материализуясь или распыляясь до невидимости. Люди двигались не бесцельно, не отдыхая, не глаза по сторонам. Даже не зная, что они делают, можно было смело сказать, что они заняты делом, всецело поглощающим их внимание.

— Люди? — переспросил Библ.— Такие же двухметровые голыши?

— Нет,— сказал Алик,— это те вроде Малыша, а эти нам с вами по плечо, не выше. Или точка обзора в межфазном пространстве искажает пропорции, или мы столкнулись здесь совсем с другой расой.

— А лица, одежда?

— По-моему, бритые. Курточки короткие, одноцветные. Что-то вроде голубых колокольчиков. Точнее опре-

делить не могу: слишком быстро и часто все это сменялось. Попробуйте у нас на Земле сквозь Париж или Лондон пропустить по прямой стеклянную торпеду на высоте полутора-двух метров, да со скоростью не меньше двухсот километров в час. Много ли вы разглядите изнутри этой торпеды?

Но кое-что они все-таки разглядели. Ни одного колеса — ни на улицах, ни в машинах, — только колена и щупальца манипуляторов. Световые табло вместо пультов. Машинные залы гигантской протяженности с механизмами, прозрачными как хрусталь. Необычайные зеркала, огромные, как озера, — не то уловители солнечной радиации, не то конденсаторы каких-то иных световых излучений. Причудливые, топологически изогнутые поверхности зданий. Неподвижный матовый купол неба. Ядовитая лазурь мостовых и полов. Все это пронеслось перед ними в получасовом киносеансе живописных и графических отвлеченностей.

Алик досказал и лукаво воззрился на Библа.

— Ну, что скажем, профессор, о социальном облике гедонийской цивилизации?

— Не трепись, — повторил Малыш.

— А разве нельзя сделать выводов из увиденного?

— Во-первых, — загнул палец Библ, — я не видел того, что вы видели. Во-вторых, вы видели все смутно и непродолжительно. В-третьих, ваш рассказ о виденном, мягко говоря, не очень последователен и точен...

— Верно, — перебил Малыш. — Совсем не точен. Художества. Может быть, здесь пять цивилизаций, по штуке на солнце.

— Пустыня мертва.

— Ну, четыре. Сколько у нас фактов, чтобы делать определенные выводы?

— А ты пробовал сопоставить эти факты? — не сдавался Алик. — Я сопоставил. И пришел к выводу. Не четыре цивилизации, а одна. Технократическая. Мозг, как сказал Библ, — пропагандист, а Координатор — устройство, претворяющее программу в жизнь. А при них, скажем, совет из пяти-шести мудрецов, наблюдающих за программой и ее выполнением. Люди в городе — ученые и трудяги, люди в зеленом заповеднике — морские свинки, которых поят, кормят и обучают для каких-то

опытов, а может быть, просто для развлечения. Другая раса, возможно даже искусственно выведенная. Гуманотеррарий. Зоопарк.

— Холодно, холодно,— сказал Капитан, входя в комнату,— ты, Алик сейчас еще дальше от разгадки секрета этой планеты. А разгадка, уверяю вас, будет совсем неожиданной.

Глава IX

РАССКАЗ КАПИТАНА. И ВСЕ-ТАКИ НЕ РАЗГАДКА

Вы бывали когда-нибудь у вирусологов в Новых Черемушках? Я говорю о больнице, открытой пять или шесть лет назад. Войдешь в приемную или в этажные коридоры, и кажется, что ты на Памире или на склонах Эльбруса. Куда ни взглянешь — белым-бело, сверкающе-снежно и необъятно по своей протяженности. Даже стены не просматриваются, потому что не имеют границ ни вертикальных, ни горизонтальных: все скруглено, сглажено, как хоккейное поле во Дворце спорта. Даже самый крохотный микроорганизм, бог знает как сюда забравшийся, мгновенно погибнет в этой стерилизованной белизне. Окон и тех не видишь, стекла словно запорошены блистающим инеем, а вокруг, конечно, нет ни рам, ни выступов, ни подоконников. Здоровому человеку в этом дворце Снежной королевы сразу становится тоскливо.

Нечто подобное я и увидел, шагнув из «колбочки» под своды Вечного хранилища мудрости. Впрочем, сводов не было. На неопределенной высоте висело над головой колющее алмазное небо, незаметно переходящее в стены и пол. Пол уплотнялся с каждым шагом, сверкающий глянец приобретал тусклую матовость, а свет падал вокруг неизвестно откуда — чистый, яркий, не раздражающий.

Наконец глаз, привыкший к белизне, заметил в центре этого снежного палаццо что-то вроде очень большого аквариума, державшегося над полом без всякой опоры. Вода в нем стояла прозрачная, ничем не замутненная, но, должно быть, плотная и густая; вероятно, совсем не вода, а какой-нибудь коллоид, потому что погруженный в эту квазиводу предмет не вызывал своими,

хотя и слабыми, движениями никаких изменений в окружающей среде — ни всплесков, ни пузырей. Предмет большой, серый, похожий на ядро грецкого ореха, увеличенное до одного метра в диаметре. Он не стоял на месте, а плавал, чуть-чуть пульсируя, слегка поворачиваясь, то опускаясь, то поднимаясь, в пределах сантиметра, и, не оставаясь однотонным, причем неравномерно, то и дело переливался густыми и блеклыми пятнами. Я сразу догадался, что это и есть мозг, непомерно раздутый и почти лишенный его привычных по анатомическим атласам признаков. Я по крайней мере не нашел ни границ полушарий, не височных и лобных долей, ни затылка, ни мозжечка. И тем не менее это было Учителем, средоточием оберегаемой в Вечном хранилище мудрости, источником предстоящих нам, землянам, контактов.

Я уже предвкушал их начало, мысленно спрашивая себя, а что же происходит в этом почти бесформенном сгустке — сгустке жизни или, точнее, высшей формы материи. Какие процессы, волны, электрические сигналы, мгновенные изменения химической структуры в его клетках? Сколько миллиардов нейронов управляют нескончаемым потоком образов, воспоминаний, мыслей, извлекаемых из метрового архива памяти? Он пульсирует, он изменяет цвет, — значит, он живет, может быть, с помощью каких-то датчиков видит и оценивает меня, мой мозг, мою способность наблюдать и мыслить. Пусть его умственный потенциал в тысячи раз превосходит человеческий, но ведь и мы, как говорится, не кролики. Начнем.

И контакт начался, беззвучный и безличный, как собеседование или экзамен. Вы помните вопросы на световом табло и наши ответы на карточке, помеченной тем же номером. Никто не курил, не кашлял, не повышал голоса, не глотал чай с лимоном. Нас спрашивали — мы отвечали. Здесь та же процедура повторялась еще упрощеннее. Кто-то во мне так же беззвучно и безлично спрашивал, а я, обдумав ответ, мысленно повторял его. Даже светового табло не было и ничто нигде не печаталось.

— Откуда вы? — был первый вопрос.

Я ответил.

— Можешь представить себе карту Галактики и положение в ней вашей звездной системы?

Я попробовал это сделать, вспомнив учебные звездные карты. Не знаю, удалось ли это, но мой бесформенный собеседник, плававший в прозрачном сиропе, должно быть, отлично все понял, потому что отклик был точный и незамедлительный:

— Мы знаем эту систему. Даже пытались связаться с ней, но безуспешно.

— Давно?

— Объясни мне вашу систему отсчета.

Я, снова прибегнув к картам, объяснил, как умел, принципы движения Земли по своей орбите и соответствующие им временные периоды, понятия года, месяца, суток, часов и минут, суть десятичной системы, скорость света и связанные с ней космические масштабы отсчета. Думал бессвязно и долго: почему-то лезли в голову картины школьной учебы, старался отвязаться от назойливых ассоциаций, вроде ошибки в экзаменационном зачете об уравнениях Максвелла, мысленно мямлил и путался, но в конце концов, вероятно, все-таки соорудил что-то разумное. Тотчас же без паузы ответная мысль на мой вопрос «давно ли они пытались связаться с планетами Солнечной системы?» откликнулась в сознании, как вспышка света — ярко и коротко:

— Два с половиной тысячелетия назад по вашей системе отсчета.

Я не успел даже обдумать «услышанное», как в сознании у меня буквально взорвался новый вопрос. Энергетическая сила их была столь велика, что действовала, как приказ гипнотизера. Со шнурковыми гедонийцами мы беседовали, как дипломаты за круглым столом, здесь же я стоял, как солдат, рапортуя на взрывающиеся в сознании команды Учителя. Ведь этот серый, почти неподвижный комок биомассы в неведомом коллоидальном растворе и был тем, что осталось от когда-то живого Учителя и продолжало ныне его долговечное существование на этой планете. И не вопрос Учителя, а приказ Учителя «выслушал» я, как послушный ученик, далеко не уверенный в своей подготовке к ответу.

— Подумай только о том, что оставил у себя на Земле. Твой дом, твой город, твой уголок планеты. Я хочу знать облик вашего мира. Не заботься о последовательности и не бойся уводящих ассоциаций.

— Это потребует времени,— сказал я.

— Для меня оно не существует, для тебя ограничено только механизмом воспоминаний.

Я вдруг с необычной отчетливостью осознал, что могу вспомнить все, что захочу. Я даже не то чтобы представил себе, а словно воочию увидел улицу Горького, Калининский проспект, гранитные набережные Москвы-реки и Сиреневый бульвар, где под нашими окнами шумели старые липы. Я увидел почти бесшумную улицу, по которой беззвучно плыли разноцветные коробки авто на воздушной подушке, широкие, не слишком людные тротуары, где остановившийся у зеркальной витрины прохожий мог услышать только шаги по асфальту, drobный стук каблучков, мерный цокот уличных эскалаторов и обрывки разговоров, как журчанье гальки на морском берегу. По ассоциации вспомнил Пицунду и болгарский Солнечный Берег, теплоту нагретого солнцем пляжа, вкус соленой волны.

— Переключись,— перебила меня чужая мысль.— Я хочу знать уровень вашей науки, вашей технической оснащенности, ваших взаимосвязей.

Мы все знакомы с характером здешнего телепатического общения, все знаем, как вторгается в сознание мысль извне, как воспринимается и переводится на язык наших понятий и образов. Если привыкнуть, такое общение мало чем отличается от словесного, оно не подавляет, не связывает, не тяготит. Но здесь, в этом белоалмазном капище все происходило иначе. Энергетическая сила мышления, погруженного в жидкий хрусталь аквариума, не только подавляла и связывала, но и как сквозным ветром продувала мозг, очищая его от всего лишнего, путающего, мешающего сосредоточиться и обдумать главное. Фактически я уже не принадлежал себе. «Переключись»,— сказали мне, и я переключился, не протестуя. А ведь это только легко сказать: современный уровень науки и техники. Попробуйте сформулировать в неподготовленном разговоре. А ведь я должен был сразу отобрать и обобщить главное, что было достигнуто человечеством на современном уровне знания. Как мне это удалось, я и сам не знаю, но, должно быть, все-таки удалось, потому что беззвучный «голос» остановил меня:

— Довольно. Мне уже ясно, что вы прошли младен-

чество и детство цивилизации. Покорив космос, подвели ее к юности. Но зрелость еще далеко. Ваша мысль еще не стала владыкой материи, еще не господствует на дорогах Вселенной. Теперь мне понятно, почему наши сигналы не были приняты.

Мне тоже было понятно. Что могли ответить на сигналы гедонийцев наши предки в Вавилоне и Фивах? Я даже улыбнулся, предполагая, что собеседник мой не приметит невежливости. И не ошибся. Мозг послал в ответ совсем уже неожиданную реплику:

— То были совсем не гедонийцы. Наша здешняя цивилизация молода. Ей не более тысячи лет.

Я молча раскрыл и закрыл рот — не помню даже вопроса, который вертелся у меня на языке. Я просто очумел от неожиданности. Если это мистификация, то зачем, с какой целью? Если нет, если я правильно понял ответ моего безмолвного собеседника, то одно недоумение вызывало другое. Какая же цивилизация пыталась связаться с Землей две тысячи лет назад? Где она? Откуда взялась нынешняя? Почему Мозг говорит от имени обеих?

Ответа не было, хотя все эти вопросы Мозг наверняка прочел у меня в голове, как в открытой книге. Сейчас он не двигался, только два параллельных участка его — должно быть, височные доли — высветлялись, как подсвеченные изнутри. Значит, какие-то нервные центры его находились в состоянии напряжения. Очевидно, он ждал моего резюме, венца размышлений, итогового вопроса. Но у меня их было слишком много, чтобы подвести итог.

— Сейчас ты увидишь, как это было, — наконец «услышал» я. — Вы называете это историей. Я мог бы передать ее, не прибегая к зрительным образам, но способность к прямому восприятию у тебя не развита. Нет показателей. Поэтому садись, как тебе удобнее, и смотри.

И я сел в то, что мне показалось креслом, знакомым прозрачным креслом из «колбочки», и в снежной белизне зала увидел странную игру света. Как в живой абстрактной картине, краски смещались, наплывали друг на друга, завивались спиралевидными лентами, то сгущаясь, то бледнея, словно кто-то искал фокуса, добиваясь предельной ясности и осмысленности изображения. Вскоре оно приобрело эту осмысленность, линейные и цветовые абстракции подчинились некоей образности.

Я увидел здания без окон, отражающие солнце, башни и купола, ажурные мосты, эстакады и лестницы, фантастический пейзаж города — мечты художника-урбаниста, сказочный фон для движущихся механизмов и человеческих толп. Не могу рассказать подробнее — вы же не разглядели ваш геометрический город с вездехода, а мой город-мираж в снежной рамке Вечного хранилища мчался еще быстрее, слишком быстро для того, чтобы различить в этой видеопленке-молнии отдельные кадры. Я понимал, что «речь шла» о цивилизации, породившей нынешнюю, то есть о цивилизации, возможно, давно погибшей, а мы еще со школьной скамьи знаем, что тысячелетия существования любой цивилизации — это капли в море вселенского времени. Возникла и погибла. Может быть, потому, что прошла апогей своего развития, выродилась, потеряв интерес к науке и технике. И является ли нынешняя ее детищем, ее преемником на этой планете?

— Не на этой, на другой,— «услышал» я, и смятение живых картин в белой колючести зала исчезло.

Не задавая вопроса, только еще оформлявшегося в сознании, еще не ставшего хотя и беззвучной, но все же мыслью, я тотчас же получил на него ответ:

— Я снизил скорость моих воспоминаний до предела, но твой мозг невосприимчив и к этой скорости. Поэтому я не могу показать тебе, как родилась эта цивилизация.

— Какая?

— Та, которую вы хотите познать и понять.

— Но ты знал и другую, черты которой только что промелькнули.

— Я был одним из ее старейшин. Ты верно понял, что она погибла, хотя я и не присутствовал при ее гибели. Но я предугадал ее. Мы достигли всего, что может пожелать человек, даже бессмертия, и тем самым нарушили биологическое равновесие в природе. Смерть — закономерный этап биологической эволюции. Все умирает и возрождается, даже звезды. И бессмертные люди утратили интерес к жизни. Мы понимали, что спасти гибнущую цивилизацию невозможно, но можно было создать новую, наследующую всю информацию праматери.

— Кто это «мы»?

— Я и мои помощники, работавшие над проблемой

генетических циклов. Подыскав планету с такими же компонентами биосферы, мы перебросили туда двенадцать в шестой степени, по вашему исчислению около трех миллионов, физически полноценных Двадцатичетырехлетних — возраст наиболее надежный для вечности.

Я удивился: почему вечности? Противоречие только что высказанному? Но Учитель ничему не противоречил.

— Назовем так очень длинный, космический по своим масштабам отрезок времени, возраст звезд и планет. Но с другим коэффициентом бессмертия.— Я не успевал выразить своего недоумения, собеседник мой уже знал о нем и продолжал так же глухо и однотонно: — Не понимаешь? Бессмертие — это прямая, проведенная в бесконечность. Мы превратили ее в синусоиду, периодическую повторяемость кратковременных жизненных циклов. Именно кратковременность обеспечивала неугасающий интерес к жизни и стремительное накопление информации. Два года — ребенок, два — юноша, четыре — взрослый и зрелый, и четыре — пребывающий в невозмутимости и покое. Затем вся накопленная информация, кроме минимума наследственной, стирается, и жизненный цикл начинается снова. Новая индивидуальность не повторяет прежнюю, но развивается по тому же закону: все дозволено, все служит наслаждению, венец наслаждения — покой.

Мозг «замолчал», вероятно ожидая моей реакции. А я тоже молчал, думая, непосредственно к нему не обращаясь. Пусть разбирается. А думал я о его самодовольстве и, пожалуй, наивности. Владыка миллионов жизней, хотя и не вмешивающийся в их течение, не управляющий ими, но создавший машину для управления их анархическим строем под лозунгом «хватай-бери!» и концовкой в духе буддистской «нирваны», оказывается не мудрее своих питомцев, подменивших знание воображением. Вот он и воображает, вероятно, что создал оптимальный вариант благоденствия.

— А разве на Земле не думают о благоденствии населения? — снова «услышал» я и не замедлил с ответом:

— Почему не думают? Думают. И делают. Только по другому принципу: с каждого по способностям, каждому по его труду.

Мне показалось, что Мозг усмехнулся. Конечно, это было иллюзией. Чужая мысль откликнулась у меня в сознании по-прежнему бескрасочно и безлично. Я даже не могу объяснить, почему я «подслушал» в ней что-то вроде иронической интонации. Может быть, ее подсказал какой-нибудь один-единственный лукавый нейрон?

— Не много. Труд гасит наслаждение, утомляет мысль и ограничивает свободу. Мы даем больше.

Я начал сердиться: я всегда сержусь, когда говорят глупости.

— Труд давно уже не утомляет даже на Земле, а у вас, при вашей технике, тем более. Утомляет безделье. Труд по душе — это творчество, а творчество не дает наслаждения только бесталанному. Талант — это труд, сказал один из гениев нашего прошлого. И разве ваш труд над проблемой генетических циклов не эквивалент наслаждения?

— Я дитя другой цивилизации. Менее совершенной. Они пришли к увяданию жизни. Мы ее стабилизируем.

Он уповал на стабильность, как на оптимум всех радостей жизни. Чудак. Стоило ли сооружать Вечное хранилище мудрости, если эту мудрость могут высмеять у нас даже самые отсталые школьники. Я не Библия, но поспорить с такой философией и у меня умишка хватало. И, стараясь быть вежливым, я пояснил:

— Сама по себе стабильность не может дать радости жизни. Радость — в преодолении трудностей. Вы посмеялись над нашим принципом, но ведь, преодолевая трудности в вечном поиске нового, мы не стоим на месте, а движем жизнь вперед.

— Как?

Я задумался. Как накортке рассказать о смене общественных формаций, проложившей путь человечеству к коммунизму? Я не историк и не философ и ничего не вспомню, кроме школьных тетрадок по социологии. Может быть, попросту ограничиться семантическим разъяснением слова «коммунизм»? От каждого по способностям, каждому по потребностям.

Я так и сделал.

— Первая половина не нужна. Зачем связывать наслаждение с коэффициентом способности? Потребность — единственно разумный критерий. Каждому по

потребностям — справедливо и верно. Это и наш принцип.

И тут я окончательно рассердился:

— Так это же паразитизм, порождающий отчужденность и пресыщение. Видел я вашу программу в действии — не соблазняет. Одних — к столу, других — в переплав со стиранием памяти. Не сумел насладиться, начинай сызнова! А в итоге — общество эгоистических пакостников, которым все дозволено, чтобы урвать наслаждение. Мы уже встречали ваших «вечных» Двухдцатичетырехлетних, начинающих жизнь, как червяки в навозе: соси жижицу, и всё тут. А потом школа, не позволяющая перешагнуть духовный предел первобытного человека. Электронный «хлыст» вместо игрушки, волчьи свары вместо товарищества, глупейшие мифы вместо точного знания. Я не знаю их зрелости, но детство и юность подглядел, это морально искалеченные и умственно обездоленные подобию человека.

В порыве раздражения я и не заметил, как постепенно повышал голос, последние фразы я, должно быть, выкрикивал, не понимая, что моему «слушателю» это совершенно безразлично. Так я подумал потом, но ошибся. Мозг не воспринимал это безразлично. Высветленные пятна на его серой поверхности, перемещавшиеся от височных к затылочным долям, становились резче и ярче, как светимость электролампочек при повышающемся напряжении тока.

— Почему твои мысли сопровождаются звуковыми волнами, мощность которых все возрастает и возрастает? — «услышал» я. — Это затрудняет общение. Я ощущаю давно забытую ломоту в висках и затылке. Контакт прекращаю. Объем информации неравномерен ее кратковременности. Ты мало увидел, но много сказал. Мне потребуется время для оценки и корреляции, а ты должен увидеть всю нашу жизнь во всех ее фазах. Тогда возобновим спор, если ты останешься неубежденным. С этой минуты все «входы» и «выходы», как вы называете межфазные связки, будут для вас открыты. Начните с Аоры — синего солнца, закончите Нирваной — лиловым. А потом снова встретимся, если нужно.

Я не ответил, словно кто-то сомкнул мне губы, да не губы — мысли, запер их, остановил движение, их привыч-

ный бег. Вероятно, именно так действовал бы сомнамбул: решительно, но бессознательно встал бы с прозрачного, тотчас же пропавшего под ним кресла, уверенно шагнул вперед и исчез в снежной туманности купола. Это и произошло со мной на пороге Вечного хранилища, неизвестно где находившегося. Только я сразу же очутился в захламленном коридоре станции. Передо мной завивалась лестница наверх, и из открытой двери доносились ваши голоса, спорившие об увиденном и пережитом. Я постоял, послушал и усмехнулся. Как еще далеки мы от понимания того, что происходит на этой планете. Можно построить десятки гипотез, и любая из них будет ложной. Я узнал больше вас, ну и что? Только большой объем информации, как любят здесь говорить, а все-таки не разгадка!

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Часть вторая

СИНЕЕ СОЛНЦЕ

Глава I

СМОТРЕТЬ И АНАЛИЗИРОВАТЬ. ШАГ В АОРУ

Капитану было жарко. Он вытер вспотевший лоб и, прищурившись, посмотрел на солнце. Оно неподвижно висело в зените — ровный оранжевый блин на подсиненной простыне неба.

Одно солнце.

«Пока одно», — машинально отметил Капитан.

Через час, через полтора — кто знает точно — из-за горизонта вынырнет второе, синее или зеленое, и пойдут

по черной пустыне плясать миражи, а в каждом — дверь в другой мир или, если быть точным, в другую фазу пространства — времени.

Открывать дверь мы научились, думал Капитан, но и только. А за дверью — на ощупь, вслепую. Методом проб и ошибок. Сколько проб, столько ошибок. Как говорится, погрешность опыта близка к единице. Библ сказал: это естественно, мы только начинаем ходить. Робкое начало.

Великое качество экспериментатора — умение ждать. Капитана не всегда отличало это умение. Нужно смотреть и анализировать — пока, сказал Библ. Капитан и смотрел во все глаза, а вот анализ получался неточным и робким. Даже короткий, в полупаузах разговор с Учителем не приблизил к разгадке странностей гедонийской цивилизации. Впрочем, они еще и не всё видели. Оставался город — Аора или Аэра, как его там называют.

Что ж, будем смотреть дальше, вздохнул Капитан, или, точнее, подсматривать. Что у них на сегодня? Увлекательная экскурсия по городу! Быт и нравы гедонийцев из окна вездехода! Спешите увидеть!

Он вышел из комнаты и отправился в мастерскую, где Малыш с Аликом готовили вездеход к поездке.

Малыш сидел верхом на табурете и швырял гайками в вездеход. Гайки ударялись о силовую защиту в метре от кузова и со звоном падали на металлический пол. Заметив в дверях Капитана, Малыш вытянулся во весь свой почти двухметровый рост — руки по швам, широкая грудь колесом, — этаким гвардеец ее величества.

— Разрешите доложить: полным ходом идет проверка силовой защиты машины. Дырок и брешей не обнаружено.

— Не паясничай, — оборвал его Капитан. — Где Алик?

Малыш кивнул в сторону вездехода:

— Рыдания и стенания. Хочет в Аору.

— Возьмешь его завтра, если понадобится.

Алик вылез из люка, отключил защиту и спрыгнул вниз.

— Можете ехать, — мрачно сказал он. — Все приборы в порядке.

— Не грусти, друг, — засмеялся Малыш. — Придет и

твоя очередь. Если понадобится,— добавил он ехидно и полез в кабину.— Поехали, Кэп.

Капитан глядел на небо сквозь прозрачную стену ангара. Из-за линии горизонта, словно прочерченной рейс-федером с тушью, темной кляксой на голубом листе выплывало синее солнце. На него было совсем не больно смотреть.

— Смотреть и анализировать,— подумал вслух Капитан.— Время миражей— смутное время. Пожалуй, пора! — Он забрался по пояс в люк и помахал Алику на прощанье.

Вездеход качнулся, кошкой прыгнул вперед и поплыл по воздуху — без мистики, без мистики! — на воздушной подушке в раздвинувшиеся створки ворот станционного ангара.

— Где будем искать этот чертов мираж? — спросил Малыш.

— Он сам нас найдет. Держи по солнцу.

— Опять туман или смерч: у этой планетки фантазий до черта. Только зачем такие сложности? Почему не просто дырка в пространстве: раз — и в яблочко!

— Ты в детстве мыльные пузыри пускал? — вопросом на вопрос ответил Капитан.

— Приходилось, а что?

— Когда два пузыря слипаются в воздухе, какова поверхность касания?

Малыш помолчал, вспоминая.

— Пятно какое-нибудь, не помню.

— Зря. Образуется линза, разлагающая световые лучи на составные части спектра. Цветовая клякса, как и здесь.

— Здесь тебе не мыльный пузырь.

Капитан пожал плечами.

— Правильность гипотезы не отстаиваю. Просто возможная аналогия, в порядке бреда.

— А вот и явь.— Малыш кивнул на ветровое стекло.

Впереди, как огромный колющий еж перекасти-поля, плыл синий шар. Внутри него вспыхивали и гасли серебряные частые искры, словно кто-то невидимый снаружи зажигал бенгальские огни.

— Елочное украшение,— зло пробормотал Малыш, направляя вездеход к шару.

Шар быстро увеличивался в размерах, светлея и растекаясь по краям, а в середине, как на фотобумаге в ванночке с проявителем, выплывал нерезкий еще силуэт странных геометрических конструкций: лабиринт из золотой проволоки, подсвеченный изнутри.

— Давай в середку,— сказал Капитан.

— Знаю,— буркнул Малыш и бросил машину прямо в хитрые переплетения лабиринта.

Секунду, а может быть, лишь доли секунды продолжался шок, безболезненный и неощутимый. Малыш нажал белую клавишу на пульте управления машиной, и вездеход остановился, сразу же выдвинув колпачок силовой защиты.

— Добро пожаловать в Аору,— сказал Малыш.— Каков городишко, а?

Городишко и впрямь был необычен. Вездеход стоял на неширокой площади, со всех сторон окруженной домами. Впрочем, чисто земное слово «дом» едва ли подходило к странным сооружениям на площади. Представьте себе коробку без крышки и дна, стенки которой приподняты над землей, огромную коробку метров пятьдесят — шестьдесят в поперечнике, повисшую в воздухе назло закону тяготения. Ни колонн, ни подпорок. Обыкновенное колдовство, как сказал бы Алик.

Малыш откинул люк, отключил защиту и спрыгнул на блестящее, словно отполированное, голубое покрытие площади. Не то стекло, не то пластик.

— Как паркет в Эрмитаже,— пошутил он,— только без рисунка. И натирать не надо.

Стараясь удержать равновесие на скользкой поверхности, он прошел по ней, задирая голову и осматриваясь.

— Антигравитация,— уверенно произнес он.— А стенки вовсе не стенки, а туннели какие-то. Ширина...— он прошел под «стеной»,— метров десять, пожалуй.— Потом нажал кнопку на поясе и взлетел в воздух, повиснув над площадью.

Капитан, сидя на крыше вездехода, с тревогой наблюдал за ним.

— Осторожней! — крикнул он.— Спускайся скорее.

Малыш медленно, явно бравируя своим умением передвигаться в воздухе, опустился возле машины.

— Наверно, это и есть Аора,— сказал он.— Только мы

попали, должно быть, на окраину. На севере голубая плешь — ни домов, ни людей, а на юге и на западе — соты.

— Какие соты? — не понял Капитан.

— Такие же.— Малыш показал на молочно-матовые стены коробок. Они тянутся до горизонта, конца-края нет. И всё ячейки, ячейки... Есть поменьше, есть побольше. Я и говорю — соты: словно из улья вынули и подвесили в воздухе.

— А люди?

— Людей много. На крышах. А что делают, не разглядел: далеко.

Интересно, что скрывается в этих туннелях, подумал Капитан и обомлел: белесая матовость стен медленно таяла, и за прозрачной, едва различимой пленкой обнаружилось длинное светлое помещение, до потолка уставленное большими черными ящиками. Они стояли в три яруса, один над другим — шкафы или полки? — а перед ними, глядя куда-то мимо космонавтов, сидел на корточках русоволосый гедониец в ярко-синем облегающем трико. Он развел руками — таким факирским жестом, — и ящики позади него неожиданно изменили форму. Теперь это были шары, и внутри каждого разгорался огонь все сильнее и ярче, словно кто-то неторопливо передвигал рычажок по обмотке реостата.

Вдруг гедониец заметил, что за ним наблюдают. Он встал, взмахнул рукой, и шары исчезли. Вместо них в туннеле снова стояли черные ящики. Гедониец внимательно оглядел космонавтов. По возрасту, сложению и складу лица он был похож на тех школьников, которых Капитан видел в мире зеленого солнца, — атлет с холодным колющим взглядом. Только васильковое трико отличало его от них.

Тонкие губы его сложились в некое подобие улыбки. Он скрестил руки на груди и... пропал. Просто исчез, растворился в воздухе.

— Мистика, — сказал Малыш.

— Скорее физика, — возразил Капитан. — Думаю, он сейчас где-нибудь в центре города.

— Нуль-переход?

— Что-то вроде. Мы с Библом уже попробовали такой способ передвижения. Смена кадров, как в кино.

— А как это делается?

— Не знаю. Объяснение соответствовало пословице: по щучьему велению, по моему хотению. Попробуем?

— Придется. Не пешком же идти по такой жаре.

Он повернул браслет на запястье. Колпачок силовой защиты на крыше вездехода мигнул и загорелся ровным красным светом.

— Порядок,— сказал Малыш.— Можно топать.

— Куда?

— Сначала разберемся в обстановке и определим направление. Подыдемся в ближайший воздушный туннель и посмотрим, куда он ведет.

С этими словами Малыш, нажав кнопку на поясе, взлетел и опустился на плоскости туннеля, который, как автострада, убегал к горизонту, многократно пересекаясь с такими же ровными и широкими дорогами города.

— Действительно, соты,— заметил Капитан, повторивший маневр Малыша и стоявший теперь подле него.— Только ячейки не шестиугольные, а квадратные. А вон и пчелы...

Далеко впереди, видимо в центре города, виднелись люди. Отсюда было трудно разглядеть, что они делают: черные точки-муравьи на синем фоне неба, которое словно лезвием бритвы было надрезано тонкой стрелой — антенной или флагштоком? — высоко вздымающейся над туннелями-сотами.

— Вот и ориентир,— сказал Малыш.— Держим курс на нее: не потеряемся. Говоришь, по моему хотению?

Капитан кивнул согласно.

Собственно, никакого особенного «хотения» не понадобилось. Он просто шагнул вперед, как в затемнение, и из затемнения тотчас же вышел, очутившись возле стрелы, серебристо-белой — титановой, что ли? — колонны, пропадающей высоко в небе, такой тонкой и легкой, что казалось неволью: подуй ветерок посильнее, и она упадет. Но ветра не было. Тишина, сонная, тугая, неразрывная, повисла над городом. Бесшумно, будто в немом кинематографе, двигались люди по крышам-дорогам, все в зеленых или синих трико, как у гедонийца в туннеле, в пестрых хитонах или накидках, в шортах и сеткашнуровках, как у школьников последнего цикла обуче-

ния, а то и просто полуобнаженные — сильные и загорелые, с торсами тренированных циркачей.

Как и там, на окраине, Малыш и Капитан стояли внизу на такой же пустынной голубой плоскости, окруженной туннелями-сота́ми, волшебнo повисшими в голубом нагретом воздухе. Только стены у них были цветными, радужными, и комбинации цветов все время менялись: на синюю плоскость вдруг наплывал красный клин, с размаха шлепалось на него неровное желтое пятно, съеживалось и вновь вырастало, искрясь и переливаясь. Как телетайпные ленты, ползли по стене белые полосы с золотыми точками-искрами. Точки меняли положение, перемещались и снова пропадали, а потом возникали из ничего, размазывались и сползали на стены, а на смену им, откуда-то из глубины этого цветного хаоса, показывались огненные колеса и вертелись, разбрасывая искры всех цветов спектра. Потом этот буйный хоровод красок тускнел, темнел, будто недовольный художник смывал его, выплескивая на холст ведро грязной воды, и все начиналось сначала: опьяняющая цветная какофония и смывающий ее дождь.

Капитану почудилось, что он слышит музыку, то тихую и плавную, то бравурную, нарастающую, то заунывно-тягучую, то расслабляюще-липкую, как жара над городом. Он потрянул головой — пропала музыка. Неужели цвет рождает слуховые ассоциации?

Он посмотрел на Малыша. Тот стоял, тоже к чему-то прислушиваясь.

— Слышишь? — спросил он. — Как песня. Только мне думается, что одни мы ее слышим. Эти культуристы не обращают внимания.

Действительно, на втором ярусе над площадью шла своя жизнь, спокойная, равнодушная, ни на секунду не нарушенная ни появлением землян, ни завораживающей круговертью красок на стенах туннелей. Люди или стояли группками по два-три человека, или лениво брели куда-то, или сидели и даже лежали прямо на дороге. Их обходили или переступали, не возмущаясь и не протестуя.

— «Ничему не удивляться!» — воскликнул некогда Пифагор, — усмехнулся Капитан. — Может быть, он слышал о гедонийцах. Только их самих не слышно — страна немых.

...— Кто вы? — повторил гедониец...

И, словно опровергая его, где-то в сознании прозвучал внезапный чужой вопрос:

— Кто вы?

Капитан обернулся. Позади, глядя на космонавтов неподвижными, словно застывшими глазами, стоял гедониец в длинном белом балахоне без рукавов.

— Кто вы? — повторил гедониец, так же беззвучно передавая мысль.

— Из школы, — моментально сориентировался Капитан. — Второй цикл обучения.

— Впервые в Аоре?

— Первый раз.

— Вам надо в герто.

Капитан услышал «герто», а Малыш громко переспросил:

— В гаорто? Это куда?

— Не надо вслух, — остановил его Капитан. — Пойдут лишние вопросы. Ты думай — они поймут.

— Почему вы жужжите?

— Привычка, — ответил Капитан и быстро — скорее уйти от опасной темы — спросил: — А что такое «герто»?

— Проверка уровня. Там, где определяют группу. Не были?

— Были, — решительно соврал Капитан: проверка какого-то уровня совсем не входила в их планы, — мало ли что там делают с бывшими школьниками.

— Вольные? — спросил гедониец.

— Именно, — неопределенно подтвердил Капитан, безуспешно пытаясь уйти от скользкой темы.

— А вы чего-то боитесь, увертываетесь, увиливаете, — послал мысль гедониец. — Меня боитесь?

— А кто ты? — спросил Капитан.

— Я — сирг. Колебатель.

— Кто?!

— Сирг, — терпеливо повторил гедониец. Видимо, по здешним правилам вчерашним школьникам так и положено — многого не понимать. — Качаю пространство. — Он лениво махнул рукой. — А вы идите, идите. Милеа в двух проходах отсюда.

Малыш ошалело взглянул на Капитана, но тот не успел спросить, что такое «милеа» и в каких «двух проходах» она находится. А гедониец тем временем исчез.

— Ты что-нибудь понял? — У Малыша даже голос осел от удивления.

— То же, что и ты: милеа в двух проходах и нам непременно надо туда попасть.

— Какая еще милеа?

— Полегче вопросы есть?

— А куда он делся?

— Видимо, пошел качать пространство.

— Чем качать?

— Руками! — вспыхнул Капитан. — Или головой. Откуда я знаю?

Малыш виновато улыбнулся:

— Не злись. Я от этой чертовщины ополоумел. Что делать-то будем?

— Смотреть и анализировать, — зло сказал Капитан. — Вернее, только смотреть: не годимся мы для анализа. — Он помолчал немного. — Пойдем-ка со всеми. Куда-то ведь они идут?

— По крыше пойдем?

— По воздуху. — Он шагнул вперед и очутился на втором ярусе, уже не удивляясь сказочному способу передвижения в пространстве.

«Как в старом анекдоте, — думал он, — о чудаке, который прыгал с колокольни и не разбивался: в привычку вошло...»

Перед ним маячили в крупных желтых сетках атлетические торсы двух здоровяков-гедонийцев. Здоровяки быстро шли, лавируя среди сидевших и лежавших на дороге, и космонавты пристроились за ними, стараясь не отстать и не потеряться в толпе.

«Какой спокойный город и как непохож он на школьный мирок с «хлыстами», драками и звериной злобой. А ведь те же люди, вчерашние школьники. Что же их меняет? Или кто? Может быть, для того и существуют таинственные «герто», о которых говорил сирг?»

Капитан искренне думал так, даже не предполагая, что вскоре поймет, как жестоко он ошибался, что звериная злоба лесных переростков не исчезает и никакие попытки исправить их — тем более что и попыток таких никто и никогда не предпринимал на этой планете — не смогут ее заглушить. Но пока он всерьез наслаждался мирной идиллией: почти съеста в каком-нибудь тихом

испанском городе — и людей на крышах немного, и шума нет, и жара такая же тягучая, как снятый с газовой горелки сироп.

Неожиданно он остановился. Малыш, шагавший сзади и вовсю глядевший по сторонам, чуть не налетел на него.

— Что случилось? — спросил он и тут же удивленно присвистнул от удивления. — Куда же они делись?

— Кто?

— Да эти, в желтых сетках.

Капитан, привлеченный какой-то возней на соседней крыше, где группа празднующихся вдруг непонятно почему поредела, заметил, что так же загадочно исчезли и находившиеся впереди них атлеты в желтых сетках.

— Может быть, в дом вошли? — предположил Малыш.

— А где ты видишь дома?

— Где? Под нами, рядом, в туннелях-сотах.

Капитан задумался... А что? Риск не велик. Передвижение волшебное. Можно поглядеть и на соты.

— Рискнем?

— Рискнем.

Желания в этом мире исполнялись точно и без задержки. Мгновение, и они уже шагали по широкому и светлому коридору. Свет был не дневной, солнечный, а холодный, искусственный, словно внутри матово-белых стен тянулись невидимые светильники. Коридор был пуст, а конец его терялся где-то далеко в белесом туманном мареве, и не было видно ни людей, ни вещей, ни привычных земных указателей, давно заменивших сказочный придорожный камень или ариаднину нить.

Холодная пустота, бессмысленная пустота, как в брошенном жителями городе на Прокле. Капитан сам бродил когда-то по этому городу, обнаруженному экспедицией Карлова. Но ведь Гедона-то обитаема, и люди должны где-то жить. Он снова вздрогнул от неожиданности — в который раз за этот сумасшедший день: в двух шагах впереди выросла стена и позади такая же, одинаково глухая — ни дверей, ни окон, просто матовая и светящаяся, как стены коридора.

— Вот тебе и комнатка, — резюмировал Малыш. — Просто и мило, только присесть не на чем.

И, словно подчиняясь его желанию, перед космонавтами возникли два кресла, знакомо прозрачные, едва заметные в неверном белесом свете. Точно такие же были в доме-пленке в Зеленем лесу. Только там они принимали любой цвет по желанию хозяина или гостя.

Пусть будут красными, решил Капитан.

Кресла окрашивались постепенно, принимая по очереди все оттенки, от бледно-розового до пылающе-алого — два огненных цветка на белом полу.

— Красиво,— сказал Малыш. Он уселся в одно из кресел, удобно откинувшись и вытянув ноги.— Сюда бы еще столик и кондиционерку.

Столик возник из ничего, как и кресла.

— А где кондиционерка?

— Ты представь ее,— посоветовал Капитан.

Малыш напрягся, покряхтел почему-то — не помогло.

— Бесполезно,— подвел итог Капитан.— Местная промышленность кондиционерок не выпускает.

— А как же они от такой жары спасаются?

Откуда-то сверху вдруг подул ветерок, прохладный и легкий. С акустическим эффектом: шум прибоя или шорох листьев. Капитан закрыл глаза и представил себе, что это Земля. Рядом Ока. Еще утро, заря занимается. Предраассветный холодильник бесцеремонно забирается за ворот рубахи. А у берега лодка. И в ней удочки и ведро, и банка с наживкой. Малыш кричит из палатки: «Холодовато становится! Сейчас бы свитерок в самый раз».

Капитан открыл глаза и поежился.

— А ты спрашиваешь, как они от жары спасаются. Запомни: мы попали в страну исполнения желаний. Чего тебе хочется?

— Я человек любознательный,— сказал Малыш.— Предлагаю идти дальше.

— Согласен,— кивнул Капитан.— Пошли.

— Сквозь стену?

— Стену уберем. Ты забыл об исполнении желаний?

Однако стена вопреки настойчивому повелению Капитана «убираться» не хотела.

— Осечка. Кажется, нас заперли.

Капитан медленно пошел вдоль стены: «Что это? Несовершенство системы или намеренный ход гостеприим-

ных хозяев? Чей ход конкретно — Координатора? Вряд ли он знает о нашем появлении. Гедонийцев? Но зачем это им, для чего?»

Пройдя еще несколько шагов, Капитан обернулся к следующему за ним Малышу:

— Попробуй ты.

— Уже пробовал. Тот же результат.

— Значит, заперли. Интересно, надолго?

— Нет.— Малыш смотрел на стену: она таяла, как изображение на экране выключенного телевизора.

А в белесой пустоте коридора стоял гедониец — рослый, невозмутимый. Олимпиец, не человек. И только странная черная лента, охватившая лоб, отличала его от тех, кого они видели наверху.

— Кто ты? — хрипло спросил Капитан.

Гедониец не ответил. Он молча продолжал рассматривать посланцев Земли. И вновь Капитан отметил, что глаза гедонийца оставались неподвижными — две голубые льдинки под светлыми полосками бровей.

— Кто ты? — повторил он вопрос и услышал:

— Ксор.

Глава II

ЗАМКНУТЫЕ. ЧТО НАДО ДЛЯ СЧАСТЬЯ

Оба слышали одно: «ксор».

Ну что ж, ксор так ксор. Не хуже и не лучше сирга. Так же непонятно и необъяснимо, хотя и созвучно друг другу. А просить объяснений смысла нет: здесь объяснять не любят и не умеют. Еще одна загадка в одну копилку. Сколько их наберется?

Ксор подошел ближе, и стена снова выросла позади него — белая и светящаяся.

— Почему она не открывалась? — спросил Капитан.

— Наложение приказов.— Ксор отвечал машинально: все его внимание было обращено на внешний вид космонавтов. Он разглядывал их бесстрастно и холодно, как личинку под микроскопом.

— Чьих приказов?

— Твоих и моих. Вы отключились, и я открыл сте-

ну.— Он положил руку на плечо Капитана: — Вам надо в милеа.

«И этот посылает в милеа»,— вспомнил Капитан о совете сирга. Он знал только то, что эта загадочная (а может быть, загадочное?) милеа находится (или находилось) «в двух проходах» отсюда (откуда?). Спрашивать ксора о том, что это такое, он не рискнул и только осторожно поинтересовался:

— Зачем?

— Плохо одеты. Скучно. Из какого клана?

Капитан переглянулся с Малышом. Тот растерянно спросил:

— Про какой отряд он говорит?

— Не отряд — клан.

— А я услышал — отряд.

Ну как тут выпутаешься, если любое неосторожное слово может погубить экспедицию? Капитан пожевал губами, прежде чем произнести:

— Мы не из клана.

— Вольные?

— Да.

— А почему металл? — Ксор провел пальцем по застежке-«молнии» на куртке Капитана.

Тот расстегнул и застегнул ее, но ксор не заинтересовался.

— Лишнее,— сказал он.— Идите за мной,— и прошел сквозь внешнюю стену туннеля. Именно — сквозь, не убирая и не раздвигая ее.

Уже привыкшие к фокусам гедонийцев Капитан и Малыш все же оторопели перед этим чудом сверхпроницаемости.

А ксор снова появился из стены.

— Что же вы? Жду.— Он махнул рукой.— Быстро, рядом!

Конечно, это был не фокус, а все тот же многократно испытанный нуль-переход. Нырнули в никуда и мгновение спустя вынырнули в привычном уже своей пустотой зале с какими-то шкафами вдоль псевдостен. Шкафы сильно смахивали на щиты-распределители в земных лабораториях, только в переднюю стенку каждого был вмонтирован экран, похожий на телевизорный. По экра-

нам бежали полосы — сверху вниз, как при плохой настройке, но ксора это не смутило.

— Войдете и бросите свою одежду в люк. Потом подумайте.— Он сел на корточки, обхватил руками голову и застыл в такой едва ли удобной позе.

— Что с ним? — удивился Малыш.— Голова болит?

— Вряд ли. Наверное, так положено.— Капитан принял на вооружение пифагорийскую формулу: ничему не удивляться.— Пойдем подумаем.

Он пошел к шкафу, на ходу стягивая куртку. Полосы на экране замедлили свой бег и остановились, чуть подрагивая.

— О чем же думать? — Рациональный Малыш не желал подчиняться явной нелогичности происходящего.

Капитан не отвечая — он просто был любопытнее — рванул на себя дверь и вошел в шкаф.

Двери не оказалось, рывок пропал, а в шкафу было темно и пусто.

Где же этот люк, куда надо что-то бросать? Капитан пошарил по стенке и нашел отверстие. Оно не имело ни стенок, ни дна. А что бросать? Вероятно, их земные, оскорбляющие здешние вкусы куртки. Можно попробовать.

Он бросил куртку в черную пустоту и стал терпеливо ждать. Ничего не произошло. Все та же немая темнота. «Идиотизм! — рассердился он.— Сунули в пустой шкаф, заставили расстаться с привычной курткой и приказали думать. О чем? И в чем я, интересно, буду разгуливать? Хоть бы шнуровку гедонийскую получить».

На внутренней стенке шкафа осветился экран — такой же, как и снаружи. Только вместо бегущих полос Капитан увидел на нем... себя в защитных шортах, которые он так и не снял вопреки совету ксора, и в белой сетке-шнуровке.

«Зеркало? — подумал он.— Непохоже. Скорее что-то вроде телемонитора».

Он провел рукой по телу: сетка была настоящей. Одежда по заказу. Ну, а если не сетка, скажем, а вестсайдка: плотнее, прочнее и удобнее. Он подождал, но сетка не исчезала. «Люк», — догадался он, стянул через голову сетку и швырнул в люк. Теперь его тело плотно облегал майка с короткими рукавами и круглым воро-

том, тоже белая, без цветных кругов и треугольников, какие он видел у гедонийцев.

«Пусть будет зеленой, как и шорты».

Вестсайдка мгновенно окрасилась в травянисто-зеленый цвет.

Капитан подмигнул весело, и его двойник на экране подмигнул в ответ. Он почти не отличался от среднестатистического гедонийца, этот теледвойник,— ни одеждой, ни ростом, ни даже лицом. Только глаза выдавали: не холодные, неподвижные и колючие, а живые и теплые глаза землянина.

«Глаза можно не перекрашивать — хорошенького понемножку»,— решил Капитан и вышел в комнату, на этот раз просто сквозь дверь, без рывка. Ксор по-прежнему сидел на корточках, обхватив голову руками, а рядом стоял Малыш в синем трико и гедонийских сандалиях, неизвестно как державшихся на ноге.

— Давно из цирка? — спросил Капитан.

— А что? — обиделся Малыш.— Мне нравится.

«Вот и еще задачка решена,— подумал Капитан.— Милеа — это попросту салон верхней одежды, так сказать универмаг с неограниченным ассортиментом».

— Долго примерял? — спросил он у Малыша.

— Я им сначала фрак заказал, чтоб почуднее. Так не дали.

Капитан засмеялся: фрак! Пожалуй, и на Земле его сейчас нигде, кроме театральных мастерских, не сошьют, а на Гедоне с ее автоматически централизованным производством и подавно. В память Координатора — или кто там этим занимается? — заложен, должно быть, конечный список вещей. Так сказать, каталог. Вероятно, он огромен и многообразен, но все-таки ограничен; ограничен мощностью производства, замыслом и фантазией создателя и вдобавок традициями планеты-матери. Фрак здесь не получишь: о нем не слыхали.

Он тронул за плечо сидевшего на корточках ксора.

— Мы готовы.

Тот опустил руки и встал. Секунду-другую его глаза все еще были зажмурены — в трансе он пребывал, что ли? — потом он открыл их и критически оглядел космонавтов.

— Теперь лучше. Вольные. Проверка воображения. Координатор отсчитает. Немного, но отсчитает.

— Что отсчитает?

— Инединицы за воображение. Информация.

— А зачем?

— Чтобы жить. Потом будет хорошо.

— Когда?

— После жизни.

— После смерти,— поправил Капитан.

— Нет, после жизни,— не согласился ксор.— Смерти нет.

— А что есть?

— Регенерация.

Капитан уже слышал этот технический термин. Кто-то упоминал о нем в Зеленом лесу, пояснил его смысл Учитель, как метод смены личности в неумирающем теле. Капитан видел и первые плоды этого метода — борода-тых младенцев, сосущих питательную жижицу из воздушных трубок. Но сейчас ему захотелось узнать, что думают об этом зрелые гедонийцы.

— Перерождение,— пояснил ксор.— Исчезнет твое «я», а вместо него возникнет другое. Ты и не ты. Чужая матрица.

Малыш с интересом вслушивался в их разговор, в котором звучали только вопросы и реплики Капитана. Мысли ксора он воспринимал как беззвучный отклик в сознании. Но тем не менее разговор получался, и в него можно было вступить. Он и вступил.

— Они верят в переселение душ? — спросил он у Капитана.

— Здесь нечто подобное действительно практикуется,— пояснил тот,— причем на серьезной научной основе. Без чертовщины и мистики.

В глазах ксора впервые промелькнуло нечто вроде удивления.

— Вы те, кто жужжит,— я слышал.

— От кого? — спросил Малыш.

— Общая информация. Как все — слышал.

— Врет?

— Не думаю. Здесь не лгут и, по-видимому, лгать не умеют. Какая-то система информации для всех,

должно быть, все-таки существует. Ее и называют общей. Интересно, кто и что является ее источником.

— Координатор, наверно.

— Не будем гадать.

Ксор внимательно прислушивался к их словам, потом закрыл глаза и передал мысль:

— Информация общедоступна. Любая информация.

— Откуда вы ее получаете?

— Она везде. Ее надо копить.

— Для кого?

— Для себя. Как в школе. А потом проверять уровень. Набрал минимум — хорошо.

— А если больше минимума?

— В запас для Нирваны.

Вот так оно и прозвучало, это понятие — нирвана. Старое, почти забытое на Земле слово. Вечное блаженство, заработанное праведной жизнью. А каковы нормы праведности? Библейские? Вряд ли. Устарели они и на Земле, запылились, пожелтели от времени, как истертые страницы священного писания в каюте Библа. На Гедоне праведность измеряют в битах — или какие здесь единицы информации? «Кретины», — резюмировал Малыш. Ошибся парень. Скорее рабы. Они в постоянном неоплаченном долгу перед теми, кто дал им жизнь. А какова она, эта жизнь? Аора несомненно отличается от мира зеленого солнца. Стерилизованное существование ради жалких крох информации или того, что они называют информацией, — хаос каких-то полужнаний, полувпечатлений, набранных в спешке, на лету. Посидел на корточках, поразмышлял, придумал что-то — вот и денежка в копилку; сочинил одежонку похитрее — еще денежка. Так капля за каплей, авось и до Нирваны дотянешь.

— Что значит «нирвана»? — спросил Капитан.

— Покой. Блаженство. Радость.

— А точнее?

— Не знаю. Из Нирваны не возвращаются.

— Кто же знает?

— Учитель.

«Опять Учитель. Великий миф гедонийцев. Все знает, все видит. Живой — во всяком случае, мыслящий — бог, не вмешивающийся в жизнь, но творящий ее. Пара-

доксально звучит, но подтверждается наблюдениями. Пока, во всяком случае».

Капитан уже не боялся спрашивать.

— Почему ты называешь себя ксором, а нас — вольными?

— А разве это не так?

— Так. Но в чем разница?

— Вы живете в хаосе, а мы — замкнутые.

— Чем замкнутые?

— Не чем, а на что. Замкнутые на себя. Цикличность информации. Рождается в себе, перерождается, рождает новую.

— Цепь ассоциаций?

— Не цепь, а кольцо. Вы должны знать.

«Мы должны знать, но не знаем. Неувязочка, которую наш немногословный или, вернее, немногомысленный собеседник может неправильно истолковать. Не будем дразнить гусей».

— Мне пора, — беззвучно сказал ксор.

— Возьмешь нас? — спросил Малыш.

— Идите. Я в лепу.

— В лепу так в лепу, — согласился Малыш. — Пошли, Кэп.

Они подошли к стене и подождали какую-то долю секунды, пока она не исчезла. Но не увидели за ней знакомого белесого коридора.

Пол туннеля загибался к потолку длинным ребристым пандусом, а наверху у крыши виднелся ровный прямоугольник отверстия: кусок синего неба, вписанный в рамку светящегося потолка.

— Почему мы шли пешком, а не воспользовались мгновенностью передвижения? — спросил Капитан.

— Мгновенность удобна, но мышечное передвижение необходимо. Нельзя расслабляться, — сказал ксор и смешался с толпой, вернее, пошел сквозь нее, обходя сидящих и переступая лежащих.

Вероятно, Капитан был прав: они впервые попали в город в часы, когда гедонийцы прятались от палящего солнца в своих домах-сотах, превращавшихся по желанию хозяев в удобные для них комнаты. А теперь в городе кипела жизнь. Множество людей в пестрых, причудливо скроенных и раскрашенных костюмах на

крышах, на площадях, группами и в одиночку чего-то ждали, как переполненный зрительный зал ждет стремительного разлета занавеса. А может быть, впечатление обманывало и ожидающая толпа была просто бесцельным скучающим сборищем, ожидающим краткого мига развлечения. Откуда и как придет к нему этот миг? Со стен домов, на которых воображение неведомых художников меняло светящиеся картины — цветную бессмыслицу красок и путаную геометрию линий? С мачты-игры — излучатель или антенна? — чуть вздрагивающей от легкого ветра? Или из черных отверстий в крышах, одно из которых только что привело сюда двух чужаков в этой толпе.

На этот раз она не безмолвствовала: отрывистые возгласы негодования или радости, какие-то крики вдалеке, иногда резкий пронзительный свист. Все это явно противоречило словам ксора о бессмысленности звуков в мире осмысленной информации.

Малыш не удержался и напомнил об этом их спутнику.

— Ты прав, — ответил тот, — эмоциональные вспышки, низкий уровень интеллекта, а в результате сокращенный объем информации.

Космонавты уже привыкли к отрывистым мыслям гедонийца и научились лепить из них стройные, хотя иногда и малопонятные конструкции речи. Но в последнем объяснении ксора ничего непонятного не было: разумный, по здешним представлениям, человек не станет выражать свои чувства выкриками. Старая земная поговорка «молчание — золото» обрела на Гедоне совсем другой философский смысл.

Неожиданно ксор остановился, отступая на шаг. Перед ним выросли трое — атлеты в одинаковых белых шортах, одинаковых синих майках-шнуровках, оставлявших открытыми одинаково загорелые бычьи шеи. У бедер на золотых колечках висели одинаковые черные дубинки, похожие на земные — полицейские.

Капитан и Малыш не могли слышать, о чем они говорили с ксором: мысленный обмен был заблокирован. Но вдруг один из них, как заправский земной хулиган, ударил ксора по лицу, ударил лениво, словно выполняя привычную и скучную обязанность.

— С ума сошел,— сказал Малыш и, сжав кулаки, шагнул вперед.

Капитан задержал его:

— Не вмешивайся.

А вмешиваться и вправду не стоило. Обиженный не ответил на удар. Он по-прежнему бесстрастно глядел на обидчиков, словно пощечина была только детской забавной шуткой.

А «шутник» в синей шнуровке отстегнул дубинку и размашисто с оттяжкой саданул ксора по плечу. Малыш даже зажмурился: такой удар кость перебьет, рука плетью повиснет. Но ксор только плечом повел — едва заметное движение,— и дубинка скользнула вниз.

Он обозлился, этот палач-супермен с подозрительно знакомой дубинкой. Она снова взлетела — черное продолжение руки, снова ксор неуловимо повел корпусом, и супермен не удержался на ногах: слишком велика была инерция удара.

Никто даже не обратил внимания на эту сцену. Люди шли мимо или стояли, даже не обернувшись,— ни любопытства, ни жалости. Да и дружки супермена с дубинкой только глазели, не вмешиваясь, не помогая и не удерживая своего компаньона. А тот уже вскочил легко, сноровисто — стальная пружина, не человек,— вскочил, снова взмахнув дубинкой. Ксор по-прежнему невозмутимо смотрел на него с затаенной, как показалось Капитану, усмешкой: атакой больше, атакой меньше — какая разница, если дубинка снова скользнет по телу, не оставив ни синяка, ни царапины. Так и случилось: нападающий вновь промахнулся, побежденный удивительным искусством защиты, которым владел их спутник.

Капитану надоело ждать. Он рванул за плечо хулигана в синей шнуровке и ребром ладони ударил его по горлу. Тот сразу обмяк и рухнул на дорогу, уронив дубинку. Капитан подобрал ее — пригодится когда-нибудь,— перешагнул через упавшего и крикнул Малышу, кивнув на все еще неподвижного ксора:

— Бери этого непротивленца и шагай дальше. А то он так полдня простоят.

Малыш подхватил гедонийца под руку и присоединился к Капитану. Минуту, две, три шли молча, потом ксор спросил:

— Зачем ты его ударил? Он подражатель: сам не может. Низкий коэффициент информационного накопления.

— Кому же он подражает?

— Гатрам.

— Это кто?

— Сверхлюди. Очень опасны.— Ксор даже поежился.— Я бы с такими не справился. Они знают юго.

— Не понял.

— Силовой комплекс.

— А информация? Тоже с низким коэффициентом?

— Нет, часто выше нормы.

— Значит, ты слабее?

— Нет, мой коэффициент едва ли ниже.

— Но ты их боишься.

— Только потому, что они знают юго.

— И будут нападать?

— Да.

— Зачем?

— Информация. Ударить, убить, послать в перекройку.

— Значит, убийство не наказуемо? — удивился Малыш.

— За что же наказывать? Убитый получает новую личность, а убийца — новый уровень информации. Только подражатель дешевле ксора.

— К тому же он, вероятно, уже очухался, — заметил Капитан, — так что новой информации у меня не прибавилось.

Ему показалось, что во взгляде ксора мелькнуло удовлетворение: уж кому-кому, а ему новый уровень обеспечен. Он противостоял нападению и, не пошевелив пальцем, выстоял. А впрочем, черт его знает, рад он или расстроен: мало инединиц за подражателя! Да и умеют ли они радоваться, а если и умеют, то как? Насколько все-таки земной человек богаче этих манекенов, убивающих друг друга за лишний десяток сомнительных инединиц! Во всех отношениях богаче: ему дано великое счастье жить для людей, а не ради накопления вздорной, даже нелепой, с земной точки зрения, информации, формирующей разум среднестатистического гедонийца.

Вот он идет рядом, этот среднестатистический гедо-

ниец, идет помалкивает, и не поймешь, о чем он думает. Мол, что это за два чудака за мной увязались? Элементарных вещей не знают, за информацией не гоняются — странные, может быть даже опасные существа. А может, и не об этом он думает, а просто переваривает информацию, добытую в дурацкой дуэли с подражателем. То же, кстати, субъекты. Ходят с полицейскими дубинками, избивают запросто, могут и до смерти забить — и все это в порядке вещей. Даже удивления не вызывает. И подбитому, наверно, никто не помог — просто перешагнули и пошли дальше: инединицы за участие не считаются.

Интересно, что бы вы сейчас сказали, уважаемый Библ? Смотреть и анализировать? Ладно. Посмотрели. А вот с анализом плохо: исходные данные не поддаются обработке.

Что мы знаем о нашем спутнике? Немногословен, собран, видимо, неглуп, ловок, умеет отражать чисто мускульным напряжением любой удар. Что еще? Принадлежит к какому-то клану ксоров, или замкнутых. Как он сказал: информация, замкнутая сама на себя. Или не так? А хотя, какая разница: все равно непонятно.

Кое-что, впрочем, ясно: в городе существуют различные группы. Делятся они по методам накопления и объему накопленной информации. Вольные, ксоры, подражатели, гатры, сирги — сколько их еще и зачем? А что считается информацией? Видимо, все, что ими делается: от выбора одежды до умения убивать. Измеряют ее в каких-то инединицах и панически боятся недобрать нормы. А какова норма? Может быть, одинаковая для всех, а может быть, для ксоров одна, а для вольных другая? Задам-ка еще вопросик.

Вопросик был задан, и Капитан получил ответ:

— Никто не знает, какова норма. Набрал — зеленый сигнал.

— Где?

— В ячейке Координатора. Проверка уровня проводится каждый цикл.

— А если не набрал?

— Белый сигнал — предупреждение. Три предупреждения — перекройка.

Хорошенькое дело: добываешь информацию, стара-

ешься, а тебе — раз! — и белый сигнал. Всё вслепую. Жизнь вслепую, смерть вслепую. Хотя смерти нет: есть перекройка, смена личности. А после?

— Новая личность, новое состояние, — пояснил ксор.

Каков же механизм перекройки? Стирание памяти или изменение генетического кода? Бессмысленно спрашивать: ответа не будет.

— Где же она проходит?

— Не знаю.

А кто знает? Координатор. А где он находится? Опять не знаю. И так до бесконечности. Вот куда мы идем, он знает. В лепо мы идем. Зачем?

— Ждут, — послал ответ ксор.

— Кто?

— Ксоры. Я покажу вас.

Отлично! Пусть показывает. Заодно и мы поглядим. Не знаю, как по гедонийским меркам, но по земным — информации здесь непочатый край. Много выше нормы. Так что нас-то на перекройку не отправят.

— Пришли, — сказал ксор.

Они стояли у прямоугольного прохода в крыше, от которого уходил вниз светящийся пандус.

— Идите. — Ксор подтолкнул их к пролету. — Вниз. Прямо.

Глава III

ЛЕПО. ВСЕСИЛЬНЫЕ И БЕССИЛЬНЫЕ

Навстречу им вышли неизвестно откуда четверо гедонийцев с такими же черными лентами, туго перетянувшими лбы. Ксор что-то мысленно передал им, но Капитан не «услышал»: мысль была заблокирована. А все четверо, как по команде, молча уставились на гостей из другого мира. Станный, страшноватый взгляд: сквозь человека, как сквозь стекло.

Ксор не назвал ничьих имен, не сделал ни одного жеста, в каком можно было бы усмотреть ритуал знакомства. Но мысленное сообщение его, видимо, не было ни враждебным, ни равнодушным. Один из четверых шагнул к Капитану и дружески тронул его за плечо.

— Будешь с нами,—мысленно сказал он.— Круг замкнут, и мысли спокойны...—И тут же повторил это невразумительное приветствие по адресу Малыша.

Тот выжидающе взглянул на Капитана: что, мол, ответить? Взгляд Капитана был понятен без слов: откуда я знаю? А может быть, они и не ждут ответа.

Ответа действительно не ждали. Один за другим гедонийцы, считая, должно быть, преамбулу знакомства исчерпанной, беззвучно исчезли в толще молочно-белой стены, куда за ними последовали и космонавты. Очутились они в длинном, похожем на ресторан зале. Вероятно, это и был ресторан, или столовая, или кафе, поименованное ксором, как лепо. Да разве дело в названии, если гедонийское лепо почти не отличалось от своих земных аналогов. Может быть, только стол без ножек, повисший в воздухе вопреки закону тяготения, да непривычная, почти зловещая тишина.

«Когда я ем, я глух и нем»,—вспомнилось Капитану.

— С пищеварением у них порядочек,—связвил Малыш,—разговоры не отвлекают да и шума нет.

Он не успел продолжить, как перед ним повис, материализовавшись как в эстрадном фокусе, противень-стол — строго говоря, просто легкая розовая пластинка с неровными, зыбкими, что ли, краями.

Капитан подошел ближе, и стол изменил форму: сжался, вытянулся, будто почувствовал приближение еще одного человека.

— Садитесь,—пригласил их один из сопровождавших молчунов.

Капитан не успел спросить, куда. Подле стола тотчас же возникли такие же бледно-розовые пластинки-стулья, словно чашечки неведомых экзотических цветов без стеблей и листьев. Они мягко изогнулись, принимая форму кресла со спинкой.

— Что хотите? — спросил ксор.

— Не знаю,—ответил Капитан.— Что вы, то и мы.

На розовой поверхности стола появилось семь пирамидок.

— Коро,—сказал ксор.— Надо линять.

— Кому линять? — удивился Малыш.

— Не кому, а что,—поправил ксор.— Зито и постепенно.

Малыш ошалело взглянул на Капитана.

— Чему удивляешься? — усмехнулся тот. — Сказано тебе: сразу не линяй, а постепенно, не торопясь.

Пирамидки на столе щелкнули и раскололись, а из них на розовую пластинку потекло что-то коричневое: кисель не кисель — не понять, что. Но странная штука: коричневая масса не растекалась по гляncу стола, а застывала, булькая и пузырясь, принимая знакомую форму пирога с подгоревшей корочкой. Сюда бы солонку да полотенце вышитое — хлеб-соль, да и только.

— Линяйте, — сказал ксор и наклонился над пирогом, блаженно закрыв глаза. Остальные гедонийцы последовали его примеру.

Малыш осторожно потрогал пирог.

— Мягкий, — оценил он. — Попробовать, а?

— Не стоит, — сказал Капитан. — Зачем рисковать? Да и они не едят.

Он понюхал пирог и почувствовал легкий, едва уловимый запах. Все было в нем: сладкий дурман клевера, плывущий над полем, нежнейший аромат розовых кустов, горечь сизого дыма над таежным костром. Он туманил сознание, этот запах, укутывал в теплоту воспоминаний детства и юности, уводил куда-то далеко в сказку-быль.

Капитан рванул ворот рубахи — жарко! — и поглядел на небо. Белая вата кучевых облаков в синеве неба — низко-низко, рукой дотянешься. Скосил глаза: у самого лица его покачивалась травинка-былинка и карабкался по ней коричневый муравей. «Где ж это я?» — думалось лениво, без удивления. Поляна в лесу, трава еще мокрая. Роса или дождь прошел? И вдруг, как вспышка молнии, сверкнула мысль: да это же Земля! Он вскочил, побежал по росистой траве к пестрым, в желтых ромашках холмам, из-за которых поблескивало на солнце речное зеркальце. Вода по колено — как ноги холодит! — хрупкий песок на дне, серебристые плотвички брызнули в стороны. Капитан зачерпнул ладонями воду, хлебнул; заломило зубы. Он упал на колени, шорты сразу намокли — и пил, пил, пил эту воду с привкусом осоки, полынной горечи, пил, не в силах оторваться, пока кто-то не рванул его за плечо.

— Очнись!

И все пропало: и река, и трава, и облака над полем. Он снова сидел за розовым столом-амебой, растерянно оглядываясь по сторонам.

— Что это было?

— Наркотик,— сказал Малыш.

— Коро.— Ксор взглянул на Капитана, и губы его скривились в некоем подобии улыбки.— В первый раз?

Капитан кивнул согласно, постепенно приходя в себя. Он чувствовал какую-то легкость во всем теле, свежесть и бодрость, как после ионного душа.

— Выпей! — Ксор махнул рукой и поставил перед Капитаном бокал с мутно-голубой жидкостью.

— Что это?

— Пей. И ты пей.— Перед Малышом возник такой же бокал.— Нейтрализатор. Для пищеварения.

Жидкость была кисловатой и густой, как кисель. Капитан мгновенно вспомнил питательную жижицу для ребят-здоровяков в Зеленем лесу, взял бокал, понюхал — никакого запаха — и выпил до дна. Малыш тоже выпил, чуточку поморщась: он не любил кислятины.

— Ты что-нибудь чувствовал? — спросил Капитан.

— Ничего. Мгновенное забвение, черный колодец — ни звуков, ни света. Очнулся, как после доброго сна.

— Коро восстанавливает силы,— вмешался ксор,— но действует по-разному: у одних вызывает галлюцинации, у других — шок. Результат один: зарядка организма. Стимулятор.

— А пища?

— Несколько минов необходимых организму химических веществ вы всегда получите с любым насыщающим вариантом. Остальное для вкуса и для балласта в желудке. Хочешь — придумаешь. Посмотрите внимательно.— Он обвел рукой зал.

На разноцветных столах-пленках, в беспорядке разбросанных в пространстве зала, то и дело возникали и сменялись бокалы всех форм и расцветок: какие-то кубы, призмы, шары. Кто-то склонился над «пирогам» коро, кто-то подбрасывал вверх блестящие шарики, и они, повиснув над столами, разбухали и лопались, а в подставленные сосуды лилась золотистая жидкость прямо из воздуха. И кто-то прямо из воздуха вытягивал

зеленые нити, сматывал их в клубок и отправлял в рот, запивая уже знакомой мутно-голубой жидкостью.

И все-таки зрелище это походило скорее на репетицию цирковых иллюзионистов, чем на привычный земной ресторан или столовку с шумом-гамом, тостами над вспотевшими бокалами с ледяным шампанским или байками под кефир или мороженое. Глупо мерить все земными мерками: не подходят они здесь. Только внешний вид лепо, так сказать, общий антураж, заставлял вспомнить о земных ресторанах. Что ж, в мире, где существуют такие предметы обихода, как стул и стол, антураж этот наиболее логичен. Но лишь антураж, не надо обманываться! Гедонийцы, кстати, тоже похожи на людей. Внешне? Пожалуй. А психология, а поступки?

— Смотри.— Малыш дернул Капитана за петли шнуровки.

Тот обернулся. Между столами на четвереньках ползли, по-собачьи высунув языки, четверо гедонийцев, голых по пояс, бритоголовых или преждевременно облысевших. Крупные капли пота выступили на их загорелых спинах, тяжелое дыхание доносилось издали. Здоровенные мужланы, ладони-лопаты — встретишь такого, обойдешь, чтоб не столкнуться, — беспомощно ползли, подгоняемые гортанными выкриками, странно неуместными в сонной тишине лепо.

Их было двое — погонщиков с дубинками в руках. Капитан искоса взглянул на свою, болтавшуюся у пояса, — такая же. Эти черные дубинки угрожающе посвистывали, а сидевшие за столами на стульях-пленках опускали головы или отворачивались, чтобы не встретиться взглядом с погонщиками. А встретившись, замирали и не могли отвернуться. Так луч автомобильных фар гипнотизирует зайчишку на темной лесной дороге, не давая ему свернуть.

Капитан ждал, когда кто-нибудь из обладателей черных дубинок обернется к нему. Зачем — неизвестно: просто мальчишеское желание посмотреть в глаза, не мигая, напряженно, как в детской игре в «гляделки» — кто кого пересмотрит. Но «пересматривать» не пришлось. Гедониец мельком взглянул на Капитана, чуть задержал на нем шипы холодных голубых (что, у них у всех голубые?) глаз и что-то мысленно передал своему

спутнику. Тот никак не ответил, даже не посмотрел на «говорившего», просто прошел дальше, подгоняя своих «четвероногих», бессмысленно и безропотно двигавшихся к свободному месту у светящейся стенки.

— Кто это? — спросил Капитан удивленно и только теперь заметил, что их приятель ксор вытирает ладонью вспотевший лоб, что у его соседа течет кровь из прокушенной губы, а остальные двое тяжело дышат, стараясь не смотреть на происходившее рядом. — Кто это? — вынужден был повторить Капитан.

— Маги, — ответил ксор, не подымая головы от стола. — Властители.

— Властители? — удивился Малыш. — Разве не Координатор управляет Аорой?

— Маги управляют всеми, кто подчиняется.

— А кто не подчинится?

— Того заставят пресмыкаться, ползать, терпеть или даже утратить память.

— Не понял. Что значит утратить память?

— Мы же не умираем. Лишенных памяти, сознания, личности просто отправляют на перекройку.

— Чем же они добились этой власти? Дубинкой?

— Взглядом.

Капитан усмехнулся: детская наивность рядом с технической зрелостью. Парадокс? Скорее ошибка в сложнейшем механизме гедонийской цивилизации. Кто-то где-то что-то недосмотрел, и вот уже олимпийцы-полубоги пугаются «магических» взглядов, откровенно пугаются, даже не пытаясь скрыть трусости.

— А почему вы сердитесь? — спросил ксор.

— Сердимся? — мысленно переспросил Капитан. — Скорее удивляемся. А как ты заметил?

— У вас то расширяются, то сужаются зрачки. И лицо дергается.

Капитан сразу понял, почему их лица заинтересовали ксора. Гедонийцы не щеголяли мимикой, сохраняя даже в минуты душевного волнения, как в данном случае, мимическую неподвижность лица. Вот почему ксор спутал удивление с гневом — зрачки выдали. Да и не только удивление. Капитан скосил глаза на устроившихся по соседству магов, у стола которых застыли на корточках «порабощенные взглядом». Пожалуй, ксор прав: тут

не удивляться, а кричать надо, когда кучка отпетых негодяев может запугать целый город, издеваясь и безобразничая потому, что всем все дозволено, а поскольку их информационный багаж побольше, то, значит, «ндраву моему не препятствуй». А если бы их самих проучить, показать бы «высшую математику» гипноуправления? Пусть бы сами поползали, послужили на задних лапках. И чтоб все видели, как их так называемая всесильность держится: толкни и рассыплется карточный домик псевдомогущества.

— Проучил бы ты их,— подсказал Малыш.— Вспомни психологический практикум в институте. Попробуй — не промахнешься.

Лепесток-стул медленно отодвинулся, отпуская уже вставшего Капитана. Как это было — мгновенная психопередача или почти невероятная локационная способность гедонийцев,— но лица всех находившихся в лепоповернулись к нему. Он чувствовал себя форвардом, идущим к футбольному мячу на одиннадцатиметровой отметке: еще шаг, еще, удар и... Нет, гола не было. Капитан не ударил. Он остановился перед магами, воссевшими за таким же столом-амебой. Их красные трико вызывающе выделялись даже среди общей пестроты. Но Капитана не интересовали костюмы противников, он сам, насмешливо прищурившись — совсем мальчишка, напрашивающийся на драку,— ловил их замораживающий взгляд: а ну, кто кого?!

Голубоглазый маг не был психологом и подвоха не усмотрел. Да и проблемы «кто кого?» для него не существовало. Самый сильный — он, самый умный — он.

— Присядь!—приказал он Капитану, кивнув на возникший тут же стул-пленку.

Посланная им мысль не приказывала, а скорее предлагала, продиктованная не гневом, а любопытством к смельчаку. Капитан сел, внутренне посмеиваясь над ситуацией: высокопоставленный феодал снизошел до беседы с дерзновенным латником. Ну что ж, пусть всесильный испытает ничтожнейшего.

— Что тебе нужно? — послал свой вопрос маг.

Капитан молчал.

— Хочешь пузыриться?

— Я из школы,— сказал Капитан.— Еще не все знаю. Что значит «пузыриться»?

— Посмотри на них,— усмехнулся маг, кивнув на застывших на корточках гедонийцев.— Это пузыри. Все, кто служит нам,— пузыри.

— Сами захотели служить? — с наигранной наивностью спросил Капитан.

Маги переглянулись, заблокировав обмен мыслями, но Капитан подумал, что его, вероятно, принимают за полного идиота.

— Ты глуп, школьник,— наконец «услышал» он.— Просто мы отняли у них волю и личность.

— И они не сопротивлялись? — Капитан все еще продолжал играть в Иванушку-дурачка.

— Кто же может сопротивляться?

— Не знаю.— Капитан оглядел зал.— Может быть, этот?

Он показал на розовощекого силача, развалившегося в кресле за соседним висячим столом. Он казался невозмутимым, этот русоволосый крепыш, и только тревожные взгляды, которые он искоса бросал на магов, выдавали его душевное состояние.

— Этот? — Маг презрительно скривил губы.— Это вольный. Хочешь, я его превращу в пузырь? Сначала его, а потом тебя.

В глазах мага появился недобрый стальной блеск. Капитан не слышал приказа, он видел только, как задрожали руки розовощекого силача, медленно опустился недопитый бокал с голубой жижицей, безвольно поникли плечи.

«Пора!» — решил Капитан и мысленно приказал превращенному в «пузырь»: «Ты один, вокруг никого, тебе весело. Пей!»

Осоловевшие глаза вольного тотчас же приобрели решительность и осмысленность. Он выпрямился, не спеша поднял недопитый бокал и выпил, словно бы никто и не посягал на его свободу воли.

«Один — ноль», — мысленно поздравил себя Капитан. Маг повернул к нему побелевшее от злобы лицо:

— Мне кто-то мешал.

— Я,— сказал Капитан.

Маг резко поднялся, и кресло-лепесток, не успев отодвинуться, растаяло в воздухе.

— Встань! — приказал маг.

— Зачем? — спросил Капитан. — Мне и так неплохо.

— Встань! — повторил маг, повышая энергетическое напряжение мысли. Его лицо при этом побагровело.

— Ты самоуверенный кретин, — послал ему ответ Капитан, не заботясь о том, будет ли понята магом его терминология, — думаешь, что ты самый сильный в вашем вонючем городе, а на самом деле ты слизняк. И ничего-то ты не умеешь — только жрать да приказывать. А попадись тебе кто посильнее, на брюхе за ним поползешь. Хочешь попробовать?

— Не посмеешь. — Глаза мага сузились: щелки-амбразуры и в каждой по излучателю.

Капитан почувствовал, как кто-то сильный и властный вторгается в мозг. Неприятное и непривычное ощущение. Он встряхнул головой — ощущение пропало.

— Посмею, — сказал он и коротко бросил: — Ложись!

Ноги у мага подкосились, словно кто-то срезал его под колени, и он грузно плюхнулся на пол, прикрыв руками затылок.

— Ползи! И ты с ним! — Он пристально посмотрел на второго мага.

Тот даже не сопротивлялся, упал на живот и пополз к выходу за своим дружком, вихляя толстым задом в красном трико. Они ползли мимо бесформенных столиков, мимо гедонийцев, поспешно отодвигавшихся в сторону, — необычное, нелепое зрелище. Маги в роли порабощенных! Теперь все взгляды устремились на победившего. Что он прочел в них? Раболепие? Страх? Да, именно страх пополам с удивлением перед чудом: школьник, чужак и властители, превращенные им в «пузырей». «Интересно, сколько я получу инединиц по гедонийскому счету?» — мысленно усмехнулся Капитан. Только сейчас он почувствовал, как жестоко устал. Нервное напряжение подошло к максимуму, стрелка у красной черты. Надо расслабиться.

Четверо вольных по-прежнему сидели на корточках, бессмысленно уставившись в одну точку, хотя магов по соседству уже давно не было. «Порабощенные взглядом»

даже не заметили, что их поработители позорно бежали, уступив их новому хозяину. А хозяин только рукой махнул:

— Встаньте и ступайте, куда вам нужно. Вы свободны.

И прошло оцепенение, люди вновь стали людьми, впрочем, в гедонийском смысле этого слова: встали, отряхнулись и пошли, даже не оглянувшись. Кто их освободил, у кого взгляд оказался могущественнее — какая разница? Здесь не благодарят. Здесь другой моральный кодекс, если он вообще существует.

Капитан еле доплелся до своего кресла и сел, тяжело дыша; окружающее плыло перед глазами в назойливо пестрой карусели.

— Выпей,— сказал Малыш, протягивая бокал, на этот раз не с голубой, а с чернильной жидкостью.— Новый вид гедонийской бурды. Освежает не хуже коро.

Бурда оказалась тоже неплохим стимулятором. Усталость проходила, уступая место какой-то воздушной легкости: шагни — и полетишь, как в детстве летал во сне. Здесь не знали пышущих жаром бифштексов или ломтиков шашлыка, нанизанных на горячую саблю шампура. Здесь была своя поваренная книга, но от ее ассортимента не отказались бы и земные гурманы и кулинары. Еще одно подтверждение гедонийского рационализма: вкусовые ощущения — не главное. Основной критерий — стимулирующее действие пищи.

Из состояния блаженной расслабленности Капитана вывел молчавший до сих пор ксор:

— Ты нас обманывал. Зачем? Ты — маг, а не вольный. Координатор не ошибается.

— При чем здесь Координатор?

— Он устанавливает линию жизни. На контрольной проверке.

— А он и не говорил, что я стану вольным.

— Значит, будешь магом?

— Не знаю,— пожал плечами Капитан.— Я подумаю.

— Пора бы,— мысленно подсказал кто-то сзади, и это было так неожиданно, что Капитан вздрогнул и обернулся.

Двое — высокие, черноволосые, голубоглазые, в синих сетках-шнуровках, словно только что вышедшие из зеле-

ного школьного мира,— они стояли у стола. Что-то неуловимо знакомое почудилось Капитану в лице одного из них, в прищуре глаз, в изгибе рта, в некоем подобии улыбки.

— Здравствуй, Стойкий,— сказал Капитан и, забыв, что он не на Земле, радостно протянул руку.

Глава IV

СВЕРХЛЮДИ. СРАЖЕНИЕ НА ПЛОЩАДИ

Да, это был он, собеседник Капитана из мира зеленого солнца. Он ничуть не изменился, даже одежда та же: синяя сетка и плавки, неприхотливый школьный стандарт.

— А где же Гром, Хлыст? Где Колючка? — приветливо спрашивал Капитан.

Понять его было можно: радость человека, встретившего в чужом городе своего знакомого, пусть даже не очень близкого. Его можно было хлопнуть дружески по спине, горестно посетовать на одиночество в равнодушной толпе Аоры и даже воскликнуть: «А помнишь?», благо было что вспомнить. Сколько раз это спасительное «А помнишь?» поддерживало огонек беседы и даже завязывало дружбу, пока хватало воспоминаний.

Однако на этот раз «сезам» не сработал. Стойкий явно не хотел ничего вспоминать. На вопрос Капитана он ответил равнодушно и коротко:

— Не знаю. Вероятно, в Аоре.— И, усевшись в тотчас же выросшее рядом кресло-лепесток у стола, он спросил, кивнув на примолкших ксоров: — Они с тобой?

— Это мы с ними,— сказал Капитан.— Они знакомят нас с городом.

— А где бородатый?

— Остался дома. Сегодня со мной Малыш.

Стойкий оценивающе посмотрел на гиганта Малыша, а тот, в свою очередь, с неподдельным интересом разглядывал одного из тех, о которых ему рассказывали Капитан и Библ, вернувшиеся из экспедиции в мире зеленого солнца.

— Ты — Малыш? — спросил Стойкий.

Как всегда, мысль его была лишена окраски, но Капитан готов был поклясться, что он удивлен. Еще бы: прозвище космонавта никак не соответствовало его внешности, а такое несоответствие было трудно понять не обладающему чувством юмора гедонийцу.

— Что ж поделаешь,— усмехнулся Малыш,— больше не вырос.

— Не понимаю,— равнодушно заметил Стойкий,— внешние качества исключают имя.

— И не поймешь,— подал мысль Капитан,— ты слов таких даже не знаешь — ирония, шутка. А кто ты в Аоре, вольный или подражатель?

Стойкий едва заметно усмехнулся, а может, это Капитану только показалось.

— Спроси у своих спутников. Они знают.

Малыш вопросительно посмотрел на ксора, и тот кратко и, как всегда, не очень понятно ответил:

— Сверхлюди, первая ступень.

Так вот они какие — сверхлюди! Капитан с интересом разглядывал вчерашнего школьника. Ничего особенного ни во внешности, ни в поведении. Даже одежда не изменилась. Значит, информация накапливалась за счет других качеств и, вероятно, никому не угрожающих. Да и в голосе ксора не было страха. И никто не обращал внимания на их столик, никто не пытался незаметно ускользнуть, как получасом ранее, когда в лепу резвились маги.

Капитан снова внимательно посмотрел на Стойкого, пытаясь разгадать его сущность. Тот сидел нагнув голову и полуприкрыв глаза, словно слушал неслышное ни Капитану, ни его собеседникам. Потом встал, чем-то озабоченный.

— Пошли,— мысленно приказал он.— В третьем порядке волнение. Не будем терять времени.— Он посмотрел на ксора: — Ты тоже пойдешь с нами, будешь нужен.— И добавил торопливо: — Один, один, без корпорантов. Нас и так слишком много.

Капитан снова отметил, что никто не обратил внимания на их уход: пришли люди, посидели, ушли. Что тут удивительного?

— Не отставайте.— Стойкий подхватил Капитана под руку, а его товарищ протянул руку Малышу:

— С нами. Скорее.

Они шагнули в уже привычную пустоту, на мгновение кольнувшую сердце, и снова вышли в городе, в каком-то «третьем порядке», который ничем не отличался от тех «порядков», какие они видели на открытых плоскостях Аоры. Та же ровная, чуть поблескивающая крыша-улица, та же замысловатая игра красок на стенах домов-туннелей, те же голубые площади внизу. И только не было тишины, привычной уже в Аоре, насыщенной шуршанием платьев женщин, всегда более изобретательных в одежде, мягкой поступью никуда не спешащих прохожих, еле слышным дыханием соседа рядом — тишины, чуть звенящей, как в летний полдень над полем клевера.

На этот раз на площади внизу гудела толпа — человек сорок — пятьдесят, да еще зрители на крышах, — гудела угрожающе и сердито мощным пчелиным ульем. А присмотревшись, можно было увидеть, что толпа не однородна, а разделена на две группы, медленно сближающиеся — стенка на стенку. И мелькали в сжатых кулаках матовые рукоятки «хлыстов», гаечные ключи «парализаторов» и дубинки-разрядники, черные и пружинящие, как и та, что висела на поясе у Капитана. Все походили друг на друга, как близнецы, отличаясь только одеждой. Женщины были чуть стройнее и тоньше и не столь атлетичные, как мужчины. Но и они не выделялись в толпе — так же вооруженные, одинаково яростные. Только гортанные выкрики выдавали эту ярость, и было непонятно, кто кричал, женщины или мужчины.

— Успели, — беззвучно сказал Стойкий и, выхватив неизвестно откуда черный «огурец» с воронкой на конце, послал вслед торопливый приказ: — Не упускать нас из виду.

— А это что? — любопытствовал Малыш, заинтересованный «огурцом».

— Дист. У вас есть оружие?

— Есть. Только другое.

— Сойдет. Шагайте.

— Как? Вниз?

Стойкий исчез и тотчас же возник внизу, пройдя свой короткий нуль-переход за какую-то долю секунды. За ним последовали и его спутники, в том числе и земляне,

уже привыкшие к этому сказочному передвижению. Их было пятеро против пятидесяти, а те даже не заметили их появления.

— Что они не поделили? — спросил Капитан.

— Не знаю, — ответил Стойкий. — Возможно, площади.

— Разве одна здесь такая площадь?

— Конечно, нет. Но они не рассуждают.

— А мы здесь зачем? Помешать драке?

Стойкий удивленно посмотрел на Капитана:

— Мешать! Зачем? Пусть дерутся. Лишняя информация.

— Для кого?

— Для всех. А мы здесь для того, чтобы предотвратить насилие над природой.

Капитан не понял:

— Убийство?

— Убийство — это только уничтожение одного «я», субъекта, повод для перекройки. Насилие над природой — нарушение циклического равновесия, когда объект уже нельзя перекроить из-за нарушенной фактуры.

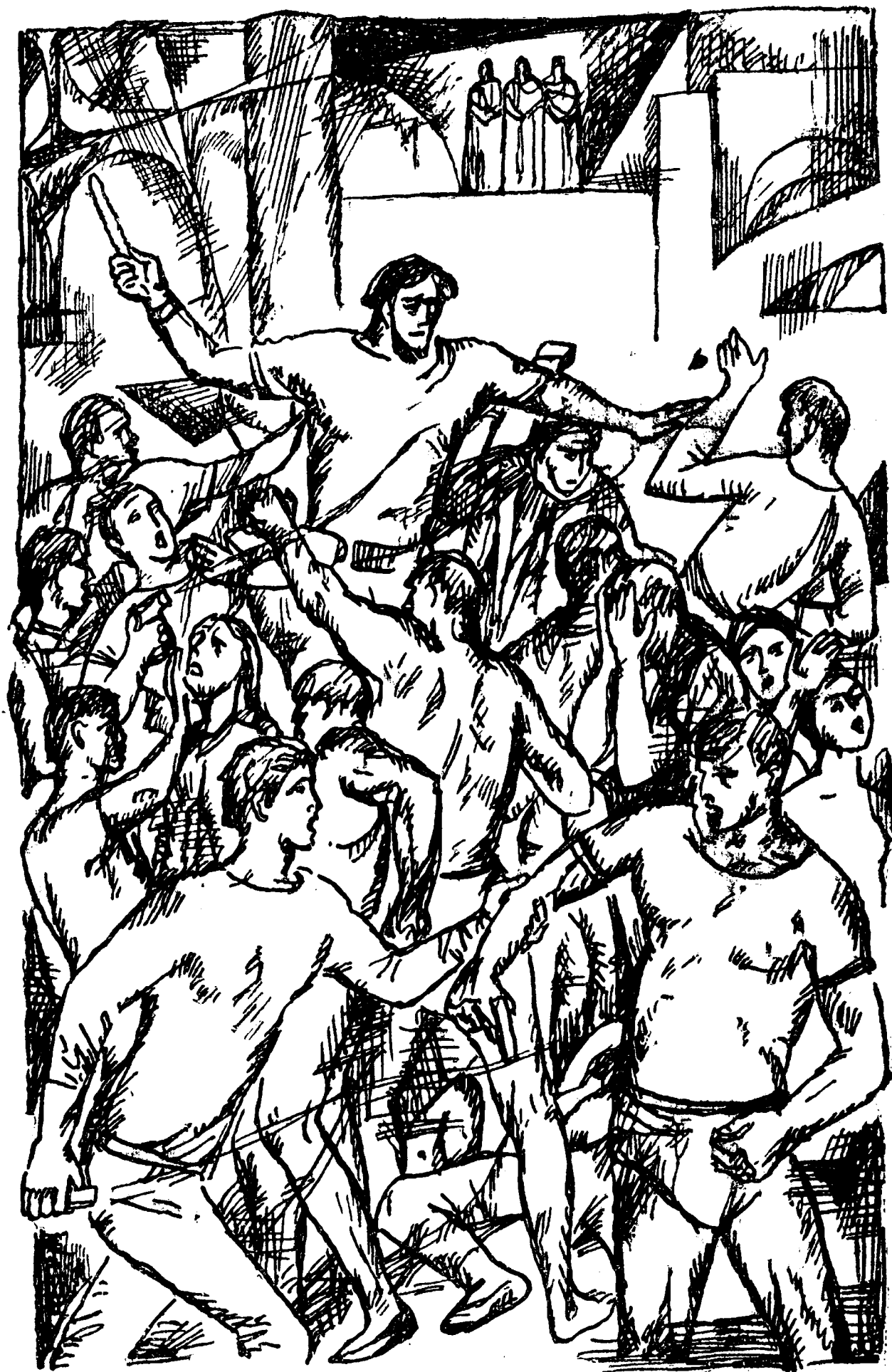
— Что он имеет в виду? — спросил Малыш.

— Членовредительство, — бросил Капитан. — Руку тебе оторвут или голову срежут — фактура нарушена. А это бывает? — спросил он у Стойкого.

— Редко. И не должно быть. Для того мы и предназначены. Сохранение фактуры — максимум информации. — Он повернул рычажок на черной поверхности «огурца», и лепестки-воронки засветились голубоватым светом. — Отстегни дубинку и не лезь в драку сам. Наблюдай за мной. Когда надо, скажу.

А толпа сходилась с нарастающей яростью — нерассуждающей и бессмысленной. Кто-то должен был начать: половчее ударить «хлыстом» или парализовать выбранную наугад жертву и запустить механизм всеобщей драки, хорошо налаженной, бесперебойной. Драться здесь, видимо, умели и любили.

И нашелся смельчак. Взметнулся лучик «хлыста», полоснул кого-то в толпе, и пошла пляска голубых молний, словно длинных и гибких фехтовальных клинков. А потом к ним присоединились парализаторы. Драчуны начали валиться, как игрушечные солдатики, все

...Все смешалось в свалке...

смешалось в свалке — и победители и побежденные, если только можно было их различить.

Стойкий держался в стороне, поигрывая светящимся «огурцом», и смотрел на дерущихся — ленивый и равнодушный зритель; но вдруг напрягся, как сжатая пружина, и нырнул в толпу. Он пробирался сквозь нее, не обращая внимания на удары «хлыстов», ловко уклоняясь от лучей парализаторов, устремленный к долговязому гедонийцу с черной пиратской повязкой на глазу и каким-то рыжим «брусом» в руке. Должно быть, именно этот «брус» и мог совершить насилие над природой, предотвратить которое обязан был Стойкий. Мог, но не совершил. Открытый раствор «огурца» извергнул струю синеватого газа, и гедониец сразу обмяк, тут же подхваченный Стойким. Тот вынес его, сбросил к расписанной стенке туннеля и потер щеку, на которой вспухал багровый рубец.

— Больно? — сочувственно спросил Малыш.

Стойкий равнодушно отмахнулся.

— Пустяки. Фактура не нарушена. — Он подкинул на ладони продолговатый рыжий «брус». — Электронный нож. Легко режет любую ткань. Интересно, где он его достал.

— Сирги, — перебил мысль спутник Стойкого. — Их штучки. Дают, не подумав, кому. Здесь еще один с ножом.

— Откуда ты знаешь? — не поверил Малыш.

— Мы должны знать.

— Мистика, — процедил сквозь зубы Малыш и взгляделся в толпу. — У кого нож?

— У вольного в черной рубахе. Шестой сектор.

Малыш не понял, что значит сектор в гедонийском понимании и почему он шестой, а не пятый, но вольного увидел. Тот уверенно действовал «хлыстом», зажатый в правой руке, а левую засунул в прорезь черной рубашки.

— Нужно обезвредить, — послал мысль Стойкий. — Кто пойдет?

— Я, — сказал Малыш. — Давай дубинку.

— С ума сошел! — закричал Капитан. — Тебя же собьют в два счета.

Но Малыш уже ворвался в толпу. Ловко орудуя дубинкой, уклоняясь от встречных ударов, боднул кого-то в живот, вовремя заметил руку с «хлыстом», направленным на него, ударил ребром ладони по этой руке, успел подхватить рукоятку «хлыста» и с оттяжкой, словно «хлыст» был нейлоновый, а не электронный, полоснул по надвинувшимся лицам, рукам, шеям. Кто-то взвыл от боли, кто-то упал, и Малыш продвинулся еще метров на пять. Он уже мог достать «хлыстом» вольного в черном, но не спешил: в конце концов, дубинка вернее, а не дубинка, так кулак не подведет. И вдруг что-то сверкнувшее обожгло ему плечи. Он зашатался от боли, перед глазами завертелись огненные колеса: попали, гады!

Он стиснул зубы и двинулся уже наугад, почти не видя, туда, где маячило черное пятно. И когда оно вдруг выросло перед ним, превратившись в сетку-шнуровку на загорелой спине вольного, он не задумываясь хлестнул дубинкой по этой спине — с размаху, изо всех сил. Гедониец охнул и осел, а Малыш подхватил его на плечи и, пошатываясь, двинулся назад, — так же как и Стойкий прикрываясь от ударов безжизненным телом — пусть хлещут: все равно на перекройку пойдет. Так он выбрался из толпы, сбросил обмякшее тело на полированный пластик площади и, пошарив за бортом черной шнуровки, вытащил прямоугольный рыжий брусок.

— Держи, — бросил он Стойкому, и тот, поймав нож на лету, одобрил:

— Неплохо. Эта информация поможет тебе перейти к нам.

— К кому?

— К сверхлюдям.

Малыш вытер вспотевший лоб.

— Спасибо. Что-то не хочется. — Он осторожно повел плечами; спина нещадно горела, обожженная скользящим ножом вольного.

— Кто дал им эти ножи? — спросил Капитан.

— Сирги. Кто же еще?!

— А откуда ножи у сиргов?

— Из пространства.

Капитан не понял, но переспрашивать не стал: все

равно понятнее не будет, здесь не любят бестолковых и любопытных.

— Зачем они вооружают вольных? Разве сирги не знают, что это опасно?

— Знают. Но они против стабильности. Бунтари.

Капитан задумался. Кто же может бунтовать в этом отлаженном механизме? Выходит, что не так уж хорошо он отлажен. Кому-то что-то не нравится, кто-то пытается что-то исправить. Или поломать. Сирги. Тот человек, который назвал себя колебателем пространства?

— Их много в Аоре?

— Не знаю,— пожал плечами Стойкий,— но они мешают стабильности.

— Так остановите их.

— Нельзя. Они неуловимы.

— Даже для вас?

— Мы не владеем пространством, а они хозяева колебаний. Они играют миражами. Ты не поймешь.

— Почему? — хотелось спросить Капитану — о миражах-то он знал наверняка больше Стойкого, но из осторожности промолчал.

— А можно где-нибудь встретиться с сиргами? — спросил Малыш.

— Встретишься. — Стойкий к чему-то прислушивался. — Может быть, очень скоро.

Он что-то сказал своему спутнику, но что именно, Капитан не «услышал»: мысль была заблокирована.

— Уйдем отсюда, мы уже не нужны. — Стойкий взял Капитана под руку. — Драка скоро закончится, а ножей у них больше нет.

— А что будет с ними? — Капитан кивнул на безжизненные тела гедонийцев.

— Отправят на перекройку.

— Когда?

— Ночью.

— Кто?

— Не знаю. Утром их уже не будет. Так всегда.

Капитан последовал за гатрами. Ксор давно уже исчез в толпе, предпочитая не оставаться в обществе сверхлюдей, а Малыш почему-то задержался на площади, внимательно оглядел ее, словно пытаясь запомнить что-то, и чуть было не прозевал своих спутников, кото-

рые шагали к центру города, избрав древний пешеходный маневр вместо сказочной телепортации.

А ярость оставшейся позади драки уже погасла, гедонийцы скупающе расходились, равнодушные к тем, кто не мог встать.

Глава V

ОХОТА НА ВЕДЬМ. СИРГИ

«Кто может здесь бунтовать? — думал Капитан. — И как? И зачем? И против кого? Только вопросительные знаки. Выходит, до тошноты логичная система Учителя оказывается нелогичной в самой основе. Все контролируется — и тревожат Аору бесконтрольные сирги. Не годишься для жизни в городе — на перекройку тебя! Ан нет: сирг-то неуловим, Стойкий сам признал это. И все-таки не верится что-то в революционность бунтарства сиргов. Что им, система не нравится? Чушь, не может быть: они к ней за тысячелетие привыкли, как к любому набору информации. Система — это они сами, и уничтожить ее — значит уничтожить их самих. А такое самопожертвование что-то очень сомнительно. Скорее всего, бунт — самоцель, бунт от скуки, от вседозволенности, бунт ради бунта. И кто знает, может быть, за эти «бунтарские» выходы им инединицы отсчитывают не скупясь. Потому и бунтарство их не вызывает протеста и карательных мероприятий, а по объему информации они, возможно, и сверхлюдей переплюнули. Впрочем, все это домыслы. Сосежь помаленьку собственный палец».

— Куда мы идем? — почему-то шепотом спросил Малыш.

Капитан пожал плечами: не знаю, мол, не спрашивай, а Стойкий, перехватив мысль, обернулся:

— Вы хотели встретиться с сиргами. Мы идем к ним. Они знают, что мы придем.

— Откуда?

— Мы всегда приходим, когда они устраивают охоту на ведьм.

«Застряли в плену земных ассоциаций, — раздраженно бурчал про себя Капитан, — и пока не вырвемся, не

поймем ни черта. Может быть, сирги — это местная инквизиция? Даже на Земле одинаковые слова могут иметь в разных языках разный смысл. Отстраниться от земного, привычного, не сравнивать, не искать аналогий — их просто нет, — вот тогда, может быть, и раскусим этот орешек».

До сих пор молчавший ксор — оказывается, он следовал в отдалении, стушевавшись в присутствии сверхлюдей, но не рискнув совсем исчезнуть в толпе, как впервые предположил Капитан, — вдруг заявил о себе:

— Не пойду дальше.

— Почему? — удивился Малыш.

— Не хочу.

Ксор стоял на краю туннеля, по-птичьи нахохлившись, и казалось, стал меньше ростом, ужасся как-то, сбычился, скосил глаза. Что-то, видимо, испугало его. Что? Кругом не было ничего страшного, что отличало бы этот пейзаж Аоры от других, уже виденных. Но ксор, еще раз послав упрямую мысль о нежелании сопровождать их, вдруг исчез, как исчезали столы, стулья и все живое и неживое, если ему приказано было исчезнуть. Капитан даже не размышлял об этом исчезновении. Был человек, мыслил вместе с ними — и нет его. Жалко? Пожалуй, нет. Удивительно? Едва ли. Все, с чем они сталкивались в этом мире, было не менее удивительным. И самое удивительное, вероятно, ожидало их впереди.

— Почему все-таки он сбежал? — Малыш никак не хотел примириться с внезапным исчезновением ксора.

— Боится, — пояснил Стойкий.

— Чего?

— Сиргов.

— Разве они так страшны?

— Увидишь.

— А вы не боитесь?

— Нет.

Но отрицание Стойкого последовало не сразу, и, почувствовав или, вернее, заподозрив в этом какую-то неуверенность, Капитан задал еще один лукавый вопрос:

— Кто же сильнее, вы или сирги?

Стойкий опять ответил не сразу, да и ответ его не был ответом. Посланная им мысль сформулировалась лаконично и повелительно:

— Мы теряем время. Сирги ждут.

Они и вправду ждали — может быть, сверхлюдей, а может, еще кого-нибудь, откуда узнаешь? Их было четверо — все в одинаковых белых хитонах, с одинаковыми повязками на лбу, в тонкую линию сжатые губы — братья-близнецы, не различишь. Они сидели внизу на квадратной плоскости, распределяясь по углам, сидели на корточках, касаясь руками земли. Может быть, кто-то из четырех был тем первым, кто встретил землян в Аоре.

Никого не было вокруг — ни любопытных зрителей, ни случайных прохожих. Страх разогнал всех, запрятал в норы. Страх стер со стен туннелей даже цветные бегущие рисунки — некому было их создавать в погоне за инединицами.

И только посреди площадки, по углам которой застыли, как надгробия, сирги, стояла группа женщин — небольшая, человек пять-шесть, не больше. Капитан не мог сосчитать точно: что-то мешало ему, видимо то же, что удерживало женщин на месте, не позволяло им разбежаться, спрятаться, укрыться от непонятной опасности. Гипноз? Нет, нечто материальное — колеблющаяся дымка, разреженный туман, завернувший женщин в прозрачный кокон. Да они и не пытались вырваться, примирившись с неизбежным или просто потому, что сознание и воля были подавлены чем-то парализующим, как наркоз.

Стойкий и его спутник уселись прямо на крышу, по которой пришли к загадочной площадке, не то к судилищу, испугавшему всех в округе, не то к месту ритуального обряда, который не предусматривал зрителей. Тем не менее сверхлюди явились, презрев опасность, о которой, видимо, знали и с которой считались. Что их привело сюда? Законы гостеприимства по отношению к землянам, желание показать им все любопытное в городе? Вряд ли, решил Капитан. Космонавты еще не видели здесь альтруистов, да и земляне для высших кланов Аоры — только вольные, необученные человечки с ничтожным запасом драгоценной здесь информации. Нет, скорее именно страх и был той веревочкой, которая тянула сюда сверхлюдей. Волевой человек всегда стремится побороть свою слабость, и спутники землян не были исключением.

Итак, все ждали чего-то: женщины — безвольно; зрители — настороженно; сирги — уверенно. Даже позы их не изменились: те же застывшие жрецы перед богослужением. А то, что подразумевалось под ним, уже началось.

Дымка вокруг женщин стала более определенной — стеклянная колба или пластмассовый мешок. Он медленно рос, раздувался, стенки его поползли в стороны, и женщины потянулись за ними, скорее поплыли, лишенные всякой опоры. «Цирк!» — шепнул Малыш, подтолкнув Капитана. Но тот строго взглянул на него: не болтай глупостей, если не понимаешь. А понять происходившее было трудно. Женщины, прекратив полет, замерли, остановленные чем-то у барьера невидимой арены, и вдруг словно сломалось что-то в окружающем их пространстве, а может быть, и само пространство переломилось надвое: стеклянный цилиндр, разрезанный по диагонали. Зрелище было настолько страшным и неправдоподобным, что Капитан на секунду закрыл глаза — бред или галлюцинация? Но то был не бред. Вместе с пространством «сломались» и женщины: нечто невидимое срезало их снизу, оставив только верхнюю половину тела, повисшую в воздухе. Нижняя бесследно испарилась, исчезла. Может быть, оптический эффект? Капитан взглянул на сидевших рядом сверхлюдей: в их завороченных глазах нельзя было прочесть ни одной мысли. Но безмолвный вопрос Капитана был «услышан».

— Они уже не живут, эти женщины. Отсюда прямо в регенерационные залы.

— Почему?

— Никто не может выдержать искривления пространства в малом объеме.

Капитан даже присвистнул от удивления:

— Искривление пространства! Без гипергенераторов? Бред собачий!

Собак на Гедоне не было, и термин «собачий» гедониец не понял. Он даже поморгал глазами, задумавшись, но мысль не заблокировал.

— Бред — это понятно. Но не верно. Спустись вниз и проверь, если не боишься.

— А чего ж тут бояться? Я с краешка.

И шагнул к ребру крыши. Малыш рванулся было за ним, но Капитан остановил его:

— Останься, герой. Поможешь, если понадобится.

Он уже был внизу и шел по краю, стараясь держаться поближе к стенке туннеля и подальше от прозрачной пленки гиперполя, в которой виднелись теперь только женские головы. Никакой жалости к обреченным он не чувствовал. Если бы его спросили: почему такая жестокость? — он бы удивился вопросу. Бессознательно, но твердо он уже давно пришел к выводу, что не считает гедонийцев людьми. Людьми не в биологическом, а в нравственном аспекте. Но мысль эта еще не оформилась, не обрела желанную плоть, и пока оставалось лишь странное безразличие, словно заимствованное у Стойкого и его соплеменников.

Сейчас его скорее занимала техническая сторона проблемы: гиперполе, созданное сиргами неизвестно как, неизвестно чем. Ясно было немного: искривление пространства в малом объеме требовало колоссального количества энергии. Какой и откуда, тоже неизвестно. Может быть, ее получали откуда-то извне, из управляемого источника? Сиргов четверо; значит, у гиперполя четыре опоры. Интересно, что будет, если одну убрать?

Капитан неслышно подошел сзади к одному из сиргов и присел тоже на корточки. «Почему их считают неуловимыми? — подумал он. — Подходи и бери голыми руками».

И вдруг «услышал» чужую беззвучную мысль:

— Не советую. Можешь сидеть сзади, но не мешай.

Капитана даже шатнуло от неожиданности: он же блокировал мысль.

— Блокировка для меня не преграда, — вновь «услышал» он, — еще раз предупреждаю: не мешай, а то будет плохо. Кончится опыт — отвечу на все вопросы.

— Это опыт?

— Конечно.

— Люди в роли подопытных кроликов.

— Я не знаю, что значит «кролик», но это не люди.

— А кто?

— Ведьмы. Смертницы. Их все равно ждут в регенерационных залах.

— Почему?

— Они не набрали необходимой информационной нормы.

— Но почему «ведьмы»?

— Не мешай.

Капитан думал: откуда здесь ведьмы? Почему смысл, который вкладывают в это понятие гедонийцы, приобретает в земном сознании именно такое звучание? Ведьма — образ нечистой силы в христианской религии, может быть просто образ злой, недостойной человеческого общества женщины. Может быть, именно так и понимают его гедонийцы? «Смешно. Мы хотим за сутки узнать этот мир, а его и за год не узнаешь, не откроешь всех тайн, на которых он выстроен. Даже не технических — они либо постигаются, либо нет, в зависимости от уровня земных знаний, а тайн социальных, которые мы самодовольно и за тайны-то не считаем: мол, всё на ладони, бери, узнавай. А тут ладонь в кулак сжимается, не разогнешь пальцы, даже если хозяева сами руки протягивают».

Пока Капитан раздумывал, случилось нечто непредвиденное. Спутник Стойкого прыгнул вниз. Сделал это он отнюдь не из жалости и сочувствия к обреченным и не из страха перед происходившим перед ними на площади. Таких эмоций, как жалость или сочувствие, гедонийцы вообще не знали, а боялись только за себя, за свою свободу потреблять неограниченно и без помех. Но сирги не угрожали зрителям — ни сверхлюдям, ни их гостям. Так почему же товарищ Стойкого схватился за электронный нож? Взыграла самоуверенность или просто появилось желание испытать свою силу в схватке с достойным соперником?

Метко брошенный нож даже не успел долететь до сирга. Прозрачная пленка гиперполя растянулась, молниеносно рванулась вверх, прогнулась, как батут под ударом тела, вытянулась, изогнулась, завернув его словно в кокон, и вернулась назад — к «опоре»-сиргу, но уже пустая. Тело гедонийца бесследно исчезло.

— Где он? — Капитан схватил сирга за плечо.

— Убери руку, не торопись: опыт сейчас закончится. А где тот, не знаю. Где-нибудь далеко.

— Жив?

— Нет, конечно. Человек не может вынести ударов гиперполя.

Капитан взглянул наверх. Стойкого уже не было, а Малыш сидел на крыше свесив ноги, как мальчишка на мосту через реку, только удочки в руках не хватало.

— Где Стойкий? — крикнул Капитан.

— Ушел. Даже адресок не оставил.

«Адреса здесь не оставляют, — скривился Капитан, — в гости не ходят — не принято. Встретились, разошлись и — вся любовь. С кем мы здесь познакомились, даже имен не знаем. Случайные попутчики в случайном мире. Ни жалости друг к другу, ни желания помочь. Старая, обветшавшая догма — «каждый умирает в одиночку». И никому нет дела до этих «одинок». Одним больше, одним меньше — кто считает».

Он не успел додумать: сирги кончили опыт. Гиперполе исчезло. Исчезли и женщины, переброшенные через нуль-проход в залы регенерации. Сирг поднялся и жестом подозвал своих сообщников. Те подошли и устались на Капитана неподвижными ледышками глаз.

«Рыбы, — подумал Капитан, — холоднокровные, хищные. Акулы Аоры».

— Что смотрите? — грубо спросил он. — Не видали таких?

— Не видали, — послал ответ сирг. — Только слышали.

— А что именно? — поинтересовался спустившийся вниз Малыш.

— Вы чужие в Аоре, но вас нельзя трогать. Это приказ Учителя.

— Кто знает о приказе?

— Только мы, сирги.

— А все остальные?

— Зачем им знать? Они не смогут повредить вам. Вы сильнее.

— Вы знаете, откуда мы?

— Извне. Уйдете, когда наскучит.

— Что?

— Аора. Вы пришли узнать город, но не можете разобратся даже в мелочах. Это естественно. Никто не поймет системы, не зная принципа, на котором она построена.

— Вы знаете принцип?

— Нет.

— Но можно все-таки объяснить мелочи.

— Для этого у вас слишком мало времени. До ночного цикла.

— Не понимаем.

— Скоро стемнеет. Ночью город спит и никто не выходит на улицу.

— Почему?

— Не знаем. Так было всегда.

Они исчезли неожиданно и сразу — все четверо. Малыш даже поежился. Он все еще не мог привыкнуть к мистическому способу передвижения в Аоре: стоял человек, разговаривал и вдруг моргнешь — и нет его, испарился.

— Что будем делать?

— Пойдем к вездеходу, — предложил Капитан, — экспедиция, полагаю, закончена.

— А результат? Ноль?

— Что ж поделаешь? Не хватает у нас умишка разобратся в этой машине.

— Почему машине?

— А что это, по-твоему? Механизм, точный и безотказный. Завели его, и он действует — крутится, лязгает, даже смазки не требует.

— Вечный двигатель?

— По замыслу Учителя — вечный. Только ты еще со школы знаешь, что вечных не бывает. Остановится когда-нибудь.

— Интересно, из-за чего?

— Спроси полегче что-нибудь. — Капитан нахмурился. — Смотри, темнеет. Поспешим.

— Темноты боишься?

— Боюсь. Мало ли что происходит здесь ночью.

Они пошли по звонкому пластику голубой площадки, думая каждый о своем. Капитан, недовольный их неудачным походом, молчал, не глядя на товарища. Малыш порой откашливался, словно хотел что-то сказать и не решился.

— Как все-таки недалеко человек, — сердито проворчал Капитан. — Венец творения, хозяин жизни, а ткни его в непонятное — и застрял на месте: нидохнуть, ни сдвинуться.

— Все философствуешь, — скептически заметил Ма-

лыш,— а философия твоя от беспомощности. Действовать надо, а не рассуждать.

— Так что ж ты не действуешь, гигант мысли?

— Суетиться, пожалуй, не стоит, а мыслишка одна есть.

Капитан насторожился: он слишком хорошо знал товарища, его склонность к безрассудным действиям, о которых часто потом и сам жалел.

— Что придумал? — спросил он строго.

Малыш замялся:

— Ничего я не придумал. Домой пора. Баиньки.

Вездеход по-прежнему стоял на окраине, там, где его оставили, окруженный мутноватой пленкой силовой защиты. Капитан повернул браслет на руке, и пленка исчезла в густеющем сумраке, а колпачок антенны дрогнул и скрылся под крышей.

— Полежай,— скомандовал Капитан.

Малыш снова замялся.

— погоди,— сказал он,— я излучатель бросил, когда в драку вмешался.

— Ну и пусть валяется,— поморщился Капитан,— у нас этого добра на станции хватит.

— Нет, лучше вернуться. Я быстро. Раз-раз — и обратно.

Он пробежал несколько метров и пропал, чтобы в ту же секунду возникнуть на площади, где они со Стойким состязались в ловкости, ликвидируя бессмысленное побоище.

Глава VI

НА КОНВЕЙЕРЕ МЕРТВЫХ.

ЧТО ГРОЗИЛО МАЛЫШУ В ЗАЛАХ РЕГЕНЕРАЦИИ

Он сразу попал на место: нуль-переход снова сработал безотказно. Площадь тонула в голубой полутьме вечера — безлюдная, мертвенно-тихая. Не бежали по стенам туннелей яркие цветные абстракции, не слышно было ни криков, ни шороха шагов по крышам. А на площади под туннелем лежали вповалку безжизненные тела погибших, брошенные без присмотра на произвол

судьбы. Какая судьба их ожидала, это и хотел выяснить Малыш. «Интересно, сколько придется прождать? — беспокойно подумал он. — Пройдет четверть часа, Капитан всполошится, и моей задумке конец. А может быть, случится кое-что и раньше его прибытия. Стоило рисковать? Стоило. Кое-что узнаю, если, конечно, выживу».

Он улегся поудобнее прямо на теплый пластик покрытия, положил ладони под голову и снова задумался. Подсознательно возникло желание увидеть Капитана раньше таинственных событий, которые происходят в городе ночью. Ну, выговор, ну, пара суток ареста — и никакой опасности, даже можно утешить себя классической формулой: я-то хотел, да мне помешали. «Для трусов утешение, — вздохнул Малыш. — Раз решил, доводи до конца».

...Они появились на площади минут через пять-шесть неожиданно и обычно для Аоры — ниоткуда, из ничего. Только сейчас качалась над площадью нагретая темнота, пустая и сонная, и вдруг материализовались в ней неясные фигурки в одежде чуть светлее окружающей ночи. Малыш не мог как следует рассмотреть их: боялся выдать себя. Наконец удалось разглядеть группу не то чтобы карликов, а просто малорослых людей в коротких куртках неопределенного цвета. Несли они длинные прямоугольные рамы, похожие на земные носилки, если допустить, что на прямоугольники натянут брезент или сетка.

Малыш зажмурился и тотчас же чьи-то руки подняли его, положили на что-то мягкое, прогнувшееся под его телом, и это «что-то», мерно покачиваясь, поплыло в неизвестность.

А потом покачивание прекратилось. Носилки — или что это было? — замерли на мгновение и снова двинулись, только уже ровно и плавно, будто на пружинящей ленте конвейера. Малыш приоткрыл глаза и снова зажмурился: так резок был переход из густой темноты неосвященного города в ярко блиставшую белизну какого-то огромного зала.

Впрочем, то был не зал — скорее широкий коридор с ослепительно белыми стенами и потолком, без всякой мебели — даже не земной, гедонийской. Только голые стены и голый пол, над которым плыли без всякой опо-

ры прямоугольные рамы-носилки с уложенными на них телами подобранных на площади гедонийцев. Среди них лежал и Малыш, боясь открыть глаза, и его уносила куда-то лента кладбищенского конвейера. Куда они плыли и как плыли, Малыш не задумывался: в мире нуль-переходов и управляемого пространства антигравитация казалась пустяковой забавой.

Люди в голубых куртках — теперь их цвет был отчетливо различим — шли рядом, молча сопровождая не останавливающийся кортеж. Сейчас Малыш хорошо видел загадочных конвоиров: полутораметровые, худенькие — куда им до рослых хозяев Аоры, — черные жесткие волосы, впалые щеки с орлиным носом и бледно-голубой цвет кожи. «Что у них, кровь голубая, что ли? — подумал Малыш. — Как у осьминогов. У нас железо в крови, а у них, должно быть, медь». Впрочем, стоило ли гадать, то была совсем другая раса, непохожая на земную, хотя и гуманоидная. Шли они не переглядываясь, и Малыш, как ни напрягался, так и не мог поймать ни одной их мысли. Таких они не видели ни в Зеленем лесу, ни в Аоре. Может быть, роботы? Да нет, люди как люди. Тогда почему Учитель ничего не сказал о них? И судя по всему, даже в Аоре о них не знают.

Внезапно конвейер остановился. Истуканами встали рядом немые конвоиры. «На кой черт я ввязался в эту авантюру? — с тоской подумал Малыш. — Сидел бы сейчас на станции с ребятами... Может, сбежать?» Он тут же устыдился своей мысли. Пока еще ничего страшного не видно, да и как сбежишь, если, скажем, нуль-переход здесь не действует? В самом деле, зачем он в залах регенерации? Мертвецы куда не выпрыгнут.

Ничто так не пугает, как Непонятное, да еще обставленное с таким суровым, почти мистическим ритуалом. Не было на пути ничего, только уходил вдаль пустой коридор. И вдруг раздвинулись стены, послышался режущий ухо звук, похожий на визг электробура, и ниоткуда возникли темные ящики, точь-в-точь памятные «шкафы» в милеа. Коридор пропал, а «шкафы» стояли перед молочно-белой стеной, из которой один за другим выходили такие же низкорослые пареньки или девушки в голубых куртках. Они подошли ближе, и Малыш почувствовал, что «носилки» медленно поднимаются на попу.

Он вцепился в их длинные ребра, чтобы не упасть, а ближайший «шкаф» двинулся на него, обнажая черную пустоту за тающей дверцей. Мелькнула мысль о побеге. «Поздно!» — подавила ее последующая. Пустота уже поглотила его, зажала будто в тугом коконе, но не парализовала: двигаться было можно, хотя и с трудом. Откуда-то сверху подул ветерок, холодный, пахнувший озоном, а по телу побежали мурашки, и закололо в груди. Что-то еще туже связало тело; попытался поднять руку и не смог, только чуть пошевелил пальцами. Уже и дышать стало тяжело, а по лицу потекли липкие струйки пота: температура повышалась.

— Задохнусь,— сказал он вслух.

Но крикнуть не мог — голос перешел в хрипоту, горло саднило, язык распух. Мысли потеряли форму, растеклись, появились галлюцинации. Малыш вдруг отчетливо увидел окно со стеклами, по которым били капли кривого дождя. И сквозь пленку дождя — грозди махровой сирени в саду. Поспать бы чуток под этот стук капель!

И вдруг опять неожиданно — как всё здесь! — сознание прояснилось, мысль вновь обрела движение и ясность. «Проверяли,— подумал тотчас же Малыш,— проверяли, насколько мы действительно окочурелись; может, кто еще жив и не перекраивать его надо, а чуточку подлечить после драки. Всякое ведь бывает». И действительно, всякое: воздух вдруг посвежел, точно и не было липкой духоты и тяжести, темнота растаяла, наполнившись розоватым туманом, похожим на предзвездный где-нибудь летом на земной рыбалке. Но не успел он обрадоваться, как неизвестно откуда возникшие зажимы мягко опрокинули его на что-то плоское и жесткое — может быть, плаху, может быть, операционный стол. Сверху опустился колпак вроде парикмахерского фена,дохнул на Малыша горячим воздухом, и по телу словно ток пробежал.

Дернул руки — зажаты по-прежнему, выругался и стал ждать: заварил кашу — не жалуйся. Ждать пришлось не долго. Из тумана вышли двое в голубых куртках. Ближайший протянул черную воронку, от которой уходил в неизвестность длинный и гибкий, как резиновая трубка, шланг и приложил воронку ко лбу Малыша. Ко-

жа под ней стянулась, но боли не было. Второй чем-то острым разрезал ему рубаху и приложил другую воронку к груди. Воздух зашипел, в грудь кольнуло.

— Осторожней! — крикнул Малыш.

Голубокожие переглянулись и засвистели по птичьи — чик-чирик, — в глазах у них промелькнуло недоумение. Но дела не бросили, вытянули откуда-то длинную белую материю — простыню не простыню — и накрыли Малыша. «Похоронили, — подумал он, — как после неудачной операции».

Но операция только начиналась.

Сначала Малыш ничего не чувствовал. Пустота и тишина кругом, только противно стягивали кожу воронки со шлангами, да где-то негромко гудели не то моторы, не то вентиляторы — поди разберись в этой колдовской механике! Но вдруг ему почудилось, и как явственно, как отчетливо почудилось, что кто-то подслушивает его мысли. Малыш испугался и замер, пытаясь проанализировать ощущение. А неведомый подслушиватель мыслей как бы подбадривал даже: «Не бойся. Думай, думай, не помешаю».

«Галлюцинирую», — ужаснулся Малыш.

Но то была не галлюцинация. Некто или нечто действительно прослушивало сознание Малыша, словно катился в нейронной системе мозга маленький умный шарик и собирал всю информацию, накопленную инженером за три десятка лет его жизни. Всё собирал, ничем не гнушался — ни сомнениями, ни горем, ни болью, ни радостью. Малыш понимал, что это такое. Сотрут всё напрочь — знания, память, привычки, склонности — и смоделируют нового человека. Любого, только не Малыша — забияки, скептика, дружелюбного парня и отличного инженера, пойдешь поищи лучшего по всем этапам Управления космической службы.

Он рванулся со своего «операционного ложа», и зажимы не выдержали, сорвались, сдирая кожу с запястий. Рывком сел, оторвал от груди и лба дурацкие воронки, пошевелил ногами: свободны. Соскочил на пол, огляделся: не было «стола», на котором лежал, растаяли в розовой дымке воронки со шлангами, только валялась на полу смятая простыня-покрышка. Пнул ее ногой и неожиданно успокоился: сам виноват, будь осторожнее.

Посмотрел по сторонам: всюду один и тот же туман — не все ли равно, куда сунуться! — и нырнул в клубящуюся муть.

Теперь он стоял в большом зале — не то ангар, не то вокзал на каком-нибудь земном космодроме, — только вместо диванов и кресел, на которых дремлют ожидающие поездки, тянулись ряды «операционных столов», повисших, как и повсюду здесь, без всякой опоры. На каждом — безжизненное тело гедонийца, соединенное черными длинными шлангами с красной светящейся панелью под потолком. Панель мелко-мелко дрожала, и от этого шланги, присоединенные к воронкам на обнаженных телах, ритмично извивались, как змеи в террариуме. А живых людей в зале не было — только мертвецы, попавшие в перекройку. Да и тех было немного: Малыш заметил, что добрая половина «столов» пустовала. Но и те, где шла «прочистка» мозгов, вели себя не спокойно. То один, то другой выстреливали воронками, и те, качаясь, повисали в воздухе, а «столы» подымались к потолку, пропадавая в туманной мгле и снова опускались вниз, но уже пустые. Гедониец, подготовленный к дальнейшему циклу регенерации, оставался где-то наверху.

«Зрелище не из веселых, — решил Малыш, — пора менять дислокацию, все равно ни черта не понять». Он подошел к «столу», уже готовому к путешествию наверх, бесцеремонно подвинул мертвого гедонийца и уселся рядом, держась за призрачный, но твердый на ощупь край «операционного стола».

Подъем прекратился так же внезапно, как и начался. Малыш прыгнул и увидел прямо перед собой темное жерло трубы метра полтора в диаметре. Тело гедонийца, неизвестно как и чем сдвинутое, скользнуло туда, а «стол» нырнул вниз и пропал.

«Была не была, все равно другого пути нет», — решил Малыш и скользнул в трубу за гедонийцем. Несмотря на свой почти двухметровый рост, он мог, согнувшись, даже идти по трубе, перебирая руками по горячим стенкам, словно труба входила в систему центрального отопления. Сначала идти было легко, но потом труба поднялась, и пришлось ползти в гору на четвереньках. А труба, казалось, не имела конца. По-прежнему кругом плотная темнота, гасившая все звуки — даже попытка

постучать по стене оказалась беззвучной, только уклон понизился. Малыш прополз еще немного, и рука его уже не встретила никакой опоры. Сильный толчок в спину бросил его куда-то вниз, он пролетел во тьме — как долго, сам не помнил — и шлепнулся на что-то мягкое и податливое, сильно прогнувшееся под тяжестью тела и мгновенно погасившее инерцию падения.

«Спасен», — было первой мыслью, а второй — неожиданно вторгнувшийся в сознание чужой вопрос:

— Ты можешь думать?

— Могу, естественно, — автоматически ответил Малыш и тут же изумился: — А кто говорит?

— Не все ли равно кто? Спрашивай.

— Голос из тьмы, — усмехнулся Малыш, — а где ты, собственно, пребываешь? В Аоре?

— Нет, в Голубом городе. Там, откуда могу контролировать все, что происходит на этой планете.

— Понятно, — подумал вслух Малыш. — Координатор. Супермозг, созданный Учителем.

— Я не Мозг. Я регулятор.

— Машина?

— В твоём понимании — да. Двигатель жизни.

— Вечный двигатель?

— Вечность то, что не имеет конца. Все конечно в природе.

— А бессмертные циклы?

— Бессмертны пока только те, кого вы называете гедонийцами. Люди смертны.

— Значит, гедонийцы — не люди?

— В определенном смысле — нет. Если жизнь человека, твою например, представить в виде графика в двухмерных координатах, то получится кривая с пиком где-то посередине. Разогни ее вторую часть и проведи параллельно оси абсцисс — получишь график жизни гедонийца.

— Зачем это нужно?

— Что?

— Циклы. Повторения. Ты сам говоришь, что все в природе имеет конец.

— Не знаю. Это не входит в мою задачу.

— А в чем задача?

— Управлять. Регулировать. Корректировать эволю-

цию циклов, стабильность технологии, следить за уровнем.

— Каким?

— Информации.

— Добытой в драке или в потугах воображения, в скотских играх или необузданных прихотях?

— Ты прав. Информация везде. Все, о чем ты думаешь и что делаешь, несет в себе информацию.

— Но она может быть полезной или ненужной.

— Не знаю такого деления. Она бывает полной или неполной.

— Из какого же расчета у вас выводится норма полноты информации?

— Критерий общий: нагрузка на мозг.

— А тех, кто не набрал нормы, в котел?

— В залы регенерации. Вполне естественный процесс. Разве не удаляется в механизме любая деталь, которая плохо работает?

— Одно дело — механизм, другое — люди.

— Для меня это идентично. Я машина. Общество тоже машина, только менее совершенная.

— Ваше — да. Зачем столько каст, или кланов, или как они у вас называются? Сирги, ксоры, сверхлюди — зачем?

— Не могу сомневаться в разумности программы, координирующей мою деятельность на этой планете. Могу только объяснить вам непонятное.

— Почему магам позволено издеваться над вольными?

— Они повышают коэффициент накопленной информации.

— А сверхлюди?

— Еще более высокий коэффициент. Звериная реакция — пойми меня правильно: зверей у нас нет, я употребляю этот термин, потому что он наиболее точно передает знакомое вам понятие, — добавь к этому скорость мышления, умение принимать самое верное, единственно нужное решение, повышенное чувство пространства.

— Ну, а сирги — это тоже «чувство пространства»?

— Сирги — особая каста. Их мало, и роль их значительна. Если определить точнее, это мои дистанционные датчики, скажем, глаза и уши. Потому им и дано вели-

кое умение управлять пространством. Пространство — это злая и добрая сила. Ты видел, как оно действует.

— Убивает.

— Лишь тех, кто из-за лени или равнодушия не набрал необходимой информационной нормы. Не набрал — значит, следует перестроить мозг, сменить касту. Требуется, ты бы сказал, лечение.

— Варварское лечение.

— Ты имеешь в виду сиргов? Искривление пространства — это гуманно.

— Откуда они знают, кого перекраивать?

— Я отдаю приказ. Он безукоризненно точен.

— Хороша точность! Я сам чуть было не попал на «операционный стол».

— Я все время следил за тобой. Не мешал, потому что это запрограммировано. Помогать вам узнать и понять стабильность.

— Поймешь ее черта с два, когда я даже не знаю, где нахожусь и что будет дальше.

— Сейчас узнаешь. Не бойся.

Чужой голос в сознании умолк, в растаявшей темноте высветлился зал с длинным рядом кресел, похожих на парикмахерские.

В каждом полулежал раздетый донага гедониец, соединенный таким же парикмахерским «колпаком» с экраном, по которому бежали цветные линии, то кривые, то вытянутые, зигзагообразные и волнистые. Часто их пересекали искры, как желтые молнии. У экранов суетились те же полутораметровые человечки в голубых курточках и темных трико.

— Механическая прочистка мозгов, — подумал вслух Малыш и вздрогнул.

— Она тебя тоже ждет, — сказал кто-то сзади. — Подожди, когда вернемся на базу.

Даже не обернувшись, он уже знал, что Капитан в конце концов все-таки нашел его. Это так обрадовало, что Малыш не смутился ничуть.

— Как ты нашел меня? — воскликнул он, обнимая товарища.

— Не стоило бы объяснять, — сердито сказал Капитан. — Я же тебя, дурака, знаю. Сразу сообразил, что ты затеял. А как твой излучатель в кабине нашел, бросился

назад не задумываясь. Еле-еле к разбору покойников подоспел.

— А дальше?

— Что — дальше? Через зал со «столами», через трубу — и сюда.

— Голос слышал?

— Никаких голосов. Все они немые. А что?

— Ничего. Расскажу после. Давай к выходу.

— А где он, этот выход?

— Найдем.

Они прошли мимо экранов и кресел с покойниками, подлежащими воскрешению, как по конвейеру плывущих в мглистую даль, только медленными скачками. Голубокожие у экранов их даже не замечали, словно двигались мимо не люди, а невидимки. Так в роли невидимок они добрались до последнего кресла, пристроились рядом и, по-прежнему незамеченные, мгновенно очутились среди бела дня на детской площадке в Зеленем лесу. Голые гедонийцы барахтались в невесомости и сосали жижицу из знакомых дудочек.

— Н-да,— крикнул Малыш,— а как вездеход найдем? Он же в Аоре.

— Забыл о телепортации?

Она, как всегда здесь, не подвела. Минуту спустя они уже снимали защитный колпак с вездехода.

— Значит, домой?— осведомился Малыш.— Погуляли и будет?

— Будет,— согласился Капитан.— Будет тебе белка, будет и свисток. Гауптвахту гарантирую.

— Простишь.

— За что?

— А я тут кое с кем познакомился, узнал кое-что.

И Малыш почти дословно пересказал Капитану свой разговор с Голосом из темноты.

— Кто это был?

Малыш только плечами пожал.

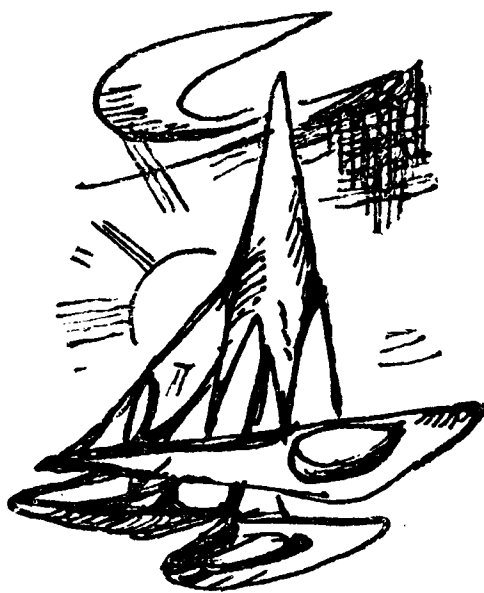
— Координатор?

— Не знаю. Во всяком случае, он признался в том, что он не человек, а машина. Да и не в этом суть, а в том, что у нас теперь уже есть материалац для заключительной встречи с Учителем.

— Материалец действительно есть,— согласился Библ, когда они с Аликом выслушали рассказ о приключениях друзей в Аоре,— только боюсь, что в ящике Пандоры еще много неразгаданных тайн.

— Одна уже разгадана,— заметил Алик, скептически разглядывая костюм Малыша,— обладатель такого костюма вернется на Землю несомненным законодателем мужской моды.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Часть третья

ГОЛУБОЕ СОЛНЦЕ

Глава I

КАПИТАН СЕРДИТСЯ. ЕЩЕ ОДИН «СЕЗАМ»

Они остановились в двадцати метрах от города, как раз там, где отблески голубого солнца лежали плотнее и гуще. Запыленная чернота под ними показалась запекшейся кровью.

— Здесь и расстанемся,— сказал Капитан,— надеюсь, что ненадолго.

— Если к утру не явитесь, мы с Аликом выезжаем на вездеходе,— буркнул Малыш.

— Не паникуй.

— А если мне вся эта затея не нравится. Почему без вездехода? Машина — не помеха. Хочешь — авто, хочешь — крепость.

— Авто не пройдет, а крепость не понадобится.

— Веришь Учителю?

— Верю.

— Тогда пусть первым проходит Библ. Ты не имеешь права рисковать жизнью.

— Согласен,— сказал Библ.

— Давайте, я рискну,— вмешался Алик. Вмешался без всякой надежды, что его послушают.

— Помолчим,— предложил Малыш.

Помолчали, все еще не решаясь расстаться. В глубине души все, кроме Капитана, соглашались с Малышом: вездеход не помеха. И в упрямстве Капитана, настаивавшего на пешеходной прогулке, был неоправданный риск.

Но Капитан улыбался.

— Мы уже перешли границу,— сказал он, кивнув на яркие блики на черном стекле пустыни.— И все живы.

— Пока живы,— вздохнул Малыш.— Пошли, Алик. Мы не прощаемся.

«Играем,— подумал Капитан.— Все человеки, всем страшно. А вездеход все-таки следовало оставить дома. За доверие надо платить доверием». Он еще раз оглядел надвинувшуюся панораму города. Вблизи она превращалась в совсем уже непонятный хаос геометрических сочетаний и форм. Ничто не замутняло его — ни туман, ни пыльные вихри. В стерилизованной чистоте воздуха все казалось еще диковиннее, чем издали. В первый раз Капитан увидел это, когда Док, шатаясь, подошел к своему выпуклому окну. Тогда в лучах такого же голубого солнца среди черной пустыни повис цветной мираж города, который только ребенок мог назвать городом, нагромоздив его из хаоса раскрашенных шаров и кирпичиков. «Цветная дичь,— сказал тогда Док.— Город другого мира, может быть, другого измерения, и все-таки город».

Второй раз город открылся сегодня утром через день после возвращения их из Аоры. А день был нервозный и суматошный. До обеда отсыпались, возмещающая усталость

бессонной ночи, потом несколько часов рассказывали и спорили, сочиняя донесение на Землю о загадках Гедоны, и снова до ночи размышляли о них и спорили. Гипотезы возникали и отбрасывались, как ответы на вопросы кроссворда. Вымершее животное Юрского периода. Динозавр? Не подходит. Мало букв. Птеродактиль? Много букв. Остаток пищи. Какой пищи? Первого или второго? Скорлупа от яйца? Не лезет. Гуща от супа? Букв не хватает.

А разве их пребывание на Гедоне не оборачивалось таким же безнадежным кроссвордом? Какой строй на Гедоне? Просвещенный абсолютизм? Мозг — король, Координатор — правитель? Или диктатура? Чья? Технократической элиты какой-нибудь? Так техники нет. Ни одного аппарата. Ни кнопок, ни выключателей. Анархия? Похоже. Только государственный порядок все-таки есть. Не в Аоре, а где-то рядышком. Да и в Аоре все, как солдатики, подчиняются тестам — потреблять потребляй, а информацию накапливай. А то в переплав, на регенерационный конвейер. Нет, не годится анархия: и буквы не те и смысл не подходит.

— А если диктатура телепатическая? — предположил Алик. — Мозг обеспечивает психовоздействие, Координатор — порядок.

— Нет, Алик, — тут же опроверг Капитан, — порядок только в регенерационных залах. Но это порядок конвейера, автоматических действий, автоматически управляемых. Человека собирают, как автомашину, по частям. Восстанавливается сердечная деятельность, потом дыхание, кровообращение, обмен веществ. Что происходит с памятью, тебе понятно. Это не порядок, а беспорядок, возвращение вспять, упущенный камень Сизифа.

— А сколько жителей в Аоре? — поинтересовался Библ.

— Около трех миллионов, если верить Учителю.

— Значит, три миллиона диктаторов. Образца для сравнений нет.

— Есть, — сказал Малыш.

Никто не понял.

— Санаторий в Дубровнике.

Капитан свистнул: остроумно! Ай да Малыш.

— А что? — удивился Алик.

— А то. Санаторий с автоматическим сервисом. Персонала нет. Ни этажных, ни коридорных. Все снабжение на компьютерах. Продикуешь на «входе», получишь на «выходе». Хочешь — ласты для подводного плавания, хочешь — бифштекс с луком. А свобода полная. Только правил не нарушай. Так ведь и в Аоре есть правила. Чудные, но есть.

Капитан умолк, заметив усмешку Библа.

— Вы забыли аппарат, Капитан.

— Какой аппарат?

— Обслуживающий. Не персонал — аппарат! За стенами ваших спален, за пультами компьютеров, за подносами автораздатчиков, за блоками регистрационных машин. А ведь это — люди! Вычислители, программисты, диспетчеры, наладчики подающих конвейеров, просто механики, ремонтники, мастера. Они не антагонисты отдыхающих. Они в одном классовом ряду. А в Аоре?

Капитан задумался.

— Не знаю.

— Но ведь они есть и в Аоре. Вы видели их в регенерационных залах. Что скажете?

— Точны, ритмичны, — Капитан загибал пальцы, — вымуштрованы.

— Кем?

— И этого не знаю.

— Может быть, все-таки роботы?

— Не думаю. Есть в них, несмотря на автоматизм, что-то неумовимо человеческое.

— А если так, то в каких классовых рядах они с аорийцами? Экспериментаторы и подопытные кролики, как полагает Алик, или хозяева и слуги? Люди разных биологических видов, разных цивилизаций или просто двух классов — угнетающего и угнетенного? Антагонисты или союзники, друзья или враги?

Снова задумался Капитан.

— Бездельники и работяги, — сказал Малыш. — Только это и ясно. Остальное туман.

— А может, цивилизации равноправны? — предположил Библ.

— Учитель говорил только об одной — потребляющей, — вспомнил Капитан и нахмурился. — А не отставить ли нам гадания? Несколько неизвестных в уравне-

нии еще не найдено. Так завтра с утра и начнем. С Голубого города, или Нирваны, смотря что откроется.

Открылся город.

Алик возвестил об этом, ворвавшись в комнату с электробритвой в руках. Палило нормальное рыжее солнце, но голубое уже догоняло его, обходя синее. Каждое утро очередность их восхода менялась, но до сих пор Капитан так и не удосужился вычислить их орбиты. Да и сейчас его интересовало другое.

Памятная картина, открывшаяся из этого же окна в первый день их появления на станции. Фантоматика знакомых и незнакомых геометрических тел, сплюснутых, вытянутых, перекошенных и промятых. Все это пестрило, переливаясь всеми цветами спектра, где-то застывало, обнажая бесформенность и уродство, где-то двигалось, извиваясь и мутнея. Когда глаз привыкал, бесформенность и бессмысленность уже не раздражали, а притягивали, в непонятных изломах и перекосах появлялась своя архитектурная мелодия, и уже нельзя было оторвать глаз. На этот раз мираж был ближе, не более полукилометра отделяло его от окна, и он не дрожал и не таял. Трудно было назвать его городом, но Док не ошибся: город! Чужой, неземной, даже не сказочный, но именно своим неправдоподобием перехватывающий у вас дыхание.

— Вездеход готовить?— спросил Малыш.

— Зачем? Два шага отсюда. Пешком дойдем.

— А энергозаслон?

— Снят. Это не обычная связка, а сближение фаз.

Отказался Капитан и от земного оружия. Взяли только «хлысты» и парализаторы. Малыш мрачнел. Ему очень хотелось пойти вместо Библа, но очередь соблюдалась строго. Соблюдался и порядок: двое в походе, двое на станции. Да и не было оснований тревожиться. Лишь собственная неосторожность, лихачество и непродуманность ситуации могли привлечь непредвиденную опасность. Любое осложнение в походе можно и должно было предвидеть.

Расставшись с товарищами, Капитан и Библ шли молча, не отрывая глаз от неправдоподобного города. Он подымался высоко, но ничто не говорило об этажности. Только на разных уровнях — их было довольно

много: Библ на глазок сосчитал более шестнадцати и бросил — город пересекали плоскости, связанные, в свою очередь, с передвижением каких-то неопределенных механических форм. Впечатление неопределенности вызывалось или смутностью контуров, или быстротой движения. Иногда плоскости искривлялись, образуя подобие стадионов, пересеченных зигзагами телевизионных башен или порталных кранов со стрелами, излучающими что-то вроде неоновое свечения. Все это напоминало скорее не город, а завод неопределенного назначения и фантастической технологии. Можно было угадать даже цеха со световыми табло и переплетающейся проводкой, гигантские пульта еще более гигантских счетно-вычислительных конструкций, веера труб с сетчатыми покрытиями, мчащиеся вертикально и наискось огромные подобия лифтов и странные спиралевидные ленты всех цветов, пронзающие насквозь вся и всё. Только одного нельзя было найти в этой псевдоиндустриальной сумятице — домов, жилищ, этажей, окон, хотя и они иногда вычерчивались пучками молний по мутно-голубому фону неба или игрой цветных пятен на вертикальных секущих плоскостях. Голубоватая серость, замутненный ультрамарин, десятки оттенков разведенного индиго блуждали где-то в высях, отдав все остальные краски нижним уровням города. В его неподвижных и мятущихся формах даже пристально наблюдающий глаз не обнаружил бы естественного цвета дерева или металла. Нигде не мелькнул бы мореный дуб, не сверкнула бы сталь, не засеребрился бы алюминий. Пристрастие Гедоны к яркой окрашенности сказалось и здесь: все переливалось и сверкало, как стеклышки в детском калейдоскопе. Только что синяя труба протянулась на десятиметровой высоте, выбрасывая разноцветные, хитро согнутые плоскости, как вдруг на ее месте распух оранжевый шар, покрылся лиловыми пятнами, съежился пучком стрел, ударивших в черную стену, стрелы рассыпались искрами, искры сверкнули звездами, а звезды снова слиплись в оранжевый шар, постепенно сузившийся до синей трубы. Моментами казалось, что эта движущаяся геометрия города не имеет материальных границ, а вычерчена только светом и цветом, и даже вблизи невозможно было разобрать, что рождается в

этих заколдованных призрачных цехах — вещи-фантомы или их причудливо окрашенные тени.

Капитан и Библ молча, не сговариваясь, уже несколько минут стояли почти у самой границы города, если можно было назвать границей то стенку, то лестницу, то пестро окрашенную сеть, то пучки копий, похожих на фиберглассовые шесты, испускающие наверху зеленые искры. Но не думалось ни об искрах, ни о шестах, ни о чем-либо другом в этом дьявольском карнавале красок и форм. Думалось о хозяевах города, с которыми вот-вот придется столкнуться на разноцветных, чаще всего бело-розовых, спиралевидных лентах, оказавшихся вблизи эскалаторами — не то движущимися улицами, не то мобильными проходами в заводских цехах или подвижными подножками гигантских машинных пультов. Эти «улицы», вероятно, и видели Малыш с Аликом, промчавшись на вездеходе сквозь разреженную материю города, приняв пульты за «дома», а плоскости за «вокзалы».

Капитан и Библ оказались в лучшем положении: они могли наблюдать и «улицы» и людей близко и с неподвижной точки.

Люди были такие же, каких Капитан видел в регенерационных залах Аоры, в серо-голубых трико и в чуть поярче голубых курточках — точь-в-точь походные комбинезоны туристов или космолетчиков. Поражал непривычно голубой цвет их кожи, у одних бледнее, у других ярче или мутнее, вроде розоватых или кремово-желтых оттенков кожи у земного белого человека. Они чем-то напоминали североамериканских индейцев, только более миниатюрных и не краснокожих. Они сидели, стояли, передвигались, уплывали на эскалаторах, но нигде группами, только в одиночку, ни вдвоем, ни втроем. Эту некоммуникабельность их Капитан уже знал по регенерационным залам. Они не общались ни телепатически, ни словесно — это проверено. Может быть, работа не требовала общения; может быть, общение исключалось во время работы; может быть, отключались телепатические способности; может быть, их просто не было.

— А как мы с ними разговаривать будем? — вдруг спросил Библ.

Капитан вздрогнул: оба думали об одном и том же.

— Не знаю,— неуверенно протянул он.— Должен же быть какой-нибудь способ.

— Вы, кажется, уже пробовали.

— Возможно, общение исключалось только в регенерационных залах. Я не верю в некоммуникабельность общества. Даже глухонемые обучаются.

— А вдруг они тоже глухонемые? Не исключено, между прочим.

Капитан пожал плечами.

— Тем легче найти способ общения.

— А если роботы?

— Не верю.

— Я имею в виду биороботов. Выращенных в колбах по соответствующим эталонам. Почему нет? На Земле давно додумались, только отказались за ненадобностью. А здесь надобность прямая и непосредственная.

Капитан не понял: почему прямая, почему непосредственная?

— А сравнение с санаторием помните? Где ваш закусисный аппарат обслуживания? Где супермеханики, синтезаторы, телекинетчики, диспетчеры пространственных связей? Здесь, Капитан.

— Но почему роботы?

— А кто безотказней молчаливых и покорных китов может поддерживать ваш потребительский рай?

— Нет, не думаю,— не согласился Капитан.— Рай рассчитан на сроки, близкие к вечности, а спины у китов могут ослабнуть и прогнуться. Ангелы не соприкасаются с обслуживающим персоналом, да и для управления всей этой недоступной им техникой требуется интеллект более могучий, чем ангельский. Мозг не рассеивает своего интеллекта, а Координатор только супермашина. Но как бы ни была совершенна машина, всегда, особенно в пределах, близких к вечности, могут возникнуть ситуации, требующие решений, доступных только человеческому уму. Подумайте, Библ. Сто против одного, что мы встретим здесь людей, а не роботов.

Они подошли к эскалатору, откуда-то поворачивающему по краю черной пустыни. Ровная, без швов и скреплений лента чем-то напоминала беговую дорожку.

— Выходим на «улицу»,— усмехнулся Капитан.— Еще один «сезам».

КАК ПРОВАЛИТЬСЯ В ТАРТАРАРЫ. НЕ НАРКОЗ, А ДОПИНГ

Неширокая, как старый московский переулок, «улица» эта сразу устремилась в глубь архитектурной бесформицы. «Не говорите — архитектурной, я что-то не ощущаю материальности этой архитектуры», — шепнул Библ. Стоять было трудно: «улица» убегала из-под ног пароходной палубой в качке, а по сторонам шла мутная световая игра. Тускло, но разномастно окрашенные пучки света то выплескивались, как петергофские фонтаны, то завихрялись спиралями, концы которых под разными углами и на разных уровнях пересекали неподвижные плоскости. Неопределенная толщина их казалась тончайшим срезом пластика или металла — единственное ощущение массы в призрачной цветовой бессмыслице.

Часто в этих световых пучках возникали и люди, их темно-голубые куртки то проступали, то расплывались, когда они двигались вдоль и наперерез потокам света по своим вертикальным или горизонтальным конвейерам. Сравнить все это, сопоставить с чем бы то ни было на Земле ни Капитан, ни Библ не могли — не хватало ни образов, ни метафор. Даже художники-иллюстраторы научной фантастики не воспроизводили ничего похожего — их фантазию ограничивало человеческое воображение. А воображение, создавшее окружающую материальную среду, не было человеческим, оно породило не завод или лабораторию будущего, а дьявольскую дыбу, на которой комкалось, рвалось, сплющивалось и плавилось вещество жизни.

Их эскалаторная дорожка поравнялась с плоскостью, неподвижно без каких-либо опор повисшей на том же уровне, и Капитан, оттолкнувшись, прыгнул на ее пластиковый срез. Дорожка тотчас же подпрыгнула, словно уровень ее зависел от тяжести человеческого тела, и плоскость с Капитаном ушла вниз, в воздушную яму. Библ, не задумываясь, последовал за Капитаном, но ему уже пришлось прыгать с двухметровой высоты, чтобы не потерять товарища в пучинах живой взбесившейся геометрии.

Стоять было трудно: «улица» убегала из-под ног...

— А если б я не прыгнул?— спросил он.

— Я бы стащил за ногу.

— Не успели бы.

— Научимся.

И Капитан, не предупреждая, снова перемахнул на поравнявшуюся с ними дорожку. Она тут же провалилась вниз, и Библу уже пришлось вытягивать Капитана из движущейся глубины. Плоскость держала крепко, как утес над пропастью, куда убегала белой спиралью оставленная Капитаном дорожка.

— Придется выучиться,— сказал он жестко,— мы с вами, Библ, как дети в сказочном замке.

— Только замки из камня строились, а этот?

— Из квантов, фотонов и электронов — из чего же еще? Материал, в общем, не новый. Поглядим — разберемся.

Библ оглянулся. Сначала бегло, мимолетно, как впервые знакомятся с обстановкой, потом еще раз пристально, внимательно, выделяя в ней вещественное, как говорят физики, обладающее массой. В той игре цвета и света, которой так хитро занимались хозяева этого мира, проступали и неподвижные конструкции разной формы и, видимо, различного назначения. Одни из них, наиболее приметные, тянулись вверх ажурными башнями. Вместо стрел они выпускали потоки многоцветного жидкого или газообразного вещества, в котором проглядывались пляшущие, завихряющиеся штуковины странной формы, явно порожденные выдумкой специалиста по топологии. Они то вытягивались, то съеживались, то сливались с соседними, похожими на пятна от расплывающейся в воде марганцовки или сброшенных с авто ручки чернил. Ниже эти мачты смыкались с экранами вроде телевизорных общественного пользования — этак метров шесть в поперечнике, равномерно вспыхивавшими и угасавшими. И в этих вспышках струилась та же цветная газообразная вязь, иногда застывая на мгновение знакомыми пятнами,— не то борт цветной рубахи гедонийца из Аоры, не то тень кувшина или чаши.

В этой игре полностью отсутствовал звук. Даже люди в голубых куртках, скользившие в ней по прямым и волнистым диагоналям, тоже двигались совершенно бесшумно, как жрецы диковинного бога, занимавшиеся

прозаической уборкой храма во время отсутствия молящихся. Тишина сковывала губы, настораживая мысль. Зачем все это? Для чего? Какая техника управляет этой бессмыслицей и какая наука создает и питает эту технику? И может ли земной человек понять что-нибудь в ней, найти какую-нибудь логическую, техническую или смысловую закономерность?

— Попытаюсь,— подумал вслух Библ, отвечая на немой свой вопрос.

— Что?— спросил Капитан.

— Объяснить это. Как думаете, Кэп, где мы находимся?

Капитан беспомощно развел руками.

— В синтезаторе. Эти мерцающие диски на мачтах — уловители желаний. Цветная сумятица — потоки первичной материи жизни. Световые экраны — табло материализаторов. Именно там и оформляются мысленные заказы из миров зеленого и синего солнц. Снопы и спирали — реагенты телекинеза.

— А люди?

— Технический аппарат. Контролеры, механики, диспетчеры управляемых процессов, телекинетчики.

Капитан задумался.

— Потоки первичной материи жизни. Как это понимать?

— Несвязанные молекулы, из которых можно создавать любые вещественные структуры, органические и кристаллические.

— Где?

— Я уже говорил: в материализаторах — свободных емкостях, ограниченных только силовыми полями.

— А зачем их раскрашивать?

— Вероятно, двигатели и движители управляемых процессов реагируют на цвет.

Капитан с любопытством взглянул на Библа, словно тот был деталью этого мира.

— Я где-то читал,— сказал он,— что в каждом человеке живет поэт. Поэт умирает, человек продолжает жить. У вас аномалия: поэт выжил.

— А гипотеза классная,— засмеялся Библ и оглянулся еще раз, словно хотел проверить придуманное.

И шагнул назад, не заметив, что стоит на краю плоскости: скользившая рядом дорожка обманывала. Шагнул и провалился вниз вместе с дорожкой. Не устоял, поскользнулся и тут же вскочил.

— Давай!— крикнул Капитан, протягивая руку.

Но подхватить ее Библ не успел. Дорожка уже вырвалась вперед метра на полтора. Капитан побежал по неподвижному краю плоскости, рассчитывая догнать товарища, но дорожка вдруг вильнула вправо, исчезнув за срезом уровня. Не раздумывая, Капитан прыгнул вниз на ползущую ленту, но она почему-то спружинила, как батут, и швырнула его на срез другой плоскости. Капитан подумал, что это прежняя, и рванулся по краю за убегавшей дорожкой, но тут же остановился. «Пейзаж» был другой, столь же бессмысленно скомпонованный и раскрашенный, но конструктивно иной. Сообразив, Капитан снова прыгнул на эскалаторную «улицу», она опять спружинила, однако он устоял, удержавшись на четвереньках. Да и дорожка была не прежней, шире и темнее, почти в цвет осеннего, запорошенного желтой листвой проселка. Прежняя бледно-розовая куда-то пропала, а вместе с ней и Библ.

Капитан прислушался: кто-то кричал над ним за срезами двух пересекавшихся под острым углом плоскостей — пройти по ним мог только цирковой акробат.

— Я здесь! — крикнул Капитан, но Библ не ответил — либо не услышал, либо ответ его поглотила сумятица цветных газообразных потоков.

Раскачиваясь и пружиня, дорожка нырнула в проход между встречными конвейерами голубых курток. Люди плыли навстречу вместе со световыми табло, полными завихряющейся цветной тарабарщины. Капитан толкнул одного в плечо — рука не достала куртки, отброшенная ударом невидимой, но ощутимо пружинящей силы, как туго натянутая резина. Силовое поле? Он тронул другого — пальцы встретили тот же невидимый заслон. Неужели каждый на этих конвейерах сидит под непроницаемым силовым колпаком? Вероятно, этим гарантировалась здесь точность работы, уплотненной изолированностью рабочего места.

Раздумывая, Капитан чуть не свалился с дорожки, поворачивающей на таком крутом вираже, что пришлось

шлепнуться плашмя, чтобы не вылететь на соседний плоскостной срез.

— Я под вами, Кэп,— услышал он из глубины цветного каньона, уходящего вниз.

Дорожка пересекала его, как подвижной мост, а на плоском «берегу», похожем на невыкрашенный цинковый лист, стоял, размахивая руками, Библ:

— Прыгайте!

Капитан прыгнул, но пролетел мимо, подхваченный другой дорожкой, вынырнувшей навстречу, видимо из того же каньона. Теперь ажурные конструкции обрывались вниз в той же геометрической искаженности, а мерцающие диски рассыпались в туманностях, как далекие звезды из смотрового окна космолета. Где же Библ? Он только что был внизу, но Капитан пролетел мимо, и Библ, если только он не устремился вдогонку, должен быть где-то над ним, на срезе мелькнувшей плоскости. Может быть, ее достанет эта спасительная дорожка?

— Библ!— крикнул Капитан. Голос прозвучал глухо, негромко: вероятно, звуковые волны гасли в этом переплетении плоскостей и дорожек, наползающих одна на другую, как нитки в клубке.

На стены или, вернее, на то, что можно было считать стенами, Капитан не смотрел — они тонули в цветной бесформнице. Мелькнул подсвеченный изнутри куб, за ним другой, третий, с перемещавшимися внутри фигурками по всей емкости куба. «Класт»,— вспомнил Капитан гедонийские шахматы. Кто же играет здесь? И тут же сообразил: никто. Здесь только улавливаются мысленные приказы извне, и телекинетчики передают требуемые игрой перемещения. А дорожка вдруг прыгнула вверх, и Капитан снова увидел Библа.

— Эй!— закричал он.— Сюда, Кэп!

Цинковая плоскость наплывала сверху вниз, и протянутая рука Библа помогла устоять в прыжке.

Оба вздохнули облегченно и радостно. Только сдержанность Библа помешала Капитану расцеловать товарища, но обнялись они, как влюбленные.

— Давайте подальше от края,— предложил Капитан,— только здесь я грубо, зримо, вещественно понял, что значит провалиться в тартарары.

Отойдя, оглянулись. И опять «пейзаж» удивлял по-

новому неожиданно изменившимися архитектурными формами. Никакой игры света, никакой взбесившейся цветной геометрии уже не было. Свет, падавший с мутного потолка — «неба», ровно освещал длинный-предлинный зал, как пустынную улицу, тянущуюся в тумане хмурого зимнего утра. По бокам так же вытягивались серые, как дома, «стены» с единственным рядом очень низко посаженных иллюминаторов — «окон». «Окна» вспыхивали и гасли с кажущейся необъяснимостью, а потом, как оказалось в действительности, с вполне понятной закономерностью. Мимо этих окон медленно двигалась эскалаторная лента не шире обычного тротуара в небольших переулках. На ней с равными промежутками были закреплены столики наподобие дирижерских пультов, а за каждым столиком не то на корточках, не то на едва различимом стуле сидел человек в голубой куртке. Он появлялся с другой дорожки, занимал проплывающий мимо пустой стул-невидимку и, пристроившись к очереди сидевших за столами-пультами, медленно двигался вместе с ними. Поравнявшись с освещенным окном-иллюминатором, он что-то вынимал оттуда, ставил на стол и плыл дальше мимо погасших «окон» до вновь освещенного, проделывал ту же операцию и снова повторял ее у следующего освещенного «окна», миновав добрый десяток погасших. Четвертой «оконной» операции или не было, или Библ с Капитаном ее не видели: дорожка с голубокожими уже исчезала в тумане. Аналогичная живая лента раскручивалась и с другой стороны «улицы», но в обратном направлении.

— Вы что-нибудь понимаете, Кэп? — спросил Библ.

— Какой-то вид работы.

— Это не работа.

— А что?

— Я все еще думаю. Что-то проясняется.

Что прояснилось, Капитан узнал по крайней мере минуту спустя.

— Это обед, или завтрак, или что-нибудь в этом роде, — сказал Библ.

— Из окон?

— Конечно, «окна» и есть окна. Раздаточные автоматы. Свет — значит, блюдо готово. Человек забирает его и ест, проезжая мимо погасших окон. Они освещаются

уже для следующих за ним клиентов, а затем снова гаснут, пока автомат не подаст второго блюда. Блюд, по видимому, три или четыре, судя по виденным нами операциям. Мы в их столовой, Кэп.

Капитан недоверчиво пожевал губами.

— Боюсь, что это только гипотеза.

— Давайте проверим.

Устремившись к устью дорожки, вползавшей в зал, и опередив не спешивших голубокожих, оба тут же захватили два пустых стула-невидимки у пластмассовых пультов. Первое же окно оправдало предположение Библа: в его освещенной емкости без видимой опоры висел прозрачный горшочек с темно-зеленой массой. Не раздумывая Капитан подхватил его. Окно тотчас же погасло, а следующее уже осветилось для Библа, повторившего ту же процедуру. Зеленая масса оказалась густым желе с воткнутой в него широкой лопаточкой. На ложку она не походила, но служила, вероятно, для той же цели.

— Попробовали, Кэп?

— Чуть-чуть на язык. Не так плохо. Что-то вроде киселя из крыжовника.

Непредусмотренное вторжение землян переполоха не вызвало. Их даже не заметили. «Обед» продолжался с автоматической точностью. Следующее окно одарило горшочком с коричневой массой: точь-в-точь хорошо выпаренная фасоль по-грузински, только без специй. В третьем окне получили совершенно безвкусные шарики, таявшие во рту как мороженое. И, наконец, что-то жидкое, напоминавшее кока-колу. Затем в блаженном состоянии сытости Капитан и Библ поплыли уже за пустыми пультами — посуда сразу куда-то исчезла, даже не звякнув. Окон уже не было, но стулья покачивало, как в гамаке. Мозг отупел, не рождая ни одной мысли. Сколько минут и секунд продолжалась эта гамма пищеварения, никто не знал, только окончилась она прозаично и даже неуважительно: «стулья» подскочили и, спружинив, выбросили обоих землян на пол другого зала. Голубые куртки впереди тотчас же бросились на пересекающие дорожки и скрылись за срезами плоскости. То же самое проделали и другие, следовавшие за Капитаном и Библом. Никто ни к кому не обращался, не обменялся ни словом, ни взглядом — полная неком-

муникабельность,— и никто не остался в зале, кроме Капитана и Библа.

Собственно, это был не зал, а перекресток движущихся «улиц»-дорог, расходившихся в трех измерениях. Фактически они не перекрещивались, а пробегали одна над другой на разных уровнях не ниже человеческого роста, так, что под ними можно было пройти.

— А куда?— спросил Капитан, сжимая кулаки.— Бодрость чертова, а деваться некуда.

— Откуда бодрость, вы подумали, Кэп?— откликнулся Библ.— Нас порядком потрепало, как в центрифуге. А только что на стульчиках мы чуть не заснули. Хотите, я вам скажу, откуда? От еды.

— Химия,— отмахнулся Капитан.— Я бы шашлычок предпочел. По-карски.

— Не говорите. Первое блюдо — желе — вызывает острое чувство голода. «Фасоль» гасит его, заполняя балластом желудок. Тающие шарики рожают блаженную сытость, а «кока-кола» — дремоту. Затем нам дают стулом по заду и выбрасывают на дорожку — станки и пульты ждут не дождутся. А мы и рады — горы своротить можем. Хорошо продуманный обед.

— Одного не понимаю,— все еще недоумевал Капитан,— почему здесь и в Аоре кормят по-разному. И устройство кормежек различно, и меню непохоже. Смысл же один — еда. Стимулятор к действию.

— Технология другая,— предположил Библ,— здешние лепо — или как их тут называют?— просто столовки, а в Аоре плюс объект накопления инединиц. Здесь — элементарная механическая подача пищи, там — царство телекинеза и выдумки. И стимуляторы разные. Там — к действию иррациональному и бессмысленному, нечто вроде наркоза, здесь — к разумному и направленному, если хотите, допинг.

— А пол трясется,— заметил вдруг Капитан.

— Да, вибрация. Нас толкает куда-то.

— Опять?— поморщился Капитан.— Надоело мне это царство глухонемых. Хоть бы один нас заметил.

— Оглянитесь,— сказал Библ.

Мигающие цветные плоскости суживались, образуя темный проем. В центре его стоял человек в голубой куртке и делал какие-то знаки.

— Похоже, нам.

— Зовет, должно быть.

Подошли. Человек, скорее человечек, едва ли выше полутора метров, приложил руки к сердцу — жест, понятный всем гуманоидам. Капитан и Библ сделали то же самое. У человечка засветились глаза, большие и выпуклые. Черный зрачок заполнял почти все пространство глаза, так что трудно было определить цвет. И во всем остальном человечек был непохож на гедонийцев. Не только складом лица с орлиным носом и небесно-голубым цветом кожи, но и ее не свежим, а каким-то мутноватым, белесым оттенком. «Живут в тюрьме без свежего воздуха», — подумал Капитан и испугался: не поймет ли. Но голубокожий и виду не показал, что он понял. Вернее, не понял, потому что всем видом своим выражал только ожидание.

— Привет, — сказал Капитан по-русски и повторил по-английски.

В ответ человечек произнес что-то не поддающееся повторению, похожее на птичий свист или клекот. И, заметив, что его не поняли, показал рукой на черный проем.

— Приглашает, — сказал Библ. — Ну как, Кэп?

— Принято.

Глава III

НА МАНЕЖЕ ЦИРКА. ЛЕТАЮЩАЯ ТАРЕЛКА

Сумрачное пространство впереди расширилось и просветлело. Обращаясь к земной терминологии, Библ бы назвал его манежем цирка с бледно-лимонными стенами и невысоким, в несколько рядов, амфитеатром, посиневшим от сидящих рядышком знакомых курток. Сквозь дымчатый облачный купол просвечивало голубое небо.

Манеж был крохотным, в четыре раза меньше обычного, и амфитеатр, естественно, вмещал лишь несколько десятков зрителей, терпеливо ожидавших представления на манеже. Ничего здесь не было, кроме двух висевших без опоры и, как везде на Гедоне, очень подвижных, вращающихся прозрачных кресел. В них и усадили зем-

ных гостей спина к спине, но так, что они могли разговаривать, поворачиваясь друг к другу на бесшумных шарнирах. Усаживал их тот же человечек с двумя ассистентами, присоединившимися к нему с трибун и похожими на него, как близнецы. Впрочем, присмотревшись, Библ и Капитан сразу заметили, что и все, заполнявшие трибуны крохотного амфитеатра, были так же похожи, словно их вылепила мать-природа по одному образцу. А может быть, здесь сказалось то самое неумение различать черты незнакомого склада лица, какое проявляет большинство европейцев, например, в африканских странах. Впрочем, и меднокожие гедонийцы в синих и голубых плавках показались вначале землянам почти неотличимыми друг от друга, и только потом в Аоре одноликая масса превратилась для них в сумму индивидуальностей.

На головы обоим гостям хозяева надели нечто вроде хоккейных шлемов, плотно обхвативших виски и затылок. Ни Капитан, ни Библ не протестовали: доброжелательный вид их спутника не предвещал никаких опасностей. Потом он отошел в сторону и три раза повторил что-то совершенно неразличимое ни по интонации, ни по созвучиям. И следом за ним ту же звуковую абракадабру согласованно, почти единогласно, но негромко повторили все сидевшие на трибунах. И — странное дело — гости всё поняли, как будто эту абракадабру произнесли, скандируя, по-русски:

— Вы называть вещи видеть их глазами мыслью.

— Вы поняли, Кэп? — спросил Библ.

— По складам, но понятно. Телепатия?

— Нет, это не телепатия. Мысль доходит с трудом и, как вы говорите, «по складам». По-моему, это чужой эмоциональный тонус, многократно усиленный: вы слышали, как все повторяли одно и то же. Нечто вроде эмоционального эха. А шлемы передают его непосредственно в мозг.

— Чего же они хотят?

— Именно того, что до нас дошло. Называйте любое слово, одновременно представляя его в уме. Они хотят изучить наш язык. Давайте, я попробую.

Библ повернулся на неощутимых шарнирах кресла лицом к трибунам и сказал, медленно отчеканивая слова:

— Голова, лицо, глаза, нос, рот, тело, руки, ноги... Ходить, лежать, летать, прыгать, пить, есть, спать, драться... Все это я представляю в зрительных образах,— добавил он для Капитана,— а в каких образах, например, представить зрительно такие понятия, как «думать», «понимать», «решать», «соглашаться» или, скажем, «да» или «нет», «хорошо» и «плохо», или просто частицу «не» перед любым существительным и глаголом?

Капитан засмеялся:

— А мы с вами, Библ, как клоуны на манеже. Так и будем поступать, как клоуны. Разыграем репризу. Я, допустим, буду показывать, что наливаю из бутылки в стакан, а вы разводите руками, качаете головой и всем видом демонстрируете, что не поняли, отчетливо произнося при этом: «Не понимаю, нет!» Я тут же повторяю спектакль, вы — тоже. Потом в третий раз показываю, уже раздраженно крича: «Понятно?» Вы радостно подпрыгиваете и тоже кричите: «Да, да! Понял! Понятно!» Начинаем. Только серьезно.

Они и проделали это серьезно, не спеша, произнося слова отчетливо, не проглатывая ни буквы. А по окончании представления Капитан, обернувшись к зрителям, громко спросил:

— Поняли?

— Поняли,— неожиданно четко, без малейшего акцента ответил по-русски зал.

— Значит, понятно? — переспросил Капитан.

— Понятно, понятно.

— Да или нет?

— Да, да!

— Молниеносное обучение,— усмехнулся Капитан и сказал вполголоса Библу: — Начинаем второй урок. Сначала объясним местоимения: я, ты, он, мы, вы, они. Проще простого.

Объяснили.

— Еще реприза. Я делаю несколько шагов, вы стоите. Я говорю: «Я иду, он не идет», подчеркивая частицу «не». То же с глаголами «есть» и «пить». А теперь обращаюсь к аудитории: «Вы не поняли?»

— Нет, поняли,— отчеканил зал.

— Мне одно не ясно,— шепнул Капитан Библу,— почему они так быстро все это усваивают?

— Во-первых, эмоциональное эхо. Во-вторых, шлемы. Вы видите — все тоже в шлемах. Должно быть, мы не совсем точно понимаем их назначение. Вероятно, они и улавливают смысл звучащего слова, и непосредственно воспринимают зрительный образ. Скажем условно: ки-берпатия.

— Ки-бер-патия,— отчетливо повторил их знакомец, сидевший поблизости в первом ряду.— «Нет шлемы» — непонятно, «да шлемы» — понятно. Только шлемы. Без них нельзя.

— А ведь мы не объясняли им слов «только» и «нельзя». И склонять местоимения тоже не учили,— удивился Капитан.

Но ответил не Библ, а человечек в голубой куртке.

— Много слов мы понимать из разговоры ты и он.— Он указал попеременно на обоих.— Вы говорить больше, мы понимать больше.

Капитан рванул кресло к Библу.

— Вот это я понимаю — контакт! Еще три урока, и ученики могут сдавать экзамен на аттестат зрелости. На большой палец. Все говорить и все понимать. Три урока,— повторил он, загибая пальцы на руке.— Три!

— Один,— возразил голубокожий и в свою очередь загнул палец.— Один. Мы понимать и слова-мысли. Говорить в уме — видеть. А мы — понимать.

— У них уже и сейчас есть запас слов, необходимый для разговора,— сказал Капитан Библу,— только почему обучение односторонне? Без взаимности.

— Вероятно, они лингвистически способнее, да и язык их, пожалуй, нам недоступен, и они это заметили.

— Станный язык. Или придыхания, или горловые фиоритуры. Как у тирольских певцов.

— А вы прислушайтесь,— сказал Библ, оглядывая ряды амфитеатра.— Слышите? Совсем по-птичьи. Как в лесу. Цокают и пересвистываются.

Он еще раз оглядел окружающие их кресла. Голубые куртки сидели тихо, как примерные дети, не вскакивая и не меняя мест. В странной схожести лиц теперь уже Библ заметил различия. Не было того однообразия молодости, какое они видели в зеленосолнечной школе,— их окружали здесь и юношеские, и зрелые лица, иногда морщинистые и даже небритые. Были и женские — их отличали

овал лица, несколько удлинённый, более мелкие черты его и кокетливое разнообразие даже в мальчишеской короткой стрижке. Кто они? Если принять гипотезу Алика о резервациях-заповедниках, то где же эти заповедники? Здесь или в Аоре? Неизвестно зачем откармливаются бездельники-потребители и трудятся умницы-производители за пультами световых и цветных чудес. Правда, последние некоммуникабельны в отличие от телепатически общительных гедонийцев¹ зеленой и синей фаз. Но некоммуникабельность сопровождает, по-видимому, только рабочий процесс. А здешние трудовые процессы — это непостижимые вершины науки и техники. Значит, здесь хозяева, а не там, в лучах других ложных солнц. Капитан, кажется, не очень задумывается над этим, он с удовольствием играет в свой лингвистический цирк. Да полно, цирк ли это? Люди смешно искажают грамматику речи, но разве не удивительно то, что словарь их пополняется быстрее, чем у самого совершенного кибернетического ретранслятора. А сумма грамматических искажений уменьшается обратно пропорционально числу новых слов. Закономерность? Да. И в ней показатель не только трудностей возникающего контакта, но и взаимной в нем заинтересованности.

Мысли Библа прервал настороженный шепот Капитана:

— Тсс... Слышите? Совсем другой звук. Похоже, что мы уже не в лесу, а на пасеке.

Из темного прохода, соединявшего этот зал с перекрестком движущихся дорожек-лент, вдруг послышалось негромкое ровное гудение. Так гудит или отработанный механизм, или встревоженный улей.

— Ложиться на пол! — крикнул им их знакомец из первого ряда. — Не говорить. Не шуметь. Тихо.

Капитан и Библ недоуменно повиновались.

А из прохода в пространство манежа не спеша выплыла медная летающая тарелка. Может быть, и не медная, но блестящая, как хорошо отполированная и начищенная медь. Библ пошевелинулся и поднял голову. Тарелка тотчас же устремилась в его сторону и повисла высоко в воздухе, небольшая, около полуметра в диаметре, и выпуклая лишь с одной стороны, что делало ее еще более похожей на тарелку или скорее на блюдо или поднос.

С тем же пчелиным гудением она начала спускаться, не выходя из пределов манежа. Три метра, два метра, полтора... «Сейчас она придавит нас или накроет как одеялом», — подумал, прижимаясь к пластику пола, Библ. На минуту ему стало страшно, но тарелка, покружившись над ними, снова поднялась и, покачиваясь в воздухе, медленно поплыла над амфитеатром. Голубокожие молчали, не двигаясь, вдавленные тревогой в кресла. А тарелка, сделав несколько кругов и восьмерок в притихшем зале, так же не спеша скрылась в темном проходе. Пчелиный гул ее, все еще слышный и за пределами «цирка», постепенно умолк.

— Новое чудо-юдо, — усмехнулся Библ, подымаясь. — Что это было? Вы соображаете, Кэп?

Капитан подумал.

— Похоже на летающий локатор. Видимо, он регистрирует какие-то посторонние шумы. Кто-то приметил что-то необычное и отреагировал.

— Координатор, — откликнулся их подошедший знакомец.

— Мы не называли такого слова, — насторожился Капитан.

— Вы называли его вот тут. — Он постучал пальцем по лбу. — А тарелка это слышать и узнавать шум. Вы говорить: посторонний, необычно. А непосторонний и обычно — это тихо, шума нет. Но мы собрались — шум: зтсисстзсс... — Он попытался передать их пересвистывание.

— Разве у вас нельзя разговаривать? — Нить догадки опять ускользала от Капитана.

— Там где спать — можно. Где не работать, отдыхать, смеяться. Дóма, — прибавил он гордо еще одно усвоенное без подсказки слово.

— А где это — дóма?

— Здесь, за стеной. А их дом, — он указал на темный проход, явно подразумевая своих некоммуникабельных соплеменников, — дальше. Там, где такие дорожки. — Он дотронулся до голубого капитанского комбинезона.

— Почему же вы здесь, а они там?

— Потому что мы обманываем Координатор.

— Разве его можно обмануть?

— Вы видите тарелка? Она уйти. Не заметить.

— Почему и как вы его обманываете? — загорелся Библ.

— Трудно объяснить. Еще мало слов. Вы брать с собой шлемы. Домой. Разговаривать — не снимать. Спать — не снимать. Вернетесь — будем знать больше.

— Нас четверо.— Капитан загнул четыре пальца.

— Понятно. Брать с собой четыре шлема.— В руках у собеседника появились еще два шлема.— Вернуться всем вместе. Где ваш дом?

Капитан представил себе приземистое здание станции на черном камне пустыни. Снова пересвистывание и недоуменный вопрос их знакомого в голубой курточке.

— Откуда?

— С неба,— не улыбаясь сказал Капитан, довольно точно вообразив появление космолета в свете пяти разноцветных солнц и приземление его на зеркальном космодроме.

И опять птичий гомон прошумел по трибунам. Но вопросов на этот раз не последовало. Почему? Испугались или насторожились? Библ уже начал сомневаться в своих прежних суждениях о жителях Голубого города, как строителях и хозяевах гедонийской цивилизации. Испуг и настороженность в данном случае совсем не показатели высокого социального уровня жизни. Творцам ли такой технологии пугаться появления чужого разума? Но почему пугаться? Может быть, пересвистывание на трибунах означает просто повышенный интерес? А если подумать, то разве интерес вызвало появление летающей тарелки? Пожалуй, даже не испуг, а пароксизм страха. Что же испугало? Локатор посторонних шумов, угрожающий обнаружить присутствие людей, которые совсем не хотят быть обнаруженными. И слова: мы обманываем Координатор. Значит, даже немыслимая техническая вооруженность его не гарантирует от ошибок: оказывается, его можно, а должно быть, и нужно обманывать. И если считать, что Координатор — власть или орудие власти, значит, в этом обществе есть оппозиция меньшинства большинству. Какие же цели она преследует и почему возникла? Тут Библ окончательно запутался. Кто же тогда хозяева Гедоны и каков ее социальный строй?

— А мы можем увидеть Координатор?

Ответ последовал неуверенно и не сразу:

— Подумать. Не сегодня. Сначала надо научиться понимать друг друга. А сейчас — уходить.

Капитан снова загнул четыре пальца.

— Мы вернемся вчетвером. Завтра. Ладно?

— Ладно.

Библ тут же подметил, как быстро усвоил их собеседник русскую коллоквиальную форму.

— Постой...— задумался Капитан.— Мы, вероятно, легко найдем город. Но как в нем найти вас?

Гедониец в голубой куртке показал на лимонный цвет стен.

— Такого же цвета дорожка. Она приведет вас сюда. Я показать.

Он поспешил к темному проходу из зала. У многоцветного переплетения дорожек они подождали до тех пор, пока из-за среза плоскости не вырвалась желто-лимонная.

— Эта?

— Она.

Пока дорожка плыла в уровень с плоскостью, Капитан сказал:

— Я — Кэп, Капитан. Он — Библ. А ты?

Их спутник опять просвистал что-то по-птичьи.

— Ну это, брат, у нас не получится. Назовем тебя Друг. Сойдет, Библ?

— Сойдет.

Капитан крепко, по-земному, пожал руку спутника:

— Прощай, Друг. До завтра,— и соскочил на убыстряющую бег, дорожку.

Библ прыгнул вслед за ним.

И последнее, что они увидели, было синее пятно над срезом серой покатой плоскости.

Г л а в а IV

«СМОГ» И РИПЕЛЛЕР. ЛЕС НАСТУПАЕТ

Расставшись с друзьями, Малыш и Алик молча пошли домой. Говорить не хотелось. Казалось, уже был опыт отдельных странствий — привычно, синхронно, убедительно,— а сердце при расставании все-таки щеми-

ло. Особенно сегодня: слишком уже реален был этот внезапно выросший перед станцией псевдогород не то из раскрашенных картонажей, не то из цветного стекла. Шутка Гулливера в сказочной Лилипутии: собрал кучу битых бутылок в несколько этажей. А в общем, даже не сказка, а так, черт те что.

— Исчез,— сказал Алик.

— Кто? — не понял Малыш.

— Город исчез.— Алик обернулся назад и указал на по-прежнему безмолвный и пустынный до горизонта знакомый пейзаж.

— Так,— буркнул Малыш и сплюнул в сердцах.

Больше он не оборачивался до самой станции. Потом, пройдя коридор, остановился у лестницы наверх и спросил скорее не Алика, а себя самого:

— Ну что ж теперь делать будем?

— Ты старший, ты и командуй,— огрызнулся Алик.

— Уборка закончена, обедать рано. Значит, вспомним английскую пословицу: мой дом — моя крепость.

— Ты в уме?

— Я уточняю задачу. Оборудуем бойницы, проверим оружие, расставим посты. Центральная база на втором этаже, в комнатах Капитана. Там и наблюдательный пункт, там и склад запасного оружия.

— Ничего не понимаю,— сказал Алик.

— Умишко слабоват. Помнишь Второго Пилота, ныне благополучно, во всяком случае надеемся, что благополучно, летящего к родным пенатам. Я его до встречи здесь знал человеком с воловьими жилами вместо нервов. Мог зуб вырвать по древнему способу, применявшемуся еще Петром Первым, и глазом не моргнуть. А кого мы на Гедоне нашли? Чудака с огнеметом, исполосовавшего все стены, внутренние и внешние. А зачем он их резал? Мания преследования? Чепуха. У него уже был опыт встречи с миражами, подбиравшимися к самой станции. У нас такого опыта не было. Поэтому слушайте и выполняйте, что вам приказывают, товарищ младший член экипажа.

— Ты серьезно считаешь, что нам может угрожать что-то на территории станции?

— Я сказал: выполняй! — гаркнул Малыш.— Проверишь видеоскоп у иллюминатора наверху, все верньеры,

чтоб нигде не туманилось — полная ясность на любой дистанции. Я принесу со склада ящик с гранатами. Станционный отражатель я еще раньше проверил — модерн-рипеллер, масштаб от десяти до двадцати метров по фронту. Его мы поставим на верхней площадке.

— Почему не здесь?

— Потому что здесь совпадают уровни смещения фаз. Почему-нибудь Док с Пилотом переселились на второй этаж. А рипеллер у окна ни к чему. Там органическое стекло прочнее стали — опасность может угрожать только отсюда, с лестницы. Вот мы и поставим наш отражатель сверху — пусть сунутся.

Алик искоса взглянул в глаза Малышу: как у него со здоровьем? Кто сунется? Бездельники из Аоры? Школьники из леса? Так между ними не только километры черного камня, но и пространственный задел, энергозащита, сквозь которую не пройдешь без специальных приборов.

— Энергозащита снята, — сказал Малыш. — Капитан и Библ прошли границу между фазами, даже не поперхнувшись.

Алик, внутренне неубежденный, молча пошел по лестнице. Приказ есть приказ. Старший командует — младший выполняет. Видеоскоп у окна-иллюминатора, фонарем выдающегося над черной пустыней, оказался в порядке: полная ясность и под окном и у горизонта, одно и то же черное зеркало, чуть припудренное матовой пылью. Малыш тоже молча принес и взгромоздил на стол ящик с газовыми гранатами, а отражатель-рипеллер, похожий на бронзовую бульдожью морду, поставили на верхней площадке винтовой лестницы.

Недоумевающий Алик все-таки рискнул задать вопрос неразговорчивому начальству:

— Зачем же гранаты, когда есть излучатели?

— Ты не был в регенерационных залах, а я был, — снизошел до пояснения Малыш, — там только мертвые, но не поврежденные. И руки и ноги на месте, даже кожа цела. Ты заметил, какое у них оружие? Или только боевое, как «хлысты», или выводящее из строя без членовредительства, как парализаторы. Парализаторов у нас нет: их забрали Кэп с Библом, «хлыст» хорош в драке один на один, против десятка уже не выстоишь. А если их будет больше?

Малыш не только из простой предосторожности готовился к обороне. Слова Капитана о том, что Координатор снял энергозащиту между фазами перестроенного пространства, явно предупреждал о возможной опасности. До сих пор межфазные связи случайным облачком возникали на пути вездехода, сейчас такое облачко — и не облачко даже, а целая грозовая туча — может возникнуть в пределах самой станции, у ее порога, и кто знает, а вдруг и внутри. Не зря же Второй Пилот кромсал излучателем двери и стены: он именно этого и боялся. Алику подробности объяснять не стоит — незачем пугать мальчишку, сам догадается. А не догадается — пусть думает, что хочет: или Малыш свихнулся, или просто чудит.

Алик этого не думал. Он сделал все, что от него требовалось, и стоял у окна, ожидая дальнейших распоряжений.

— Пошарь-ка по краю пустыни, сынок, — предложил Малыш, — может, что и наклюнется.

Алик, прильнув к окулярам видеоскопа, покрутил верньер. У горизонта справа показался зеленый смерчик. Он двигался на них, увеличиваясь.

— Напророчил, — сказал Алик.

— А что?

— Облачко.

— Синее?

— Нет, зеленое.

— Тем хуже. Ребята из леса опаснее взрослых из города.

А облачко приближалось. Теперь его можно было разглядеть и невооруженным глазом. В стеклянную лупу окна было хорошо видно, как на замок Алика с Малышом двигался... лес. Именно лес, а не просто зеленый стог сена или туманное облако. Впереди леса наступали плотной высокой щетиной салатные мхи — подступы к густым древовидным папоротникам.

Открытая взору фаза зеленого солнца шла на сближение с черной пустыней. И это сближение должно было произойти где-то совсем близко от станции, может быть на ее территории.

— Если лес захлестнет нас, что будет со станцией? — спросил Алик: страха он не испытывал.

— А я доктор? — пожал плечами Малыш.

— Совмещение фаз в одном трехмерном пространстве,— рассуждал Алик,— или вызовет вращение одной молекулярной структуры в другую, что чревато бог знает какими последствиями, или одна масса бесследно растворится в другой. Иначе говоря, станция исчезнет в обоих случаях.

— Интересно, почему этого не произошло раньше,— задумался в ответ Малыш.— Почему станция не исчезла, когда психовали Пилот и Док?

А тем временем лес уже подступил к станции и остановился. Зеленое пространство выдвинулось усеченным конусом, границы которого уходили далеко к горизонту. Теперь метров в десяти от окна подымались вверх искривленные стволы папоротников, похожих на диковинные тропические пальмы. Черного камня под окном уже не было: его закрывали высоким ковром серо-зеленые мхи.

— Чудно,— сказал Алик,— вроде бы лес и не лес. Я и у нас в Мещерском заповеднике был, и в американском Национальном. Там живой лес.

— А здесь что — мертвый?

— С мертвечинкой. Ни птиц, ни бабочек. Небось и муравьев нет.

— Как у тебя с головой? — хмыкнул Малыш.— Это же силурийский. А ведь в кольцо нас берет,— подметил он маневр огибавшего станцию леса.— Посмотри-ка, что у нас с другой стороны,— заинтересованно добавил он и вышел на лестницу.— Поди-ка сюда.

То, что увидел здесь выбежавший Алик, было еще чудеснее. Ни наружной стены станции, ни коридора, ни загромождавшего его мусора уже не было. Мхи протянулись до лестничных ступенек — шагни и утонешь в серой волокнистой трясине.

— Они срезали угол,— проговорил Алик, задумчиво оглядывая то, что уцелело от станции,— часть стены и коридора слева остались. И срезано неровно, и границы среза расплываются. Будто в тумане.

— Да и срез ли это? — усомнился Малыш и вернулся в комнату.

Оттуда он появился уже с излучателем. В глазах прыгали веселые искорки. «С чего это он,— удивился Алик,— глотнул, что ли?» А Малыш в три прыжка очутился внизу и молнией полоснул по мхам, подступившим

...Мальш молнией полоснул по мхам...

к внутренней стене коридора. Сверкающая коса мгновенно срезала всю толщу мхов, спалив срезанное, как зажигалка бумагу. Малыш шел по коридору, вернее, по тому, что раньше было коридором, огибавшим внутренние помещения станции, и, не выпуская из рук излучателя, продолжал косить. Через десять минут между ним и лесом не было ни клочка мхов, кроме небольшого островка под самой лестницей, который Малыш почему-то оставил в неприкосновенности.

— Зачем? — спросил Алик.

— А если вдруг придется швырнуть кое-кого вниз, обойдемся без членовредительства. Совсем как поролоновый мат в спортзале.

— А косил зачем?

— Чтоб не подползли.

Но ничто не нарушило тревожного спокойствия леса. И никто не подполз и не показался из-за обступивших станцию древовидных гигантов. Только слева был просвет — тянулись лохматые кустарники и травяные плечи, а за ними далеко-далеко подымался к солнцу эвкалиптовый Парфенон.

— Дай-ка парочку-другую гранат, — сказал Малыш, — я здесь побуду. Подойдут ближе — газовый за-слончик поставлю. Не прорвутся. Ну, а ты похлопочи у видеоскопа. Как что увидишь — сигнал.

Сколько минут пришлось просидеть у видеоскопа, Алик не подсчитывал — пять, шесть или четверть часа, — только в конце концов по травяной плешине за ветвистыми стеблями хвощей мелькнуло несколько перебежавших цепочкой фигур. Их было легко заметить: голые меднокожие, в одних плавках, они отчетливо прочеркнули синеватую зелень леса.

— Идут! — крикнул он в открытую дверь Малышу.

— Много? — откликнулся тот.

— Взгляни сам. Отбить успеем.

Малыш подошел, когда меднокожие вынырнули на длинную открытую проплешину между пятиметровыми веерами папоротников. Они то подымались во весь рост, присматриваясь к обстановке, то перебежали на четвереньках, как обезьяны, скрываясь в ломких высоких хвощах. Их было немного, не более двух дюжин (Алик уже

мысленно прибегал к гедонийской системе счета), но и двадцати четырех здоровых парней, к тому же чем-то вооруженных, было многовато для защитников станции.

— С чего начнем? — спросил Алик.

— С гранат, конечно, — пожал плечами Малыш. — Я бы их излучателем в две минуты срезал и поштучно и оптом, но увы... ребята все-таки.

Оба вышли на лестничную площадку. Островок мха под ней, не выжженный Малышом, серый, высушенный сверху, зеленовато-рыжий и мокрый внизу, у жирной земли, торчал одиноко и неприветливо. «Синие» и «голубые», смешавшись в стайке, недоуменно и осторожно обошли его, не понимая, что случилось с мшаником, от которого остались только рыжий пепел да пыль.

— Они нас не видят, — шепнул Алик.

— Тем лучше, — усмехнулся Малыш и одну за другой швырнул две гранаты.

Двухметровая дымовая колбаса, черная, как выползшая из болотного ила анаконда, вздувалась и вытягивалась, обволакивая папоротники и хвощи. Тяжелый смрад подымался кверху — от него подташнивало и ломило виски. «Чего они туда напихали, — поморщился Малыш, — воняет, как в мертвецкой летом». Меднокожих уже не было видно: они или плутали, задыхаясь от дыма и рвоты, или успели выскочить и скрыться в кустарнике. Ни один из них пока еще не прорвался к лестнице.

— Может, сбежали? — предположил Алик.

— Едва ли. Пойди к окну, посмотри.

Видеоскоп не потребовался. Из-под нависшего над хвощами и лесом окна было видно, как меднокожие в плавках огибали расползавшуюся дымную колбасу, рассчитывая проскочить там, где дым редел и рассеивался.

— Обходят! — крикнул Алик. — Швыряй еще гранаты слева и справа.

Снова клейкое черное варево легло между нападающими и крепостью. Малыш добавил еще две гранаты. Теперь «смог» подымался уже рядом с лестницей, надвигаясь на площадку. Прикрывая глаза и рот платком, давясь от мерзкого дыхания «смога», Малыш и Алик отступили в комнату, захлопнув дверь.

— Вернемся, когда эта пакость рассеется, — сказал Малыш, — может, и им к тому времени эта игра надоест.

— Они, кажется, нечувствительны к запаху, должно быть, ароматические рецепторы невосприимчивы.

— По-моему, одного рвало,— усомнился Малыш.

«Игроки» действительно не собирались снимать осаду, показывая завидные настойчивость и терпение. Поколов верньерами видеоскопа, Алик обнаружил меднокожих по всему фронту дымовой завесы. По опыту прежних столкновений нападающие знали, что в конце концов дым рассеется и подступы к крепости будут свободны.

Малыш открыл ящик с гранатами, заглянул в него и присвистнул.

— С таким запасом «смога» мы и до ночи продержимся, а к ночи все миражи погаснут,— заметил он.

— А что, если они попробуют прорваться сквозь дым,— предположил Алик.— Должно быть, они уже убедились в его безвредности. Может, сразу отражателем шарахнуть?

Не отвечая, Малыш снова вышел на лестничную площадку. Конечно, можно было швырнуть еще парочку-другую гранат. Процесс затяжной и не очень надежный. Кажется, Алик прав. Слева дым начал оседать, и прорыва, вероятно, следовало ждать отсюда. Малыш перевел бульдозью пасть рипеллера и попробовал кнопки — ничто не барахлило. Ну-ка, давайте сюда, ребятки!

— Ты присядь,— сказал сзади Алик,— и не подпускай их очень близко, а то еще достанут парализатором.

Меднокожие, должно быть уже освоившиеся с запахом, теперь просочились сквозь черную толщу дыма и, топча рыжие лохмотья сожженных мхов, приближались нестройной группкой. Алик попробовал сосчитать их вслух, но Малыш сердито одернул его:

— Молчи! Важна дистанция, а не численность.

Теперь между ними и нападавшими было не более десяти метров.

— Девять... восемь... семь... шесть... — шепотом считал Малыш. При счете «четыре» нажал спусковой клавиш отражателя.

Вихревой воздушный поток, как порыв урагана, сразу отбросил нападавших на добрый десяток метров, вернее, расшвырял их, как оловянных солдатиков, кого куда. Одни застряли в кустарнике, другие — в несожженных мхах, вероятно изумленные, не понимающие, может

быть даже напуганные и уж во всяком случае сразу утратившие весь свой боевой пыл.

— Давай справа! Теперь отсюда прорвались,— шепнул сзади Алик.

Малыш перевел пасть рипеллера в противоположную сторону, подождал, отсчитывая одними губами метры, пока дистанция не сократилась до минимума, и отшвырнул вторую колонну нападавших. Этих было больше, и эффект воздушной волны оказался еще разительнее: даже разглядеть было нельзя, куда их отбросил удар отражателя.

— Не слишком ли?—опасливо спросил Алик.—Так и костей не соберешь.

— Соберут,—отмахнулся Малыш.—Кругом подстилка—мхи да хвощи. А кто не встанет, все одно пойдет в переплав на подземный конвейер.

— Ты на другое посмотри,—вдруг сказал Алик.

— А что?

— Лес отступает.

Глава V

ПОСЛЕ БИТВЫ. ВЫХОД ПЛЕННОГО

Эффект вихревой воздушной волны отражателя, видимо, оказал какое-то воздействие и на межфазные связи, потому что угрожавший нашим героям лес начал буквально на глазах изменяться.

Сначала он убрал свой высунутый к станции длинный лохматый язык, потом стал медленно отползать к горизонту, все время съезживаясь, пока не уменьшился до размеров блуждающего по ветру зеленого облачка, а затем и совсем исчез, растворившись в плоской каменной черноте.

Все это наблюдали Библ и Капитан, летевшие на «поясах» к станции над таявшими в нагретом воздухе хвощами и папоротниками. Козней леса, отбитых их друзьями, они уже не застали, но отступление его видели, хотя и не понимали, откуда, например, взялся этот странный горб рыжих лохмотьев, неправильным полукругом огибавший станцию на довольно большом расстоянии. Как будто кто-то жег перед ней грязные тряп-

ки, а потом аккуратно отмел их подальше, чтоб не мешали.

Библ снизился и поднял что-то непонятное и хрупкое, тотчас же рассыпающееся в руках.

— Это не тряпка, Кэп,— сказал он подошедшему Капитану.— Это какая-то растительность. По-моему, жженный мох.

Малыша и Алика они нашли у смотрового окна в состоянии полной прострации. Отступление леса они наблюдали уже отсюда, так как трансформация пейзажа восстановила и коридор с его хламом и ящиками, и наружную стену, закрыв все за ней происходящее. Совмещение фаз, таким образом, отнюдь не уничтожало массы поглощенного вещества. Этот вывод и погнал их к окну, а затем наступила реакция. Оба повалились в кресла и облегченно вздохнули.

— Был бой?— спросил Капитан.

Оба обрадованно вскочили.

— Погодите,— продолжал Капитан,— рассказы потом. Сначала наденьте шлемы.— Он отдал один Малышу, другой Алику.— Объяснения тоже потом. Застегните вот здесь, как у нас. Не снимайте ни вечером, ни утром. Даже ночью во время сна. Кстати, они очень удобны, почти неощутимы.

Когда все было рассказано, Капитан подытожил:

— Насыщенный день. Снятый энергозаслон на межфазных связках, конечно, может создать затруднения, но, как опыт показывает, мы лучше вооружены и лучше защищены. А шлемы помогут устранить некоммуникабельность между нами и жителями Голубого города. Сейчас это самое главное.

Алик откровенно обрадовался. Значит, его предположение о характере гедонийской цивилизации эмпирически подтверждается. Хозяева планеты не в Аоре, а в Голубом городе. Создатели технологии, которую человеческий разум даже осмыслить не может, творцы чудес, перед которыми библейские — детские забавы, не больше, ставят грандиозный эксперимент с псевдочеловечеством, освобожденным от требований разума, общественной пользы, труда и необходимости. Создают же люди на Земле зоопарки и обезьянники, в которых ста-

вятся какие-то опыты. Алик уже высказывал эту мысль, теперь она подтверждается практикой. Правда, здешний зоопарк больше похож на санаторий для неучей и бездельников, но именно в этом-то и проглядываются черты опыта. Человек, как живое существо, становится драгоценным материалом для него, подобно трансураниевым элементам в химических реакциях. Ни в зеленом, ни в синем мире ничто не калечит человека — ни техника, ни оружие. Нет даже лестниц, с которых можно свалиться, экипажей, которые могут сшибить, неприрученного огня, который может обжечь или спалить. Здесь негде утонуть — нет ни рек, ни озер, влага подпочвенная, а океан, должно быть, только в одной закрытой для опыта фазе; здесь даже в детстве не лазают на деревья и не скал и обрывов, с которых можно сорваться. Какие цели преследует опыт, зачем он нужен хозяевам Голубого города, пока еще остается неясным, но большинство неизвестных в уравнении Гедоны практически уже найдено.

Все это Алик, захлебываясь и торопясь, чтобы его не перебили, последовательно изложил слушателям.

— Есть что-то,— сказал Малыш.

— Есть,— повторил Капитан,— верные наблюдения и неверный вывод.

— Почему?— пошел в бой Алик.

— Твое уравнение Гедоны можно было бы записать так: *a* — жители Голубого города, хозяева планеты, ставящие опыт; *b* — жители обезьянника, объект опыта; *c* — смысл опыта, как создание некоего гомо сапиенс, свободного от пут необходимости и общественной пользы, и *d* — цель опыта — знак вопроса. Так?

— Предположим, так.

— Здесь все неверно. Жители Голубого города не хозяева планеты. Никакого опыта они не ставят. Жители Аоры не подопытные кролики, а самый опыт поставлен уже больше тысячелетия назад и превратился в близкий к бесконечности процесс биологического бессмертия и регулярной смены жизненных циклов. Это и есть цель опыта, все остальное — производные. Кроме того, в уравнении не предусмотрен Мозг и Координатор, их взаимосвязь, некоммуникабельность Голубого города, его социальный строй, наличие оппозиции, неизвестно почему

и как возникшей, какие цели преследующей и как существующей при наличии супертехники обнаружения и подавления.

— Мне кажется, что у оппозиции такая же супертехника самозащиты,— вставил Библ.

Капитан не ответил. Он приподнялся в кресле, словно собирался вскочить, и прислушался. По коридору внизу простучали чьи-то шаги, потом послышался звук падающего тела и нечленораздельный, почти звериный вопль.

— Включи свет внизу,— кивнул Капитан Малышу, сидевшему у пульта, и выбежал на площадку за дверью, откуда Малыш с такой лихостью опрокидывал вражеские колонны.

Один за другим протиснулись в дверь и остальные. Яркий люминесцентный свет выхватил из темноты коридора фигуру гедонийца в голубых плавках. Лежа на животе в лохмотьях спаленных мшаников, он барабанил ногами по полу, как раскапризничавшийся ребенок, и нестерпимо визжал.

— Откуда он?— удивился Капитан.

— Не успел скрыться с лесом,— пожал плечами Малыш.

— Должно быть, забрался куда-нибудь,— предположил Алик.— Двери открыты, от наших гранат дым и вонь, заблудился, запутался, а может быть, и сознание потерял.

— Возьмем его наверх,— предложил Капитан,— и попробуем объяснить.

Отчаянно сопротивлявшегося парня с трудом втащили по лестнице в комнату и бросили в кресло. Он прижался к спинке и затих, недоуменно оглядывая окружающих. Взгляд его, любопытный и злой, однако не обнаруживал страха.

— Где я?— мысленно спросил он, и все поняли.

— У друзей,— сказал Капитан.

— Я вас знаю,— продолжал вглядываться гедониец,— вон того и этого.— Он показал на Малыша и Алика.— Они и тогда дым пускали.

— Как ты сюда попал?— спросил Малыш.

— А мы настигли вас еще днем. До заката солнца. Подстерегли за лесом, а тут—ваше черное облако.

Я упал. Трудно дышать. Только выполз — еще облако. Сбоку дыра — мягко. Потом ночь. Проснулся — побежал. Темно. Леса нет.

— Это он на склад залез,— сказал Алик.—«Сбоку дыра — мягко». А это дверь и маты.

— Почему вы жужжите?— спросил гедониец; русая борода окаймляла его лицо, как сияние.

— Ладно,— сказал Капитан,— это мы думаем так. Шумно. А чего ты орал?

— Есть хочу. Приказал — нет еды. Приказал еще раз — ничего. Рассердился.

— Дай ему малинового желе,— сказал Капитан Алику.

Алик вскрыл банку и протянул ее меднокожему. Тот высосал ее не отрываясь, швырнул на пол и тотчас же послал мысленный приказ:

— Еще!

Алик вскрыл вторую банку. Гедониец, урча, расправился с ней столь же поспешно и потребовал третью.

— Я не знаю, что они там едят,— сказал Капитан,— но двух банок, полагаю, достаточно. Слишком много кислоты.

— Нельзя,— кивнул Алик гедонийцу и развел руками.— Нету больше. Нельзя.

Гедониец моргал глазами, явно не понимая.

— Ты знаешь, что такое игра?— подсказал Библ.— Так вот правила игры запрещают больше двух банок. Понял?

Что понял гедониец, никто не узнал, потому что его в этот момент заинтересовал «хлыст» Алика, оставленный на столе. Предмет сей для меднокожего пояснений не требовал. Он тут же схватил его, и белая молния резнула по лицу Алика.

Тот вскрикнул, прижимая ладонь к глазам. Вторая молния обожгла руку Библу, бросившемуся на помощь Алику. Гедониец заржал, размахивая своей сверкающей плеткой. Третий удар предназначался Малышу, но реакция последнего оказалась быстрее. Он бросился под ноги бородачу в плавках и опрокинул его на пол. В ту же секунду «хлыст» был уже у него.

— Роговица не повреждена,— сказал Библ, осмотрев глаза Алика,— отреагировали только кончики нервов.

Чисто болевое оружие,— он помахал рукой,— до сих пор жжет.

— Зачем ты это сделал? — спросил он у гедонийца. Тот засмеялся:

— Хорошо бить! Жжет. Болит. Весело.

— Хорошо, говоришь?— грозно спросил Малыш.— А когда тебя бьют? Вот так.— И могучая длань его хлестнула по волосатой щеке.— Весело, да?— И вторая пощечина швырнула бородача к стенке.

— Оставь его,— сказал Капитан,— это же несмысленно.

А несмысленно уже ревел, как выпоротый мальчишка, размазывая кулаком слезы по взлохмаченной бороде.

— Возни с ним не оберешься,— сказал Библ.— Придется сделать укол. Проспит сутки, а за это время поищем где-нибудь зеленый миражик и подбросим это сокровище его родичам.

— Такой мир не имеет права на существование,— зло проговорил Алик; глаза у него уже не болели.— Даже в волчьей стае живут дружнее, а эти как пауки или скорпионы. Их с колыбели переучивать надо. С той минуты, как им соски с кашицей дают.

— Их не переучишь,— сказал Капитан,— однозначность биологических циклов запрограммирована тысячелетие назад и на тысячелетия вперед.

— Тогда надо сломать программу.

— Как?

Алик молчал.

— Не знаешь? И я не знаю. И я еще не готов для второй встречи с Учителем.

— Сматываться надо отсюда,— сказал Малыш.— Ничему мы их не выучим и ничему не научимся сами... Слишком хитра наука, а концы спрятаны.

Капитан и Библ переглянулись: они-то знали больше, чем другие. «Пожалуй, все-таки раненько делать выводы, Библ»,— сказал взгляд Капитана. Библ усмехнулся: «У нас есть еще завтрашний день». А вслух сказал:

— Мне еще не до конца ясна роль Голубого города. А это, пожалуй, самое важное звено в ожерелье Гедоны.

— Завтра узнаем,— резюмировал Капитан.

— Кто?— встрепнулся Алик.

— И ты в том числе. Все четверо. Потому я и настаиваю на том, чтобы шлемы никто не снимал до завтрашней встречи. У них нет телепатического общения, и шлемы нужны как средство коммуникаций. Они помогают им понимать наш язык. Даже то, что мы думаем сейчас и будем думать до завтрашнего дня, мысли, выраженные в словах, и зрительные образы во время сна — все это сохраняют, расшифруют и донесут до них наши шлемы.

— Коллектор языковой информации,— уточнил Библ.

Глава VI

В ПЛАЗМЕННЫХ ДЖУНГЛЯХ. ВТОРОЙ КРУГ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Именно лимонно-желтая дорожка должна была привести их к цели.

— Вот эта?— шагнул вперед Алик и тут же отступил, остановленный взглядом Библа.

— Нет, не эта. Подождем.

Они стояли у самой границы неправдоподобного Голубого города, где дорожки-«улицы», сменяя одна другую с быстротой, уплывали в цветную сумятицу поразительных архитектурных форм. Город подымался к небу пирамидой плоскостей, вершина которой, как Эверест, скрывалась в густом голубоватом тумане. Не то снег, подкрашенный синькой, не то выюга в далеких высотах, отразившая бирюзовое солнце. «Улицы», проползавшие у подножия пирамиды, не имели резко очерченных границ. На переднем плане — цветная эскалаторная дорожка-лента без заборов и утолщений, на заднем — темные пролеты туннелей и мерцающая пляска неразбери чего. Одни ползли долго и медленно, огибая подножие, другие ныряли в ближайший туннель или змеей вползали на повисавшие без опор уровни-плоскости. Так было и в первый раз, когда здесь же, раздумывая, стояли Библ с Капитаном, так повторялось и сегодня, только сейчас они дожидались одной-единственной путеводной дорожки-«улицы».

— Вот она,— сказал Капитан.

Дорожка ядовито-лимонной яркости довольно быстро подползла к их ногам. Капитан шагнул первым, за ним — сгорающий от любопытства Алик, у него даже ноздри вздрагивали от нетерпения, следом — неторопливый Малыш и замыкающий шествие Библ, дважды оглядевшийся, прежде чем вступить на скользившую желтизну.

На этот раз пластик не ушел вниз под тяжестью четырех человек, а чуть-чуть спружинил, никого не сбив с ног, словно и погружаться ему было некуда — ни подземных туннелей, ни скрытых пещер движущаяся «улица» не обнаруживала. Она проплыла у края черной пустыни метров двенадцать и свернула в пролет между прозрачными стекловидными «стенами». За ними в прозрачных же, не соприкасающихся емкостях струилось что-то пламенеющее и, вероятно, нестерпимо яркое, потому что даже темная стекловидность «стен» едва эту яркость смягчала.

— А мы здесь не были, Кэп,— сказал Библ,— я этой жути не помню.

— Я тоже.

— Плазма,— уверенно предположил Алик,— вероятно, отжата из плазмотрона в ловушки магнитного поля. В таких ловушках и развиваются нужные химические процессы.

— Силен,— сказал Малыш.— Даже здесь жарко. А там?

— Трудно сказать. Когда имеешь дело с плазмой, температуры порядка миллионов градусов обычны даже у нас. А здесь они, наверное, еще выше.

«Горячую улицу» не прошли, а пробежали, обгоняя резвость дорожки. Гедонийцев не было: должно быть, они управляли плазменными процессами со специальных пультов. А «улица» тем временем вырвалась на простор уже знакомых Капитану и Библу фокусов цветной и световой геометрии, в превращениях которой то и дело проступали очертания знакомых предметов. Жители хотя и появлялись здесь, но не задерживались, пролетая параболическими кривыми неизвестно на чем и неизвестно куда и оставляя за собой всё новые и новые выдумки невидимых синтезаторов. Библ объяснил свою гипотезу

о синтезе мысленных заказов из синей и зеленой фаз, и Алик буквально ошалел от восторга. С горящими глазами, высоко задрав голову, он отступал и отступал, стараясь угадать на воздушных экранах что-нибудь знакомое земному глазу.

— Осторожней!— крикнул Капитан, увидев его на свободном краю дорожки.

Но поздно. Алик оступился одновременно с капитанским предупреждением и исчез за взбухшим краем лимонно-желтого эскалатора. Друзья бросились к краю и обнаружили Алика висевшим в пространстве между двумя скользившими с разной скоростью дорожками-лентами: он успел ухватиться за край верхней, а под нижней просматривался туннель-колодец с мерцающими пересечениями других цветных эскалаторов.

— Держись!— воскликнул Капитан, подхватив руки Алика.

Тот ответил совершенно спокойно:

— А я в невесомости. Держусь за край без всяких усилий. Тяжести нет.

Действительно, вытащить Алика было совсем не трудно. Вероятно, в случае непредвиденного падения в междуленточное пространство изменялись гравитационные условия и человек без вреда для себя мог легко выбраться на требуемую дорожку.

— А почему мы не заметили этого, Кэп?— вспомнил их обоюдные провалы Библ.

— Слишком волновались, должно быть. Боялись потерять друг друга. А нас все время поддерживала невидимая «лонжа».

Малыш тут же захотел повторить опыт Алика, но Капитан одернул: никаких экспериментов, мы не на спортивной прогулке. А лимонная «улица» уже вновь нырнула в туннель, на этот раз не столь высокий и брызжущий светом, как галерея синтеза. Наоборот, здесь было даже темновато, как в длинных коридорах старомодной дешевой гостиницы или на прогулочной палубе океанского лайнера в темный дождливый вечер. Сходство с палубой подчеркивалось и длинным рядом близлежащих окон-иллюминаторов, открывающих полутемные каютки-койки. Алик схитрил, обогнал процессию и нырнул в одну из таких каюток. Она тотчас же осветилась

тусклым мерцающим светом, и все увидели Алика, лежащего на боку на воздушной подушке, как лежат дома на постели или тахте. И самое главное, он спал или притворялся, что спал, тихонько посапывая под световым экраном на потолке.

— Вылезай. Хватит фокусов!— рассердился Малыш.

Алик спал. Прохладная струя воздуха, выходявшего из дверцы-иллюминатора, несла знакомый запах — озона. Малыш дернул спящего за ногу, но Алик поджал ее и продолжал спать.

— Спальни,— сказал Капитан.— Пусто, потому что все на работе. Вот вы интересовались, Библ, где ночуют жители города. Полюбуйтесь. Не очень комфортабельно, но полезно. Крепкий сон и облучение ультрафиолетовыми лучами.

— Откуда вам это известно?

— А запах?

Библ приняхался:

— Озон, да.

Алика вытащили за ноги из клетки-ячейки. Только тогда он проснулся. «А не врешь?»— усомнился Малыш. Но Алик зевал во весь рот. Впечатление пробуждения после крепкого сна было полным: даже позавтракать захотелось. Но Капитан торопил: кто знал, сколько времени займет бег их лимонной дорожки и какие еще чудеса она покажет. Но особых чудес не было. Та же привычная архитектурная бесформица, сумятица спектра и световые фокусы. Все это уже не вызывало удивления, по крайней мере у двух участников экспедиции. Другие тоже его не показывали. Малыш — по свойству характера, Алик — из солидарности, хотя кое-что непонятное старшим товарищам он по своему угадал: пляску взбесившейся геометрии как поиски форм материализуемого объекта, параболические броски голубокурточников, как маневры диспетчеров телеэкрана и телепортации, а свет и цвет во множестве их превращений, как возможные катализаторы только здесь и возможных химических процессов. Угадал Алик и метод управления природой в зоне зеленого солнца. Дорожка их неслась по дну глубочайшего каньона, расходящиеся стены которого были так же непохожи одна на другую, как стра-

ница из учебника топологии на видовой кинофильм. С одной стороны незримо управляемая светящаяся игла чертила мгновенно изменявшиеся трехмерные формы, с другой — так же волшебным образом изменялся ландшафт, вырастали и исчезали деревья, съеживались и разрастались кусты, зелень травы и листьев голубела, синела, алела.

— Вот отсюда они перемещают силурийские мхи и высаживают эвкалиптовые аллеи, — заметил Алик и покраснел, встретив одобрительный взгляд Библа. Догадка была верной, хотя и не объясняла, какая польза от этого голубокожим, загнанным в безлесные и бестравные пластиковые пещеры Голубого города.

— Может быть, им приказывают?

— Кто и зачем?

— Гадания отставить! — вмешался Капитан со своей излюбленной репликой. — Я думаю, что наше путешествие уже кончается. Узнаете, Библ? — Он указал на темный проход за многоугольным и многоцветным пересечением таких же движущихся эскалаторных лент.

А в туманной его глубине уже просматривался шагавший навстречу им человечек в лазурной куртке.

— Здравствуйте, все четверо, — произнес он по-русски с чисто московским говорком, — Кэп и Библ, Малыш и Алик. — И, заметив невольное удивление гостей, тут же добавил: — Не удивляйтесь, мы уже научились вашему языку. Может быть, еще будем делать грамматические ошибки, применять слова не в том их значении, но намного реже. Теперь мы уже знаем, кто вы, ваши цели и осведомленность Координатора о вашем присутствии.

— Шлемы? — многозначительно спросил Капитан.

— Шлемы, — подтвердил их знакомец.

— А сколько вас?

— Четверо, как и вас.

— Идеальные условия для контакта. Равенство сторон, преодоленный языковой барьер и взаимная заинтересованность, — заметил Капитан и пошел за голубым человечком. Следом двинулись и остальные.

«Цирковой» манеж был все тот же, только амфитеатр исчез, сузив пространство до иллюзорной комнаты с двумя полукружиями противостоящих друг другу прозрачных кресел. Их окружала внутренность лимонно-

желтого шара без дверей и окон — даже входа в темный отсек уже не было. Невидимый источник чуть подкрашенного лазурью света не раздражал, а, казалось, даже смягчал назойливую яркость интерьера.

— Я — Друг, — сказал их знакомец, усаживаясь. — Мое имя непроницаемо по-вашему, а их — произносятся. — Он указал поочередно на усевшихся рядом: — Это Фью, Си и Ос.

«Совсем птичьи созвучия», — подумал Алик, а Капитан сказал:

— Наши вы уже знаете. Кстати, не понимаю почему. Разве шлемы не чисто лингвистический инструмент?

— Шлемы принимают и передают всю накопленную вами информацию. Мы ее процеживаем, отбираем существенное и закрепляем в блоках памяти.

— Значит, вы знаете о нас больше, чем мы о вас. Тогда вопросы задаем мы. Каковы отношения между двумя группами гуманоидов, определяющих цивилизацию вашей планеты?

— Никаких. Гедонийцев, как вы их называете, видят только немногие, да и то в регенерационных залах.

— Что вы знаете о гедонийцах?

— Немного. То, что они бессмертны, а мы нет. То, что наш труд служит им, питает и дает радость жизни.

— Давно?

— По вашему счету пошло уже второе тысячелетие.

— И никогда ни у кого из вас не возникало чувство протеста?

— Против чего?

Вмешался Библ:

— Против рабовладельческого, паразитирующего общества. Фактически уже можно говорить не столько о двух биологически различных типах человека, сколько о двух социальных группах: творческой, производящей, и паразитической, потребляющей. Неужели вам незнакомы категории социальной справедливости и социального протеста?

После тихого пересвистывания голубых курток слово взял Фью, более удлиненный, плоский и большеголовый, чем остальные. Он говорил по-русски так же чисто, только медленнее и отчетливее.

— Биологическое здесь важнее социального. Мы соз-

даны для одного, но по-разному. Одно — это наслаждение жизнью, разное — в понимании такого наслаждения. Мы наслаждаемся самим процессом труда, они — его производными. Мы и они, как стенки и дно одной чаши, как две дуги, образующие круг нашей цивилизации.

— Дуги могут быть разными. Короткая нижняя поддерживает длинную верхнюю. Снимите вершину — основание останется. Уберите опору — вершина обломится. То же и в примере с чашей. Срежьте верхнюю часть — получите дырку со стенками, а в нижней еще уцелеет и содержимое. У вас без гедонистов будут и жизнь, и радость труда, и его производные. А отнимите у них ваш труд — они потеряют всё: и радость жизни и саму жизнь. Неужели мысль об этом никогда не приходила вам в голову?

Воцарилось молчание, долгое и, как показалось Алику, скорее встревоженное, чем недоумевающее. Потом тихое пересвистывание с какой-то новой, взволнованной ноткой, и только затем последовал ответ Фью, в котором Алик опять подслушал не столько нерешительность, сколько испуг.

— Разве можно изменить неизменное и неизблемое? Почему вы тогда не спрашиваете нас о возможности погасить солнце или высадить сад на месте черной пустыни? Мы никогда ничего не переосмысливали и не перестраивали. Всё мы получили готовым: готовую планету, готовые пространственные фазы, готовую технологию. От нас потребовалось только управление, продиктованное программой, и смена поколений. Мысль о возможности изменить что-либо принесли вы, и для того, чтобы обдумать ее, нужно не только время. Нужны смелость ума, сила воображения и логика выводов.

— Хорошо, — согласился Библ, — оставим эту мысль созреть и расти. Но она рождает другую. Почему вы обманываете Координатор? Ведь это тоже протест, объединивший не двух и не трех человек. И скажем точнее: ведь это тоже попытка изменить неизменное и неизблемое.

На этот раз Фью ответил уверенно и без пересвистывающей подсказки:

— У нас нет физического бессмертия и сменяемости

циклов сознания. Мы рождаемся, стареем и умираем со всеми биологическими изменениями организма. Но при рождении каждому из нас вживается в мозг особая электродная сеть, как некий механизм связи с Координатором. Связь, постоянная и действенная от рождения до смерти, контролирует учебные и трудовые процессы и сохраняет стабильный демографический уровень. Я прибегаю к вашей терминологии и надеюсь, что вы меня поймете. То, что вы называете любовью, есть и у нас. Есть пары, но нет семьи и потомства. Это первая задача вживленных электродов. Дети рождаются в особых колониях у специально отобранных для этого «матерей». Вам, вероятно, известно, что в ядре любой клетки человеческого организма заключены все его наследственные признаки? Такое ядро, безразлично где взятое — в крови, коже или слизистых оболочках, — извлеченное из «отцовской» клетки и трансплантированное в организм «матери», сохраняет все наследственные свойства «родителей». Это вторая задача электродов по стабилизации демографического уровня города. Третья определяет предел работоспособности. У одних он наступает к сорока годам, у других к пятидесяти — я беру опять же вашу систему счета. Симптомы понятны: понижается скорость реакций, уровень внимания, быстрота действия. В таких ситуациях электроды мгновенно прекращают деятельность организма, а тело поступает в атомные распылители. Аналогичен финал и несчастных случаев, какие возможны в блоках телепортации и плазменных реакций. В регенерационные залы направляются лишь технологически особо ценные экземпляры.

— Эгоистично, безнравственно, жестоко и античеловечно, — подытожил Капитан.

Фью поморгал глазами — у него это получилось совсем по-земному — и сказал нерешительно:

— Большинство ваших терминов мне понятно, кроме последнего: античеловечно. Это и привело к тому, что вы называете чувством протеста. Столетие назад один из наших медиков при оживлении погибшего в аварии технолога изъясил у него часть электродной сети. Связь с Координатором сохранилась, оживленный мог получать указания и передавать накопленную им информацию. Но у него появилась свобода выбора и право са-

мостоятельного решения. Аннулировалась и неотвратимая раньше угроза насильственной смерти. Теперь вам понятно, что и как привело к созданию оппозиционного меньшинства технически связанного с Координатором, но сохранившего и тайну своего освобождения и неподавленную свободу воли.

Капитан с трудом сдерживался: Алик подметил, как сжимались и разжимались его кулаки. Да и все остальные были поражены тем спокойствием, даже бесстрашием, с каким была обрисована перед ними картина откровенного рабства, без всяких сомнений в его правомерности, без гнева и укора поработителям и без надежд на иное будущее. Даже крохотный лучик света, блеснувший здесь за последнее столетие, так и не пронизал всей толщи этого зловещего темного царства.

— Пора,— сказал Капитан,—пора наконец познакомиться и с Координатором.

Глава VII

ЧЕТЫРЕ ПУТИ В НЕВЕДОМОЕ. ГРАВИТАЦИОННЫЙ УДАР

— Это уже предусмотрено,— был ответ.— А до встречи каждый увидит то, что ему покажется наиболее интересным.

Совместное путешествие не планировалось: «Слишком шумно, четырехсторонний разговор неизбежно вызовет появление локаторов и защитных полей». Каких полей, землянам не объяснили. Каждый получил голубую куртку, чтобы «не привлекать внимания там, где это неизбежно может случиться». Каждый выбрал и провожатого: Капитан — Друга, Библ — Фью, а Си и Ос отправились с Малышом и Аликом. «Совершенно неотличимые»,— даже растерялся Алик, но Капитан, уже присмотревшийся к их внешнему виду, заметил, что первый был чуть темнее и курчавее. А вообще, объяснили им, обилие близнецов здесь было нормой, а не диковинкой. Многократная трансплантация клеточных ядер с одного индивидуума порождала людей с одинаковыми генетическими свойствами. Выбор свойств зависел от видов работы. Для одних наиболее важным была острота вни-

мания, для других — скорость реакций, для третьих — привычка к высоким температурам, для четвертых — способность к сложным математическим вычислениям в уме. Телекинетчикам требовалась повышенная энергетика мысли, синтезаторам — умение представить предмет, не забыв ни одной внутренней или внешней детали, диспетчерам пространственных связей — тончайшая точность стыковки. Но и при одинаковых генетических признаках даже в идентичных условиях операций близнецы далеко не всегда дублировали друг друга. Порой неуловимые психологические отличия, разные знакомства и влияния, индивидуализация вкусов создавали по существу разных людей. Друг совсем не походил на Фью, и даже между Си и Осом можно было подметить разницу. В общем, хороший народ, подумал Капитан, в нормальных бы условиях мог создать интересное общество. Убрать бы генетический подбор, узость специализации, ощущение вторичности, придаточности существования — и не в Аоре, а здесь могла бы возникнуть база здорового развития цивилизации. Но вслух Капитан этой мысли не высказал.

Молча подошли к знакомому перекрестку эскалаторных «улиц»-дорожек. Издали Алику показалось, что он видит высоченную елку, увитую цветным серпантинном так густо, что естественная зелень ее уже не просматривалась.

Вблизи переплетения формировали колоссальных размеров и невероятной причудливости геометрическую фигуру, теряющуюся в багровой смутности купола. Все это двигалось, свивалось, переплеталось, сворачивалось, играя искажениями формы и цвета.

— Мы чуть не пропали с Библом в этой мешанине, когда он свалился на одну дорожку, а я догонял его по другой, — вспомнил Капитан.

— Мог бы и не догнать, — заметил Друг, — большинство дорожек с односторонней поверхностью — сцепления скручены на полукружии.

— Понятно, лист Мёбиуса. — Капитан показал на пальцах, как образуется соответствующая полоска. — Сколько же связей на такой дорожке?

— Никто не пробовал подсчитывать — слишком сложно. Все сведения у диспетчеров.

Заинтересованный Алик обожал систему переплетений.

— Хитро. Но, вероятно, можно вычислить направление и протяженность?

— Пять-шесть порядков — не больше. За седьмым уже связность системы не вычислит ни одна машина. Сеть сверхпространственная. Только Координатор может рассчитать пути, уходящие за пределы трехмерности.

— Зачем?

Опять пересвистывание и осторожный, хотя и откровенный ответ Фью:

— Для отчужденности. Разные уровни — разные порядки связности. Жители одних пространств не проникают в другие. Даже мы не знаем всех уровней города. А мы можем передвигаться и без ведома Координатора.

— А зачем тогда вам вся эта сверхсложная система связей и уровней, когда можно совсем как в сказке: захотел, шагнул — и ты у цели, независимо от ее удаленности.

— Телепортация за пределами города, — пояснил Друг, — здесь только механизм телепортации. Хочешь взглянуть? Синяя дорожка. Да, вот она.

И они исчезли вместе с васильковой струей пластика, хлестнувшей сверху и винтом ушедшей под нависшее крыло плоскости. Библ предпочел травянистого цвета дорожку, увлекшую его к генетической пирамиде — рождению, младенчеству, детству и школе. Алик выбрал перспективу отдыха гедонийцев — на работе и после работы, а Малыш буркнул с кривой усмешечкой:

— Сиропчик. Вареньеце. Я лично смелость ценю, бесстрашие. У вас есть страх, скажем, перед высотой? Или перед скоростью? Есть риск для жизни? Есть опасность?

— Синтетический реактор, — лаконично ответил Ос, и пунцовая дорожка спиралью умчала обоих вниз.

— Американские горы, — хохотнул Малыш.

Их подбрасывало, прижимало свинцовой тяжестью к пластику, сгибало и выпрямляло. Малыш держался как влитой, да и Ос никак не реагировал на цирковые кунштюки дорожки: наверное, вестибулярный аппарат его был к этому приспособлен. «Не повод для страха, —

внутренне усмехнулся Малыш,— аттракцион для парка культуры и отдыха». А вслух спросил, почему же так трудно вычислить систему уравнений этой качалки: параметры-то одни.

— Какие?— спросил Ос.

— Протяженность, скорость, упругость, число витков,— начал было Малыш, но Ос перебил:

— А дискретность самой связности, переходы из трехмерного пространства в четырехмерное, скрученность и раскрученность стыков, однозначность скольжения. Хочешь еще?

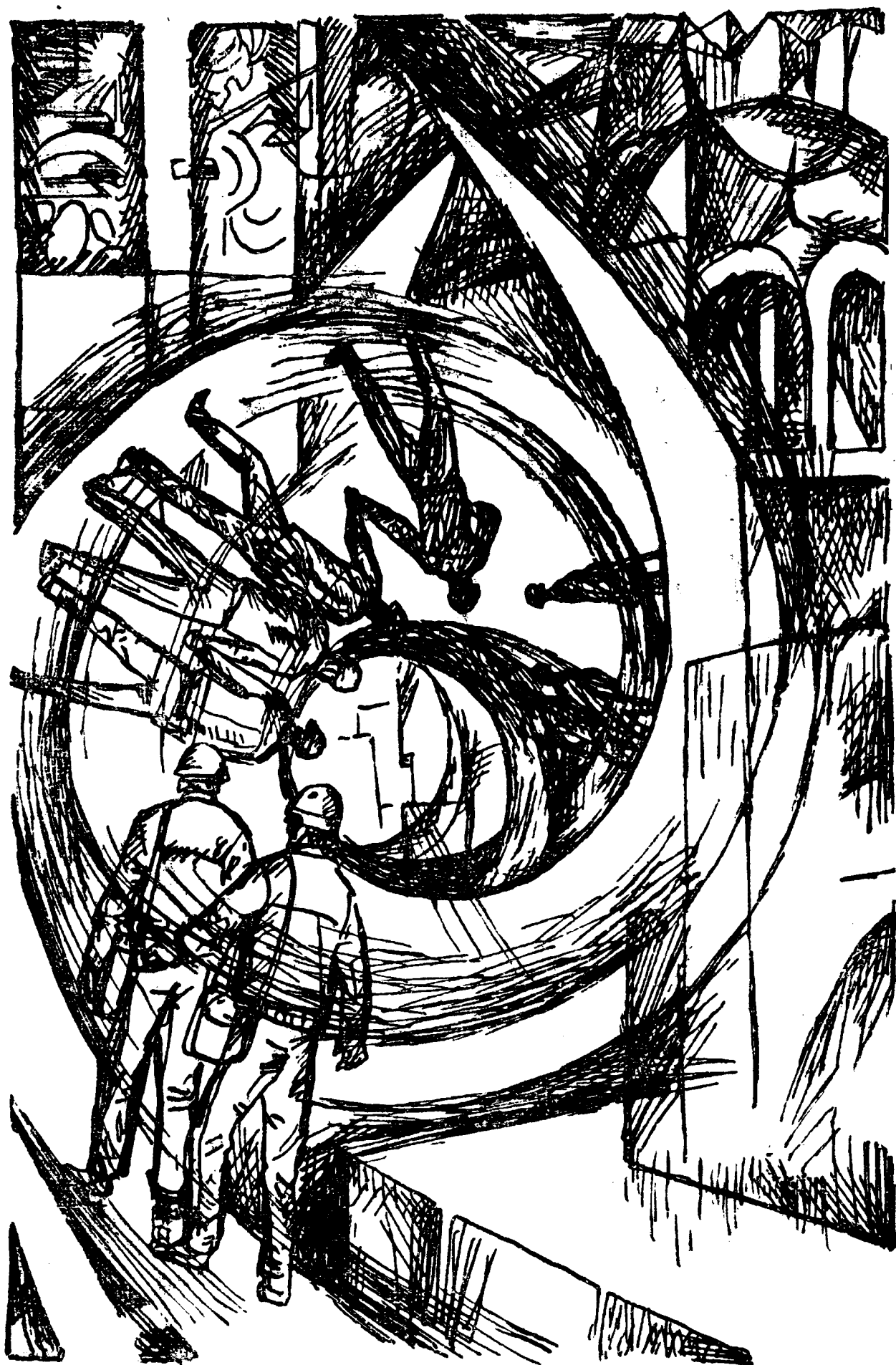
— Хватит.

«Пейзаж» по сторонам «улицы» Малыша не интересовал, само движение ее увлекало его, как виражи самолета. Это уже не аттракцион, это испытание воли и мускулов. Не для хлюпиков этот винтовой врез в серую муть, мгновенно защекотавшую глаза, уши и ноздри. Становилось темнее с каждой секундой, температура росла.

— Что это?— хрипло спросил он едва заметного в «смоге» спутника.

— Катализатор.

Какой катализатор, для какого процесса, Ос не объяснил, а Малыш постыдился спросить. Процесс же явно менял суть и характер, жжение в носу и ушах исчезало, в глазах появились очертания возникающих в тумане предметов, смутно напоминавших что-то знакомое: прозрачное кресло, вырвавшееся прямо из пустоты и заслоненное розовой сферой, пузатый кувшин с узким горлышком, рукоятка «хлыста», блюдо или пепельница. Нет-нет, едва ли пепельница: здесь не курили. А там уже плыли гигантские прозрачные дирижабли, как сгустки жидкого пламени в черном небе. Плазма или фотонный газ? Вероятно, плазма: жидкий свет едва ли подходящая среда для синтетических операций. Впрочем, кто знает, их наука и техника не для пилот-механика Восточно-Европейской космической службы. Мало каши съел, чтобы понять эту психовину. Но где же все-таки риск, где опасность, где подстерегает она ротозеев у пульта? Ведь есть же у них ротозеи, влюбленные мечтатели за отвлекающей от мечты работой, фанатики

Дорожку вдруг скрутило наизнанку...

идеи, туманящей даже натренированный глаз. Или их нет? Или на месте Координатор, регулирующий такую же фантастическую технику безопасности?

— Осторожней,— услышал Малыш, и цепкая рука сзади схватила его за плечо.— Не отклоняться! Опасно. Держись крепче.

— Что?— не понял Малыш.

Ос не ответил. Дорожку вдруг скрутило наизнанку в двух шагах впереди. «Улица» сузилась до размеров лифтовой шахты, скошенной под углом в сорок пять градусов. Скорость по уклону, как показалось Малышу, была, дай бог, меньше ста километров в час. Ветер свистел в ушах, как на санных гонках, только температура была банной и повышалась с каждой секундой. А вместе с жарой что-то гнуло и прижимало к пластику пола. Хотелось лечь, но осторожность подсказывала Малышу, что этого делать нельзя. Он даже пот, бегущий к губам, стереть не мог — избегал неосторожных движений. А в чем опасность? Может быть, этот хлюпик, вцепившийся ему в плечо, недооценивал его атлетизма? Дорожку тут же скрутило набок, потом вниз и снова вывернуло горизонтально, но Малыш даже не покачнулся. Либо здесь иной гравитационный режим, либо скорость гасит уклон. Жара дошла до пределов человеческой выносливости. Малышу показалось, что он пронизывает стены горящего дома. На мгновение что-то закрыло ему глаза и погасило мысль. Коллапс? Но тут-то он и осознал, что маленькая цепкая рука, как стальная, держит его, не позволяя упасть.

— Согни правую ногу в колене, левую оттяни назад — будет легче,— услышал он.

Голос был странно тих в окружающей бесшумности, глушившей, казалось, все звуки, которые могло бы породить это вихревое движение в цветном сумраке шахты. Но Малыш услышал и успел удержаться, опершись на колено, когда шахту снова согнуло и закружило до боли в висках. Зачем это нужно? Какие законы механики требуют скручивания и раскручивания то дорожки, то шахты, какая технология диктует эту необходимость удерживаться в однолинейном пространстве, когда это пространство волею невидимых сил превращается в причудливую топологическую поверхность? А ведь по

этому пути движутся ежедневно, ежечасно, может быть и ежеминутно, синтезаторы, уловители, пространственники или как еще назовешь этих волшебников непостижимой для землянина техники!

Наконец дорожка вырвалась в голубое пространство, как взлет самолета в чистое небо. Ровный, без смещения или игры красок голубой купол и золотистый шар вдали, не солнечно-золотой, ослепительной яркости, а именно золотистый, как купол собора в голубой дымке.

Сжимавшая плечо Малыша хватка ослабла.

— Что это было?— спросил он.

— Прошли конвертор.

— Что?!

— Я употребляю привычные для вас термины. Так вы охарактеризовали бы его в научном описании. Функция двигателя и генератора. У нас говорят проще: вертушка. Часть синтезатора.

Дальнейших объяснений Малыш не потребовал: все равно китайская грамота. Он просто сказал:

— Мы только двигались. А кто же работает в этой вертушке?

— Наиболее приспособленные. К жаре, к скорости, к вибражам.

— И срываются?

— Иногда. Некоторых спасают.

— А других? В атомный распылитель?

Ос промолчал. Золотой шар вдали недвижимо висел в голубой дымке, как миниатюрное солнце. Таким бы он показался с борта космолета, пролетавшего мимо,— только бы зачернить купол. Именно туда, к проектируемому глазом уровню, и подымалась их капризная пластиковая дорожка.

— Координатор?— спросил Малыш, почему-то понизив голос.— Где же ребята?

— Сейчас встретитесь все. Время и протяженность наших путей синхронны.

Может быть, это было и так. Но Алик, как и Малыш, на всей протяженности этих путей не думал об их синхронности. Он думал о другом.

— Почему мы все время ползем вверх?

Си ответил:

— Потому что третий порядок отдыха мы захватим только на двадцать девятом уровне.

— Почему третий? А где второй и первый?

— Второй и первый — порядки ночи. Первый — сон, второй — пробуждение. Третий снимает стресс во время работы.

Алик не рискнул больше спрашивать о порядках и уровнях, тем более что подсчитывать последние было почти невозможно. Они то появлялись, то исчезали во время скольжения, не соблюдая никакой очередности, не сравнимые ни с площадками, ни с этажами, являясь то пространством, ограниченным экранами или пультами, то емкостью, наполненной цветным газом. Такой бассейн с прозрачными «стенами» встретил их и на двадцать девятом уровне — колоссальный аквариум с оранжевой жидкостью, вздымавшейся и падавшей под ударами множества человеческих тел. Алику показалось, что он на состязании пловцов-ныряльщиков, резвящихся под водой, почему-то подкрашенной суриком. У них не было ни масок, ни аквалангов, чтобы так непринужденно держаться под водой, но никто даже не пробовал вынырнуть, чтобы глотнуть воздуха. Либо это были амфибии, либо оранжевая среда не была жидкостью. Алик мог бы назвать ее цветным «смогом», смесью, содержащей кислород воздуха с растворенной в ней сухой апельсиновой краской, по-видимому, безвредной для легких. Но за точность гипотезы он, разумеется, ручаться не мог.

Си предложил раздеться и присоединиться к пловцам. «А безопасно?» — спросил взглядом Алик. «Вполне», — ответил на том же языке Си. Разделся он молниеносно и, скрывая удивление, наблюдал за маневрами Алика. Особенно поразило его нательное белье и носки, но вопросов задано не было. Он только прыгнул с неподвижного края дорожки в оранжевую воздушную муть и повис, не проделывая никаких движений пловца. Алик отважно повторил его опыт и очутился в той же среде, мгновенно потеряв тяжесть.

— Молчи, не кричи, не спрашивай, — сказал провисший параболой Си, и Алик вдруг, неожиданно, осознал,

что его кто-то держит, не позволяя шевельнуть даже пальцами.

Та же невидимая, но осязаемая сила вдруг выгнула его дугой, опрокинула на спину и вывернула дугу назад так, что хрустнули кости. Алик глотнул ртом воздух — его окружал действительно воздух — и попробовал выпрямиться, но его тут же согнуло на левый, а потом и на правый бок. С выносливостью сухожилий и мышц этот невидимый «кто-то» никак не считался, и Алику хотелось выть от боли, когда его вытягивали по горизонтали.

Что происходило с его спутником он даже не видел, только один раз мелькнул перед ним вывернутый немислимым кольцом Си.

— Больно, — скорее прошептал, чем выкрикнул Алик, но пытка в оранжевом «смоге» по-прежнему продолжалась: Алика тянули, сгибали, выворачивали, давили ему на мускулы живота и спины, пока он наконец не догадался, что это «производственная гимнастика» на местный лад.

Кончилась она так же прыжком — только не вниз, а вверх; Алика при этом мягко выбросило на край «аквариума», где лежала его одежда и откуда он совершил свой необдуманый нырок в оранжевую муть.

— Жив? — совсем по-человечески усмехнулся одевавшийся рядом Си. — Я же говорил — безопасно.

— Не говорил, а подумал.

— Но дошло?

Не ответив, Алик оделся, чувствуя, как его раздражение испаряется, уступая пьянящему чувству бодрости, легкости, свежести, стремления что-то сделать, двигаться, действовать.

— Что за бассейн? — спросил он.

— Фотонная газокамера.

— Жидкий свет, — сообразил Алик. — А что превращает человека в куклу?

— Гравитационный массаж.

Алик вздохнул. Получив ответ на вопрос «что», бесполезно было спрашивать «как». Все равно что муравей станет спрашивать у человека, как расщепляется атом. Он еще раз взглянул на голых человечков, которых гнула и выворачивала невидимая тяжесть, и сказал:

— А они и здесь не общаются.

— Здесь и не нужно. Ты посмотри на них после работы.

— Четвертый порядок,— съязвил Алик.

Но Си не понял иронии.

— Мы еще успеем и к четвертому и к пятому. Потопись.

Неизвестно какой по счету уровень оказался похожим на холл аэровокзала. Как и в других открытых пространствах города, он не имел видимых границ. Просто люди, сотни голубых людей в одинаковых куртках сидели кто где, неизвестно на чем — мебель вообще не просматривалась.

— Садись где хочешь — там и кресло,— подсказал Си Алику.

Он так и сделал.

Что-то щелкнуло, и все стихло. Алик хотел было спросить у Си, но тот приложил палец к губам. Молчание навязывалось, как перед спектаклем, и он не заставил себя ждать. Что-то обручем сжало горло, перехватило дыхание. Бессмысленная тоска, беспричинная жалость наполняли Алика, вытеснив прочие ощущения. Глаза наполнились слезами, он уже не смог сдержать их, да и не хотел сдерживать, слезы уже ощущались и на губах каплями соленого пота. Вытирая их, он успел заметить, что Си тоже плачет, но спросить не успел: новый шок перехватил дыхание. Слезы высохли, и тоска исчезла, словно ее выдула мощная волна радости, за которой тотчас же последовала вторая волна — веселья, такого же бессмысленного и беспричинного. Алик ни о чем уже не спрашивал, ничем не интересовался, мысль исчезла. Ее вытеснил смех. Алика трясло и передергивало от смеха, глаза снова наливались слезами, в горле першило, но уже от хохота, истерического и неудержимого. Сколько минут продолжался этот пароксизм, Алик даже приблизительно не мог сказать, но кончился он так же внезапно, как и возник. Только дышать вдруг стало легче и думать радостнее, мозг словно прополоскали какой-то освежающей живительной жидкостью. «Подзаряжают эмоциональные аккумуляторы», — подумал он и сказал вслух:

— Я все понял, Си.

...— Я все понял, Фью,— почти в то же время сказал и Библ, отнюдь не предполагая синхронности, в данном случае чисто случайной и уж никак не волшебной. Просто он выразил свои чувства, просмотрев на экране урок математики для четырехлетних.

Отражение на экране было действительностью, только не окружающей, а отдаленной двумя десятками уровней. Экран не был телевизорным, не был он и экраном — просто эту действительность приблизили без всяких оптических фокусов, только не впустив в нее Библа, чтоб не нарушить детского мыслительного процесса. А он был сложным и трудным и требовал от ребенка дерзости мысли, ее удивительной способности искать и открывать новое. Математические изображения и символы, принятые на Гедоне, переводились в сознании Библа на понятный ему язык земной математики, и он был буквально потрясен тем объемом математических знаний, каким уже обладали четырехлетние человечки в крохотных курточках. Когда их сверстники на Земле усваивали еще только азы арифметики, они уже оценивали искривленность трехмерного мира. Библ понимал, конечно, что для управления сложнейшей техникой этого мира нужна и соответствующая ей подготовка, но его поразила ее ограниченность — не в объеме знаний, а в стремлении этот объем увеличить. Не устранил этого недоумения и Фью, кратко пояснивший, что нынешний объем знаний придан цивилизации с ее основания и остается незыблемым, как и она сама.

— Значит, научные открытия не поощряются? — спросил Библ.

— Все, что нужно, давно открыто.

— И никаких загадок в природе нет?

— Требующих разгадок, какие могут обогатить человеческий разум? Нст.

— Я впервые не верю тебе, Фью.

— Почему?

— Это действительно твое мнение или ты повторяешь то, чему учат вас в школах?

Фью не ответил. «Еще один психологический шок», — внутренне усмехнулся Библ.

...А где-то на другом уровне города, у световых табло, которые с таким же успехом можно было назвать пространственными видеоскопами или демонстрационным вакуумом, ничем не ограничивающим возникавшие в нем цветные загадки — Библ остроумно назвал их уловителями желаний, — Друг объяснял Капитану механизм телепортации. И Капитан, даже не думая о возможной синхронности с разговором Библа, задал своему собеседнику столь же щекотливый вопрос:

— В общем, все ясно, кроме одного. Для кого?

— Не понимаю.

— Для кого это техническое чудо? Для вас?

— Оно прекрасно само по себе. Мы позволяем мысли, только мысли, стать хозяином передвижения в пространстве.

— Позволяете вы, но не вашей мысли и не в вашем пространстве.

— Ты в чем-то прав. Но само управление столь совершенной технологией не может не быть наслаждением.

— Так пользуйтесь и тем, что это наслаждение дает. Его отдачей. Как я понял, вы искривляете пространство, сближаете объекты для связки, создаете стык. Ну, и входите, куда вам хочется.

— Нельзя. Диспетчеры пространственных связей не могут выходить на линию стыка. Кривая должна пройти мимо. Малейшее отклонение и... гравитационный удар.

— Попробуем.

— Что?

— Соедини вон эти зеленые точки. — Капитан взглянул на табло. — По-моему, они ищут друг друга.

— Ничего нет проще. Смотри на ленточку сверху — вертикальные цветные полосы. Это не спектр, а формула. Очередность полосок должна оставаться стабильной. Теперь сближай. Не годится.

— Почему?

— Шов чернеет. Стык не точный. Разъединяю.

— Я соединял по кривой.

— Так и надо. По прямой нельзя — можешь коснуться линии связки. Ну!.. Слишком медленно. Шов снова грязный. Гляди.

Друг мгновенно соединил два зеленых пятна. Где-то в зеленом мире кто-то куда-то вошел или вышел. Друг пояснил.

— Вот так. Повтори. Только не забывай о формуле связки.

Капитан нашел два скользящих синих пятна. «Аора»,— подумал он и посмотрел на полосатую ленточку. Ему показалось, только показалось, что одна полоска как бы набегаает на другую. Не то голубая убавляет пространство серой, не то серая теснит голубую. «Погоди»,— услышал он, но уже не смог притормозить мысль. Пятна соединились, и вдруг что-то ударило его по глазам. Миллион искр — и тьма. Колодец без дна. А он сам летит вниз бесшумно и бесконечно. Никакой боли. Только ощущение падения, как в затяжном прыжке с парашютом. И наконец толчок, что-то пружинит, мягко укладывая на протянутом черном бархате. Он уже ощущает тело, кожу, сосуды, веки. Они чуть-чуть поднимаются, пропуская тоненькую полоску света. Полоска расширяется, и ослепляющая белизна заливает мир. Как молоко из бутылки, вылитое на черный стол. А он опять движется, но уже горизонтально, на чем-то тоже белом и в белом туннеле, почему-то напомнившем ему регенерационные залы. Может быть, он и в самом деле в этих белых подземных подвалах?

Он хочет спросить сопровождающих его маленьких людей в знакомых курточках. Губы его уже шевелятся, но вопрос замирает невысказанным, когда доносится тихий шепот:

— Молчи. Не сейчас. Не двигайся.

Ничего не ощутил Капитан, когда горизонтальное положение его вдруг сменилось вертикальным,— ни толчка, ни мускульного напряжения, ни тяжести, ни вращения, с каким спиралью понесла его вверх синяя пластиковая дорожка. Так в кабине самолета ощущаешь отрыв от земли только по убегающему вниз ландшафту. Здесь же убегали вниз встречные дорожки, секущие и касательные плоскости и уровни с их недоступной пониманию машинерией.

— Что случилось? — с трудом выдавил он наконец вопрос к своему, не проявляющему беспокойства спутнику.

— Гравитационный коллапс,— ответил тот тоном человека, разговаривающего о погоде.— Ты искажил формулу.

— А потом?— спросил хрипло Капитан.

— Как обычно. Реанимация.

Ну о чем дальше спрашивать, о каких подробностях, которые даже не счел нужным упомянуть голубокожий? Впрочем, у Капитана оставался еще один вполне нейтральный вопрос:

— Куда же мы едем?

— Уже приехали.

Глава VIII

РАЗГОВОР С КООРДИНАТОРОМ. ПЕРЕД ПОСЛЕДНЕЙ РАЗВЕДКОЙ

Голубая дымка наполняла овал, подобный земному футбольному стадиону. По краю его, как беговая дорожка, тянулась неподвижная черная лента без всякой ограды. Если подойти к краю и посмотреть вниз и вверх, голубая бездонность касалась одна другой, как зеркальное отражение. В центре висел золотой шар метров пятидесяти в поперечнике, слабо подсвеченный изнутри. Когда вы глядели на него долго и пристально, он начинал пульсировать многоцветно и ярко, как и всё в этом городе. Он как бы излучал сквозь золотистую пленку подсвеченные золотом другие цвета. Алик тут же предположил, что Координатор мыслит, а свет и цвет — это возникновение и движение мысленных ассоциаций, но ни его товарищи, ни их спутники его не поддержали. Только Капитан строго сказал:

— Отойди от края. Сорвешься — костей не соберешь.

— Совершенно безопасно,— поправил Фью,— среда невесомости. А голубая дымка — это сконцентрированный газ-проводник. Единственное средство связи Координатора с окружающим миром.

Действительно, никаких труб, проводов и нитей не было видно в голубой дымке, окружающей шар. Ничто не связывало его с черной дорожкой. Он висел или дер-

жался, неподвижный, но живой и, казалось, легкий-легкий, несмотря на свои размеры.

— Значит, он нас не слышит?— спросил Капитан.

— Нет.

— А как с ним общаетесь вы?

— Через электродную сеть.

— Тогда мы лишены этой возможности.

— Почему? Вы можете общаться с ним непосредственно через газ-проводник.

— С помощью шлема?

— Зачем? Общение телепатическое. Только учтите: это не Мозг. Это — совершенная машина, мыслящая и действующая в пределах заложенной в нее программы. Любые мысленные ассоциации или решения, не обусловленные программой, исключены. И ответить на ваш вопрос Координатор может лишь в том случае, если память его достаточно богата для такой информации.

— Он знает, что мы здесь?

— С первой минуты.

— Я говорю о предстоящем разговоре.

— Да.

— Тема не обуславливается?

— Нет.

— Тогда начнем. Ты меня слышишь, Координатор?— громко произнес Капитан, уже обращаясь непосредственно к золотому шару.

Ничто не прозвучало над голубым покоем, но в сознании каждого из наших героев сформировался в знакомых звуках ответ:

— Слышу.

— Мы узнали всё, кроме мира лилового солнца. Когда мы увидим его?

— Завтра.

— Все ли миры одинаковы по объему и протяженности?

— Миров нет. Есть пространство, позволяющее нам его изменять.

— Одно пространство, но пять солнц?

— И солнце одно. Остальные — лишь его отражения в атмосфере замкнутых емкостей, где деформация пространства переходит в область иных измерений.

— Значит, зеленый мир — это не вся планета?

— Нет. И Аора тоже лишь ограниченное деформированное пространство. И Голубой город, за пределами которого только черный камень и пыль. И согревает его не отраженное, а единственное настоящее солнце, встающее и заходящее над пустыней.

— Почему же не превратить пустыню в оазис?

— Планета закрыта для пришельцев из космоса.

— Но им оставлена приманка в виде бродячих миражей.

— За тысячу лет ослабили связки, и замкнутость измененных пространств утратила цельность. Впрочем, миражи тоже закрыты.

— Мы прошли.

Реплика Капитана не прозвучала вопросом, и ответа не последовало.

Тогда он построил ее иначе:

— Мираж города был открыт. Почему?

— То был не мираж. Когда вам разрешили войти в пространство Голубого города, оно соединилось с пространством пустыни.

— По указанию Учителя?

— Да.

— Как же было получено указание? Ведь голубой газ ограничен этим бассейном.

— Мысль Учителя проникает сквозь любую материальную среду. Ее энергетическая сила равноценна множеству единовременных и одинаковых сигналов различных мыслящих индивидуумов.

— Каким же способом доходит твоя ответная информация?

— Не знаю.

— Значит, тебе неизвестна схема твоего собственного устройства?

— Нет.

— Как же ты управляешь городом?

— Сигналов слишком много, чтобы о них рассказать. На каждый сигнал извне я даю сигнал изнутри. Как предписывает программа.

— Ее можно изменить?

— Конечно.

— А изменяли когда-нибудь?

— Никогда.

Капитан вдруг осознал, что у него нет больше вопросов. Подробней информировать землян о своей работе Координатор не мог: у них не было для этого соответствующей технической подготовки. Затеять же философские споры с машиной по меньшей мере было нелепо. Но Библ все же решился:

— Разрешите, Кэп...— И в сторону золотого шара:— Каковы взаимоотношения двух населяющих планету народов?

— Народ один, различны только биологические виды.

— Каков же строй, их объединяющий?

— Не знаю.

— Можно ли охарактеризовать его как рабовладельческий?

— В объеме моей информации нет подобного термина.

Алик, которого почему-то раздражало участившееся пульсирование шара, словно подтверждавшее его вывод, не выдержал.

— О чем разговор?! — крикнул он. — Мы и без этой тыквы знаем, какой у них строй! И не спрашивать о нем надо, а переделывать.

— Торопыга, — ласково усмехнулся Капитан и добавил: — А ведь он, в сущности, прав по крайней мере в одном: дальнейший разговор беспредметен. Попросим наших друзей проводить нас к выходу и условиться, с кем мы пойдем в их лиловую безмятежность.

— Так, значит, переделать? — подмигнул он Алику уже за обедом на станции, настоящим обедом из консервированного мяса и макарон с чилийской подливкой. Шлемы и голубые куртки, полученные в качестве сувениров, были оставлены внизу, и ничто сейчас, кроме привычной черноты за окном, не напоминало им о чужой планете. — Так что же ты собираешься переделать, сынок?

Алик не растерялся. «Наивный вопрос», — сказал его вызывающий взгляд.

— Что переделывают революции? Строй. Систему производительных сил и производственных отношений.

Характер социальных связей. Их проклятую стабилизацию жизни.

— Законное стремление. А рецепт?

— Из двух слоев цивилизации сделать один.

— Как? Скажем, уничтожить Аору?

— Если понадобится — уничтожить. Из двух народов только один перспективен. А другой... Один мудрый человек в прошлом хорошо сказал: «Если враг не сдается, его уничтожают».

— А если сдается? Все по-прежнему, да? Корми, обувай, одевай, суй в Нирвану, а потом оживляй снова? Значит, уничтожить? А кто этим займется? Мы? С ядерным оружием, с излучателем стираем с планеты деформированные пространства Аоры и Зеленого леса? Выжигаем эвкалиптовые аллеи и голых ребятишек в голубых плавках? А потом, ты очень уверен, что уже после первого удара против нас не будут применены санкции?

— Мальчишка! — сказал Малыш. — Хотя я бы и сам сжег Аору без всякого сожаления.

Все посмотрели на Библа. Социолог, хранилище юридической премудрости, универсальный ум — что он скажет?

Пришлось сказать.

— Космические инструкции не препятствуют нам участвовать в социальных переворотах на стороне угнетенных классов или народов, но ведь мы не видели здесь даже намек на подготовку такого переворота. По-моему, мы не совсем понимаем хозяев Голубого города. Они не глупее и не умнее нас, они просто мыслят иначе. Энергичнее, интенсивнее, быстрее. Настолько быстрее, что порой даже не могут приспособиться к движению нашей мысли. Вы с Аликом, — обратился он к Малышу, — много разговаривали со своими спутниками?

— Почти не разговаривали, — сказал Алик, — слово к слову, не больше.

— А почему? Думаете, тем не было? А им, в сущности, было трудно поддерживать ваш ритм мысли: для них он слишком замедлен. Вы обратили внимание на их пересвистывание? Может быть, каждый звук у них — это не слог и даже не слово, а система образов или понятий? А с какой точностью и быстротой они овладели всей

системой нашего языка! Разве дело только в шлемах? Просто их мозг устроен иначе. Они, например, обходятся без анализа, воспринимая мысль или понятие целостно, сразу. Фью, как я заметил, даже старался изучить нашу аналитическую способность мышления и, я думаю, с успехом ее одолеет. Так что наши выводы об их жизни, строе и общественных отношениях как семена, брошенные в землю, в конце концов дадут ростки. Не думается, что они не вызовут сочувствия. Поэтому пождождем, а?

— Может, они и гедонийцев перевоспитают?— встрепенулся Алик.

Библ засмеялся. В одной мальчишеской реплике Алика вдруг исчезла вся его научная подготовленность. Но не обижать же парнишку.

— Не берусь предсказывать, когда. Попробуй посчитать на счетчике в телекабинете. Только оперируй не годами, а столетиями, и тебе, и машине легче будет. Ведь это не только социально, но и биологически разные виды. Стрекоза и муравей ближе друг другу, чем гедониец и голубокожий. И в то же время они подогнаны так, что трудно им отказать хотя и в искусственной, но все же гармонической слитности. А что скажут мои противники в споре? Какая еще к черту гармония! Просто один из бесчисленных технократических вариантов, не больше. Что-то от жреческой олигархии, что-то от примитивного гедонизма с его обязательным «все дозволено», что-то от интеллектуальной аристократии, опирающейся на труд не то роботов, не то киборгов, не то просто искусственно выведенных людей — пусть не в колбах, не по эталонам, но все же направленно, по плану, с отрегулированным демографическим уровнем. Об этом сотни раз писали и футурологи, и фантасты, да и в реальной космической практике человечество уже знает нечто подобное. И все же я утверждаю, что Учитель создал уникальную модель цивилизации, технически совершенную и биологически оригинальную. Уже сами по себе оба цикла — смерть без огорчения и бессмертие без равнодушия — не могут не заинтересовать футурологов. И при всем том цивилизация эта антигуманистическая и социально опасная. Ведь создателям удалось самое трудное: сохранить свой статус-кво на миллионы лет.

В этом обществе, отчужденном от эволюции, не может быть революции без вмешательства извне. Даже полное уничтожение электродной сети не освободит голубокурточников от их опьяняющего закрепощенного труда.

— Повернуть надо,— сказал Малыш,— пусть для себя и трудятся

— Я и говорю: есть Голубой город...— начал было Алик, но Капитан перебил не строго, но решительно:

— Есть еще Аора и Зеленый лес. Есть и лиловый мир. Поэтому подождем с выводами. Объявляю следующий распорядок дня...

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

Часть четвертая

ЛИЛОВОЕ СОЛНЦЕ

Глава I

СНОВА КООРДИНАТОР. ПЯТЬ СТУПЕНЕЙ БЛАЖЕНСТВА

Распорядок следующего дня начался со встречи с Фью на пороге Голубого города.

— На этот раз без осмотра города прямо к Координатору.

— Почему не сразу в Нирвану?

— Вам всё объяснят. Держитесь крепче.

Вскочили следом за Фью на голубую дорожку. Каждый держался за плечо товарища. Но и это мало помога-

ло. Пришлось присесть. Дорожка врезывалась винтом в багровую муть с такой же скоростью, с какой вчера проносились мимо диспетчеры пространственных связей.

— Подъем? — спросил Капитан стоявшего впереди Фью.

— У нас нет ни подъемов, ни спусков. Мы просто передвигаемся с одного пространственного уровня на другой.

Золотой шар Координатора в своем голубом аквариуме возник спустя две-три минуты. Еще через три минуты подошли прямо к нему по черной галерейке.

Капитан оглянулся. Фью уже не было.

— Где же он?

— Кто?

— Фью.

— А нужен он нам? — пожал плечами Малыш. — Поторкуем и так. Спрашивай.

— О чем?

— О Нирване, о чем же! Как туда попадем, что увидим.

Капитан переадресовал вопрос в голубое пространство. Несколько секунд золотой шар безмолвствовал, играя оттенками своей золотой расцветки. Потом в сознании каждого откликнулось:

— Фью проводит вас до прямого винта.

— Винта? — переспросил Капитан. — Какого винта?

— Вы называете его дорожкой или эскалатором. Винт — это наш термин.

— Но Фью исчез.

— Он появится, когда понадобится. Я не слышу твоего вопроса, но все вы хотите, чтобы я рассказал о том, что вы называете Нирваной.

— Ты не ошибся.

— Винт приведет вас в пространство, похожее на кратер. С круга в центре сойдите. Это конец и начало винта. Иначе он уведет вас назад. Стены кратера — пять оттенков лилового, от бледно-сиреневого до густо-фиолетового. Пять ступеней блаженства. Самый темный — сны, светлый — атараксия. (Алик услышал — «транс», Малыш — «вакуум».) Между ними по густоте цвета — воспоминания, предположения, воображения. Все ясно?

— Не все. Сны — это понятно. Такие, как в жизни.

— Не совсем. Только счастливые. Но такие же смутные, розовые и голубые. Без конца и начала.

— А воспоминания?

— Воспроизводство пройденного. Человек снова переживает самые счастливые дни своей жизни. Потом забывает и переживает опять. И так до конца ступени.

— Предположения?

— По существу, это — мечта, потому что в основе мечты предположение. Человек предполагает отомстить обидчику, но не может; обидчик намного сильнее. Так в действительности. Но здесь предположение всегда сбывается. Человеку хочется стать сверхчеловеком; вольному — владеть своим телом, подобно ксору; магу — обладать силой сирга. Все это сбывается, забывается и оживает снова.

— Но в основе воображения тоже предположение. Зачем же создавать другую ступень?

— Не знаю. Но ступень другая. Материализуется то, что предполагаешь сейчас, сию минуту. Не исправляется прошлое, а рождается будущее, становится жизнью выдумка, осуществляется гипотеза.

— Даже научная?

— Любая.

Капитан задумался, мысленно представляя себе, как можно материализовать идею.

— Спросите его о трансе, — шепнул Алик.

Капитан отмахнулся: после, мол, после.

— Чудак, — сказал Малыш, — не спишь, не дремлешь, ничего не чувствуешь и ни о чем не думаешь. Кругом темно, а ты в полном сознании.

Изменчивая игра оттенков золота показывала, что шар напряженно «вслушивался», пытаясь выделить главную мысль собеседников, что «разговор» его с ними еще не окончен.

— Как же передвигаются от ступени к ступени? Телепортация? — спросил Капитан.

— Телепортации по желанию в Нирване нет. Мы передвигаем людей по окончании цикла, как из Зеленого леса в Аору. Открываем защитные поля, ограждающие ступени.

— А как будем передвигаться мы?

— Разделитесь по двое, сверите время по вашим зем-

ным приборам, разойдетесь и снова встретитесь в кратере. Защитные поля пропустят вас, реагируя на теплоту ваших тел.

Пятнистая игра оттенков шара исчезла. Золотистая поверхность его снова приобрела однотонность. Шар умолк.

И тут же появился Фью. Он подкрался незаметно, как кошка, или его снова выбросил на галерейку какой-нибудь скрытый «винт».

— Где ты пропадал? — спросил Библ.

— Я не имел права присутствовать при разговоре, — ответил загадочно Фью. — Я мог бы остаться незамеченным, но в этом не было необходимости. Пошли, — закончил он совсем по-земному.

Алик замыкал шествие, наблюдая идущих впереди, как в тумане. Не то чтобы у него болели глаза от ставшей уже привычной яркости здешних красок, нет, привычной не стала вся эта ярмарка чудес, ошеломляющих с каждым новым явлением. Стремительное взвинчивание дорожки, говорящий без слов золотой шар, плавающий в прозрачной голубой дымке, предчувствие еще более удивительных впечатлений — все это туманило взор и щемило сердце. Почему Фью молчит не отвечая на реплики Капитана, почему он скромно отходит в тень, указывая на лиловую дорожку в очередном переплетении путей? Почему все становятся гуськом, положив руки на плечи переднего? Значит, новый взлет в небо? А может, не в небо? Дорожка действительно взвинчивается в цветное месиво, но трудно определить характер движения. Подъем или спуск? А вдруг горизонталь — как нож, врезающийся в брусок вынутого из холодильника масла? Пластиковый пол раскачивается и подпрыгивает, завихряясь на поворотах. Голова кружится, как на карусели. Малыш что-то кричит... не слышно. Что это? Винт замедляет движение, мягко отбрасывая стоящих на такой же лиловый пол. Бледно-сиреневая прозрачность сменяет густую фиолетовую муть.

— Приехали, — сказал Капитан.

На лице его застыло нескрываемое разочарование. Золотой шар не обманул. Они действительно находились на дне кратера с гладкими стенами неопределенной массы. Стены расходились пятью гранями усеченной пирамиды

различных оттенков лилового цвета с размытыми границами. Над однотонно лиловым цирком неподвижно висело в небе такого же цвета солнце. Трудно было представить себе что-нибудь более тоскливое и унылое. Даже картина черной пустыни с ее пыльным блеском казалась менее удручающей.

«Дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми», — вспомнились Капитану слова из древнего псалма или молитвы. Дух праздности и уныния. Даже религиозный аскетизм средневековья не возрадовался бы такому ландшафту.

— И это цвет блаженства? — спросил он с издевкой.

— Может, плюнем — и назад? — кивнул Малыш на вибрирующий круг в центре.

— Последний круг ада, — усмехнулся Библ, — все-таки надо его пройти. Разделимся, Кэп. Мы с вами начинаем с воспоминаний и предложений — сны, я думаю, нам ни к чему, — а Малыш с Аликом испытают воображение. У Алика его хватает. Встретимся здесь в пределах часа. Золотая тыква — меткое определение Алика — предложила сверить время по нашим земным приборам. — Он посмотрел на часы: — У меня десять утра. Сверили?

Библ и Капитан пересекли кратер. До ближайшей стены, уходящей наклонно к подоблачным высям, было не более тридцати метров. Но при всей ясности ее фиолетовой густоты они опять же не могли определить ее массы: стена распахнулась перед ними, как занавеска, а протянутые руки нащупали только воздух. Впрочем, не это привлекло их внимание. В появившемся в стене пролете открылось необычайное и оригинальное зрелище.

Расширяясь кверху опрокинутым и разрезанным вертикально гигантским конусом в дневном свете, чуть сумеречном от неяркого, темноватого солнца, громоздились прозрачные стекловидные уровни, почти неразличимые на большой высоте. Даже вблизи трудно было разглядеть что это такое. Но если присмотреться, можно было обнаружить квазистеклянные замкнутые параллелепипеды размером около четырех кубических метров, не содержащие внутри ничего, кроме неподвижно простертого в воздухе человеческого тела. По медному, почти коричневому оттенку кожи можно было сразу опознать гедонийцев, после маленьких голубокурточников, ка-

завшихся почти великанами вроде Малыша с его фигурой центрового баскетболиста. При одинаковом сложении только бородатые, заросшие лица позволяли издали отличить мужчин от женщин, а сосчитать их было почти невозможно.

— Тысяч сто приблизительно, — сказал Библ.

— Откуда? — усомнился Капитан. — С потолка?

— Да нет. Простой подсчет. Сколько их из трех миллионов дотянет до Нирваны? Пятая или шестая часть, не больше. Считай, полмиллиона. А сколько ступеней? Пять. Значит, здесь тысяч сто с лишним. Большой ошибки не будет.

Внезапно тела пришли в движение. Они сгибались, переворачивались, взмахивали руками и ногами, причудливо скручивались, складывались пополам и снова вытягивались. Десятки тысяч тел в однообразной, изощренной и синхронной гимнастике. Капитан вспомнил рассказ Алика о гимнастических упражнениях в фотонном газе и пояснил:

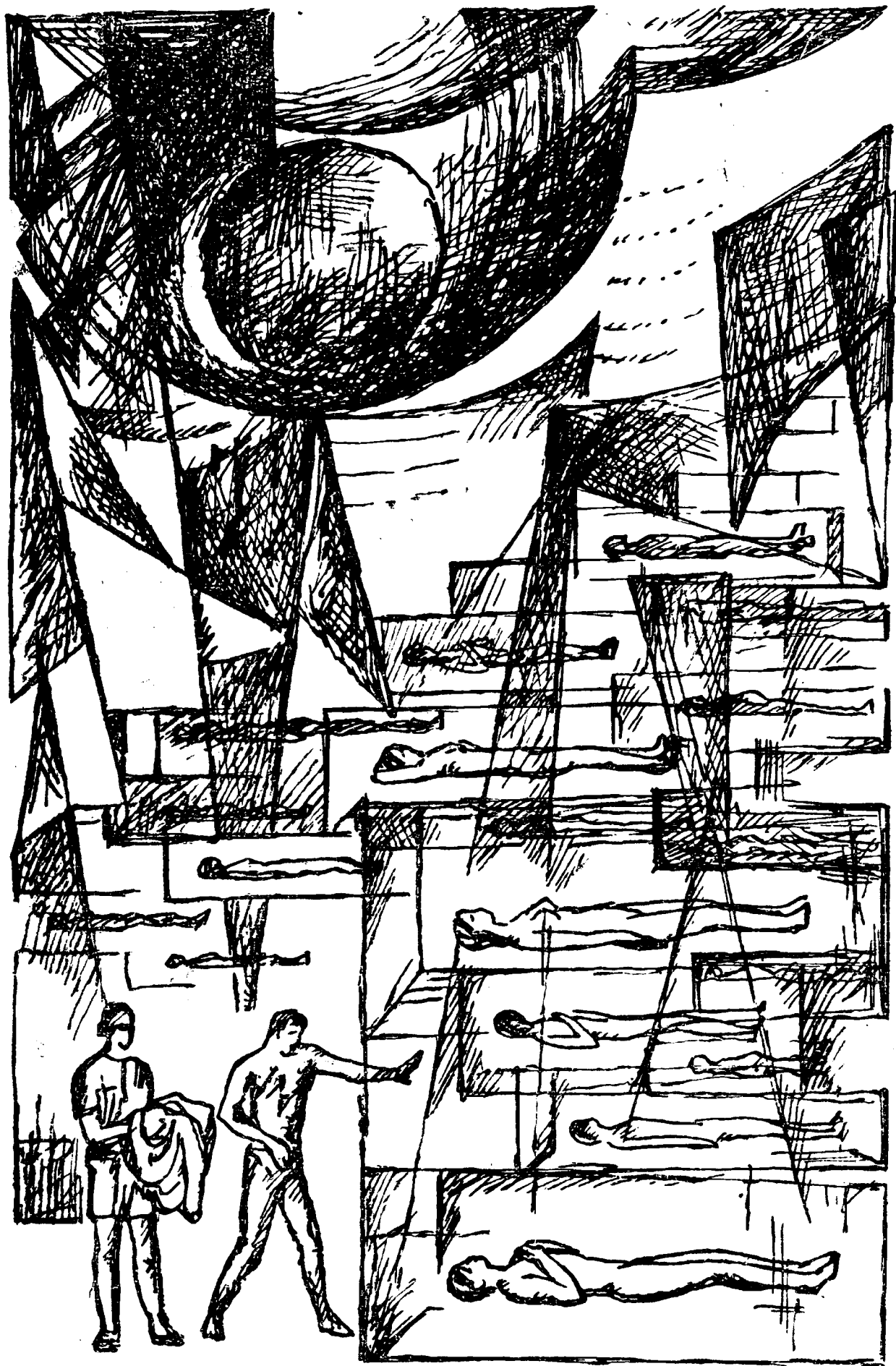
— Гравитационный массаж. Разрушая сознание, они таким образом поддерживают мускульный статус-кво. Вероятно, то же самое происходит и на последней ступени, когда сознание совсем выключается. Иначе младенцы Зеленого леса оказались бы полутрусами.

В картине тысяч извивавшихся тел было что-то от рисунков Гюстава Доре к «Божественной комедии». Однажды им уже показали такой Дантов ад в реальности на планете ДЗ в созвездии Цефея, воспользовавшись книжкой, захваченной в экспедицию Библом. Но там это делалось с целью напугать пришельцев, здесь же, в картине, копирующей Доре, не было ничего страшного.

— Вспоминаете, Кэп? — догадался Библ. — А то можно реально вспомнить: есть свободные кабины, должно быть предназначенные для очередников из первой ступени блаженства.

Капитан оглядел галерею пустых стеклянных ящиков и усмехнулся:

— Можно было бы вспомнить кое-что, Библ. Не обязательно страшное. Были и счастливые дни в нашей жизни. Только стоит ли оживлять то, что умерло давно и бесповоротно. Вредная затейка.

Тела снова распростерлись — или в невесомости, или на воздушной подушке.

Они пошли мимо пустых кабин к ближайшей лиловой стене. Извивающиеся тела снова распростерлись — или в невесомости, или на воздушной подушке.

— Любопытно, как их питают и передают информацию? — заинтересовался Библ. — Ни шлангов, ни проводов не видно.

— При их технике могли додуматься о беспроводных системах. Что-нибудь вроде бесшланговых струй или электронных уколов. Стоит ли гадать?

Срезанную вершину опрокинутого конуса они прошли за несколько минут. Лиловая стена распахнулась, как при входе, и опять руки нащупали только воздух. А зрелище, открывшееся им, в точности повторило только что виденное. То же множество бронзовых тел в стекловидных кабинах, убегающих ввысь опрокинутой половиной конуса, лиловое солнце над головой и тающая сумеречность исчезающих перегородок.

— Ступень неисполнившихся предположений, — задумчиво произнес Библ. — Избитый «хлыстом» слабак избивает силача. Маг становится ксором, а ксор превращается в сирга. А может, я перепутал: мечты паразитов не для нас, Кэп. Мне хочется рискнуть самому. У меня в молодости была одна идея, которая не поддавалась проверке. — Он сбросил куртку и нырнул в ближайший стекловидный ящик. Стекло или что-то другое пропустило его, как открытая дверь в комнату. — Не пугайтесь! — крикнул он, вытягиваясь в пространстве. — В крайнем случае вытащите меня за ноги минут через десять.

Все это произошло так быстро, что Капитан и рта раскрыть не успел. Опустившись на внезапно возникшее, обычное для Гедоны кресло, Капитан с тревогой поглядывал на распростертого в воздухе Библа. Тот был спокоен, неподвижен и нем.

Прошло пять минут, шесть... девять. Библ все еще висел, без признаков жизни распростертый в своем прозрачном ящике. Капитан нервничал. Подошел ближе. Десять минут. Просунул руку сквозь стекло — оно оказалось совсем не стеклом, а может быть, уплотненным воздухом или защитным полем неизвестной природы и мощности, где тут было раздумывать, обладает ли оно массой, — и схватил Библа за ноги. Тело товарища выскользнуло на пол легко, словно утратившее обычный вес,

и Библ очнулся уже на коленях на своей брошенной тут же куртке.

— Здрóрово,— сказал он.— Я уже думал никогда не вернусь.

— Откуда?

— Долго рассказывать,— вздохнул Библ, одеваясь.— Потом. На станции, когда вернемся. А до какой степени все реально! Ничего общего со сном.

Капитан не стал настаивать на рассказе. Он только спросил:

— Где же это было? На Земле или в космосе?

— На Земле.— Библ опять вздохнул.— Чудно. И страшно. Очень страшно. Знаете что, надо ребят отыскать. Хорошо, что вы меня вовремя вытянули. Как бы их тоже не пришлось откúда-нибудь тащить. Игра с огнем — такие эксперименты!

Переход на следующую «ступень» повторил предыдущие переходы. Непрозрачная стена неопределенной массы, туман или занавеска, такой же пролет. Но зрелище, возникшее перед ними, было уже другим.

В таком же конусе на таких же воздушно-стеклянных уровнях находились тысячи таких же голых тел. Но они не висели неподвижно простертыми на загадочной пустоте. Они жестикулировали, сидели, лежали, передвигались с места на место, как в толпе на большом вокзале или набережной в часы прибытия океанского лайнера. Однако была одна деталь, разрушавшая это сходство. Не обилие таких суетившихся в воздухе толп, не их возраставшее с каждым уровнем множество и даже не отсутствие костюмов — такие скопления можно наблюдать и на пляжах,— нет, поражала некоммуникабельность, полное отсутствие человеческого общения друг с другом. Каждый существовал и двигался сам по себе, ни один не задевал другого, словно каждого в его движении ограждал какой-то невидимый воздушный заслон. Сталкиваясь, они отскакивали друг от друга, как детские автомобильчики в луна-парках, отскакивали не касаясь, словно отброшенные невидимым воздушным протектором.

— Вы понимаете что-нибудь, Кэп? — растерянно спросил Библ.

— Я ищу Малыша и Алика,— только и ответил Капитан: раздумывать об этом безумии ему не хотелось.

Малыша и Алика они нашли, пройдя несколько десятков метров: в своих голубых куртках они резко выделялись среди окружающих голых тел. Находились они, по-видимому, в одном неразделенном пространстве, потому что двигались согласованно, не отталкиваясь, не проходили мимо друг друга и даже разговаривали, хотя слов в храмовой тишине конуса не было слышно. Они словно разыгрывали какой-то мимический этюд, куда-то ходили, что-то рассматривали; Малыш подпрыгивал, пытаясь что-то схватить в воздухе, Алик пробегал несколько метров и возвращался, показывая что-то принесенное им, хотя кругом ничего не было — только воздух и не замечающие их меднокожие люди.

— Пантомима,— заметил Библ,— и с определенным сюжетом. Только смысл не ясен.

— А мы и не будем разгадывать,— сказал Капитан и храбро ринулся мимо суетившихся поблизости гедонийцев, не расступавшихся, но и не задевавших его на проходе.

Библ шагнул следом. То же самое. Он шел навстречу людям, и они отступали, отстранялись, не видя его, а Капитан в это время уже держал за шиворот Малыша, стоявшего как сомнамбула с остекленевшими глазами.

— Берите Алика — и к выходу. Сопrotивляться не будет. Они еще в трансе,— сказал Капитан и, подталкивая Малыша, вышел на свободное пространство у лиловой стены.

Тут только взор Малыша ожил.

— Кэп? — удивился он. — Ты?

— А кто же? Очумел?

— Очумеешь.

Очнулся и Алик. Огляделся, узнал товарищей, и какое-то подобие улыбки скривило губы.

— Галлюциногенный воздух,— выдохнул он. — Мы с Малышом такое видели...

— «Такое, такое»... — передразнил Малыш. — Влез я в твою игру, а зачем?

— Скажешь, неинтересно? Мы же опровергли Эйнштейна. Мы прошли петлю. Представьте себе, товарищи, что может быть, если скорость элементарных частиц превысит скорость света?

— погоди, сынок,— оборвал Капитан. — Библ тоже

кое-что видел. Вот и расскажете дома. Поспешать надо. А на последней ступени, я думаю, делать нам нечего. Вон и Фью вынырнул.

Винт кратера уже вынес Фью на поверхность. Он по-прежнему был невозмутим, тих и нелюбопытен. Выводя гостей на край черной пустыни, напутствовал:

— С Учителем встретитесь, как условились. Только не снимайте шлемов во время беседы. Чрезвычайно важно для нас. Мы очень, очень много спорим и думаем о ваших словах.

— А вдруг не увидимся? — сказал Капитан.

— Мы должны увидеться. Есть же способ — только позовите.

— Шлемы?

— Шлемы. Сигнал будет принят в любое время.

Глава II

РАССКАЗ БИБЛА. ВСЛЕД ЗА АЛИСОЙ

Первым рассказывал Библ:

— Когда мы прошли уже второй зал, я не думал об эксперименте. Меня не волновали мечты магов и сиргов. Но, должно быть, одинаковая проходимость, загадочность открытых дверей в Неведомое натолкнули меня на одну мыслишку. Вернее, напомнили ее — впервые-то я подумал об этом лет десять — двенадцать назад.

Я еще не работал в Космической службе, читал лекции и писал книжки — ну чем обычно занимается преуспевающий молодой ученый. У меня тогда ни одного седого волоса не было, ни особенных тревог, ни огорчений, двенадцать часов работы и законная разболтанность в очередной уикэнд.

Было это летом, в июне или в июле, когда уже в пятницу вечером тянет куда-нибудь на берег моря или на озеринку. В одну из таких пятниц и позвонил мне Олег — Малыш его помнит, он еще тогда безвинтовыми вертолетами увлекался.

«Поехали к Роберту, — предложил он. — У него дом в Мещере. Не в заповеднике, а в поселке рядом. Езды — минуты, а удовольствия на три дня; в понедельник у те-

бя лекций нет. У Роберта все чин чином: стол и домишко — памятник древней деревянной архитектуры, куча новых картин для очередной выставки и никаких женщин, кроме хозяйки. На рыбалку съездим, позагораем, пульку распишем. Я, ты, он и Гофман из медслужбы».

— А что такое пулька? — спросил Алик.

— Была такая игра, — сказал Малыш. — Сейчас уже подзабыта. Помолчи.

— К Роберту мы добрались на вертолете за полчаса, — продолжал Библ. — «Памятник древней деревянной архитектуры» оказался обыкновенной русской избой-пятистенкой, одной из немногих уцелевших в поселке. Сутки пропадали на Черном озере в заповеднике, а к вечеру в воскресенье сели за пульку. Я, признаться, не любил этот способ убивать время, но не отказываться же от игры, если уже согласился.

Сидели мы в большой полупустой комнате, оклеенной ядовито-зелеными обоями. Роберт догадался прикрыть их, развесив где только можно свои полотна в духе снова вошедшего тогда в моду позднего импрессионизма. В углу стояли в беспорядке подрамники и свернутые в трубки холсты, а у окна прямо на обоях была намалевана узкая дверь «под дерево», красновато-коричневая, с аккуратными глазками сучков на филенках, даже с неровными потеками лака. Он, казалось, не успел еще высохнуть, чуть-чуть поблескивая, будто смола на сосне. Как обманчива иногда прихотливая игра света: моя рука нащупала только шероховатый слой масляной краски на гладкой поверхности зеленых обоев.

«Тоже на выставку? — иронически спросил я. — По разделу фресок и витражей?»

«Это не я, — равнодушно бросил Роберт. — От прежнего жилья осталось».

«Тоже художника?»

«Нет, ученого. Физик, кажется. В каком-то институте работал, а здесь отдыхал. По-своему, конечно: пополам с наукой. Здешние обыватели говорили: все дверь в антимир искал».

«Вот и нашел, — хохотнул Олег. — Всем хороша, только не открывается».

«Почему — не открывается? — Роберт говорил серьезно, только глаза посмеивались. — Один раз открылась».

«Когда?»

«Когда он решил взглянуть на свой антимир».

«И что же он увидел?»

«Не знаю. Он никому об этом не рассказывал».

«Болтовня».

«Возможно, — пожал плечами Роберт и добавил нехотя: — Он погиб в авиакатастрофе месяца три назад».

Помолчали. Сдали карты. Взглянул: мелочь. Пас, говорю, а из головы не выходит только что рассказанная история. Странный случай с ученым, открывшим и закрывшим окно в антимир. Анекдот, придуманный местным остряком или хитроумной хозяйкой дачи: ведь комната с тайной стоит дороже. Ну, а если хозяйка не соврала? Вдруг ученый действительно открыл эту нарисованную дверь? И как открыл? Ключом? Чепуха.

«Что с тобой?» — спросил Роберт.

«Подцепил ты меня этой дверью. Не соврал?»

«Хозяйкин вариант, — обиделся художник. — Хочешь — верь, хочешь — нет».

«А что она говорит?»

Роберт отложил карты и задумался, вспоминая.

«Жилец в тот день никуда не выходил, заперся с утра, разговаривал сам с собой, а потом затих. Хозяйка зовет обедать — он молчит. Ну, она своим ключом дверь открыла, а в комнате никого».

«Может быть, он в окно вылез?»

«Едва ли. Окна во двор выходят. Сразу бы заметили».

«Куда же он делся?» — спрашиваю.

Роберт только руками развел. Странная история, говорит. Хозяйка, оказывается, снова заглянула в комнату. А он перед ней собственной персоной. «Что с вами, хозяйюшка, на вас лица нет!» А она ему: «Стыдно над старухой такие шутки шутить! Где это ты, милоч, прятался?» Он улыбается. «Нигде, говорит, гулять ходил». — «Через окно?» — спрашивает хозяйка, а он уже хохочет. «Зачем? — говорит. — Через дверь». И на стену показывает, где дверь нарисована.

«Эта?» — спрашиваю я.

«Не совсем. Та побледнее была. Только по контуру прочерчена. Не то углем, не то чернилами. Я ее потом подновил, чтобы получше смотрелась».

Роберт замолчал. И непонятно было, шутил он или в самом деле верил в историю открывшейся двери в стене, за которой — все знали — шумел влажный от росы палисадник и тянулась в траве протоптанная дорожка, по которой прошли мы сами каких-нибудь полчаса назад.

Вот мне и вспомнился этот эпизод и моя назойливая мысль об уэллсовской калитке в стене, за которой зыбкая страна детства, смутный мир сказок и мифов, неподвластный трезвым ортодоксам и сухарям. И когда мы с вами, Кэп, проходили мимо этих стеклянных или не стеклянных ящиков, я вдруг решил для себя: рискну! Может быть, мне подарят сейчас этот вход в антимир и я смогу повторить опыт безвестного ученого из Мещеры. Я прыгнул в ящик — помню ваше обалделое лицо, Капитан, — вытянулся в воздухе: держусь, не падаю. Закрыв глаза и сразу же, без наплывов и затемнений, увидел все таким, как было тогда: комнату с ядовито-зелеными обоями, мазню Роберта и дверь в стене с коричневыми прожилками. Я уже перестал быть Библом с Гедоны, я жил только той тревожной минутой.

«Что в прикупе?» — услышал я голос Гофмана.

«Семь и девять».

«Неплохо для мизера».

А что у меня в прикупе? Ребяческое любопытство и чуточку воображения. Что ж, думаю, своя игра, как говорится. Отодвинул стул и встал.

«Ты куда?» — спрашивают меня.

«В антимир», — говорю.

«Привет антимирянкам».

«Передам обязательно», — смеюсь и легонько толкаю дверь там, где нарисована ручка. Дверь — или мне это только показалось, — подалась под моей рукой, и я, словно меня подтолкнули сзади, шагнул вперед, ощутив тот неприятный холодок в животе, который всегда возникает, когда лифт стремительно спускается в темный ствол шахты. И мне подумалось, что я вошел в такой же темный и пустой лифт, а может быть, просто зажмурился от страха и удивления: тело непонятно легко прошло сквозь стену, словно дверь действительно открылась в другую комнату. А ведь я-то знал, что никакой двери не было за рыночной мазней на обоях.

Я открыл глаза, оглянулся на дверь. Дверь как дверь. Галлюцинация. Ребята за столом сидят за картами. Протер глаза, подошел к столу и сел.

«Ну и как антимир?» — спросил Олег.

«Ничего себе, — говорю, — только темно и тихо».

«И дверь отворяется?»

Я не ответил. Я ведь знал, что толкнул нарисованную дверь и она открылась. Открылась и захлопнулась, когда я переступил пространство, образованное проемом. Мысль о галлюцинации я отбросил: на учете у районного психиатра не состою. Все вокруг подсказывало мне, что это была лишь игра воображения, провал в сознании, сон наяву. Всё — и куст шиповника за окном, и прихотливая игра света на полу, и рокочущий баритон Гофмана: «Навалете мы его берем, а девятку придется отдать», и деловитый перезвон посуды на половине хозяйки дома, — все это убеждало меня в неизменности окружающего. Но что-то останавливало, врывалось тревожным диссонансом в знакомую картину летнего подмосковного утра. Я никак не мог поймать это дразнящее «что-то» и невольно раздражался, как человек, вспоминающий забытую мелодию. Она липла ко мне, эта дразнящая мелодия, звенела назойливым комаром и... вдруг прорвалась, заполнила всю комнату оглушающим звоном.

Я вспомнил: в той комнате были другие обои.

И сразу все вокруг смолкло, как фильм, у которого неловкий механик выключил фонограмму. Беззвучно двигался маятник на старинных стенных часах, беззвучно дергался рот Олега, беззвучно колыхалась занавеска на окне, и мохнатый шмель так же беззвучно бился о стену, заклеенную чужими обоями.

Те были ярко-зеленые с золотистой россыпью ромашек и неровной линией бордюра у потолка. Я разглядел и запомнил их, когда стоял у нарисованной двери, повторяя сказочное «Сезам, отворись!». И «сезам» не подвел: я действительно шагнул в антимир, оклеенный с четырех сторон грязно-розовыми обоями. Все остальное осталось прежним, и это было так неправдоподобно, что я невольно рассмеялся и поперхнулся.

«Что с вами?» — спросил Гофман.

Фонограмма включилась. Я снова мог слышать и говорить. А если сидевшие за столом совсем не те, с кем я

разговаривал за нарисованной дверью? Если вместе с обоями изменились и их имена, склонности и профессии? Спрашивал меня Гофман, с него я и начал проверку.

«Пустяки, — говорю, — спазма. Все в порядке... доктор».

А сам думаю: сейчас удивится и скажет: «С ума сошли, какой же я доктор?» Молчу, жду. А он лениво, ничуть не удивившись, вынимает из кармана свою машинку и говорит: «Сейчас посмотрим, какая это спазма. Дайте руку».

Значит, думаю, не ошибся: это Гофман и профессия у него та же. Очевидно, и у Роберта: сваленные в углу холсты и подрамники подтверждают. Только картин на стенах поменьше.

А Гофман приложил свой аппарат к моему запястью, потом к груди, сначала справа, затем слева, и, явно недоумевая, произнес:

«Вы, оказывается, феномен, дружище. Сердце-то у вас не справа, а слева».

Я ответил, что это и соответствует норме, на что последовал общий хохот и саркастическое замечание Гофмана о моей, мягко говоря, склонности к шуткам. Я замолчал, сразу поняв, что я все-таки ненормален в этом чертовски нормальном мире, где правое стало левым, а левое правым. Как отражение в зеркале. Только отражение это я сам, а мой зеркальный оригинал находится в аналогичной ситуации: ему приходится объясняться с теми же людьми, за тем же столом, на том же месте. Мы просто поменялись местами в двух схожих до мелочей существованиях. В одном и том же пространстве, но по разные стороны зеркала. Даже время у нас течет одинаково.

«Сколько на ваших?» — спрашиваю.

«Четверть девятого».

Сходится до минуты. А разве могло быть иначе? Две киноленты событий, растянутые во времени, повторяются в каждом кадре. Одновременно мы встали из-за стола, одновременно открыли дверь, одновременно прошли сквозь черное «ничто» — нуль-проход или как там его еще называют. В этой логической цепи не хватало еще одного звена.

Я медленно поднялся со стула.

Он, вероятно, тоже встал, встречая удивленные взгляды товарищей.

«Опять в антимир?»

«Почему в анти? В свой мир».

Он, наверное, тоже сказал это, тоже неторопливо шагнул к стене, погладил шершавую поверхность обоев, толкнул дверь и нырнул в пустоту.

Тут же по-детски зажмурил глаза и услышал сердитую реплику Роберта:

«Что ты мечешься взад-вперед? Не хочешь играть, так и скажи».

Сказка кончилась. Волшебная страна Зазеркалья осталась за стеной, оклеенной ядовито-зелеными обоями. Алиса вернулась к себе, закрыв за собой чудесную дверь.

А может, двери и не было? Может быть, все это промелькнуло в моем воображении и растаяло, как дымок от сигареты? Впрочем, и это можно проверить. Если миры-зеркала действительно идентичны, то нетрудно догадаться, о чем говорил мой «анти-я» несколько минут назад.

«Так где же у меня сердце? — говорю. — Слева или справа?»

Олег выразительно покрутил пальцем у виска:

«Опять о том же. Надоело».

Я исподлобья оглядел комнату и насторожился. Что-то в ней изменилось за эти минуты. Словно поубавилось холстов в углу, возник мольберт с неоконченным пейзажем, да и зеленые обои выцвели. Я взглянул на дверь, на загадочную «калитку в стене» и почувствовал, что у меня отваливается челюсть. Дверь была не расписана, «под дерево» с глазками сучков на филенках, а только прочерчена углем по зеленым обоям.

«Роберт, — сказал я, бросая карты, — разве ты не раскрашивал этой двери?»

«Все собираюсь, — усмехнулся он, — да времени не хватает».

«Трех месяцев?» — спрашиваю не без насмешки.

А он отвечает:

«Каких месяцев? Всего неделю назад снял эту хату».

Я ровным счетом ничего не понимал. Разыгрывают они меня или... или это еще одно Зазеркалье с теми же персонажами. Я вспомнил нехитрый фокус, который не

раз проделывал в детстве. Поставьте два зеркала друг против друга, и они повторяются в каждом десятке раз. Если смотреть долго, десятки превратятся в сотни, в сверкающий коридор отражений, в которых, может быть, не все и похоже. По крайней мере уставший глаз чего-то недосчитается, что-то пропустит. Не случилось ли это в действительности?

Решил проверить. Спрашиваю Олега:

«Ты ведь в основе физик?»

«Почему в основе?»

«Не придирайся к словам,— говорю.— Есть гипотеза о зеркальной симметрии законов природы?»

«Допустим. Законы не изменяются, если вместо себя самого возьмем свое зеркальное отражение. А почему это тебя интересует? Ты же социолог».

А я, не ответив, снова спросил:

«Если какое-нибудь явление происходит в нашем мире, можно теоретически допустить его отражение в зеркале как самостоятельно существующее?»

Олег снисходительно улыбнулся:

«Опусти в театре зеркальный занавес и получишь два зрительных зала, причем каждый будет рассматривать другой, как свое отражение».

«А несколько зеркал — несколько отражений?»

«Сколько угодно. Под любыми углами, даже закрученные и асимметричные. Переход от одного к другому, если придумаешь, можешь назвать комбинированной инверсией».

«Кончайте ярмарку,— оборвал нас Роберт,— а фантаст пусть прогуляется к своим антимирянкам. Сдавай, Гофман».

Я медленно-медленно пошел к заветной двери на грязных обоях. Что открывает ее? Вера в Необычайное? Смешное желание творить чудеса? Гипноз или телепатия? Может быть, ее механизм настроен на биополе, идентичное моему? А может быть, я просто болен и нуждаюсь в помощи окулиста или психиатра? Не знаю и не берусь судить.

С такими мыслями я шел, зная, что иду по следам своего предшественника. Он прошел за Алисой всю страну чудес, а я только в начале пути. Сколько миров-зеркал мне еще придется пройти, прежде чем я найду свой един-

ственный и неповторимый, каким бы сходством ни поражали меня встречные Зазеркалья? Иду и думаю: в конце концов ведь он нашел свое, значит, найду и я.

Открыл снова скрипнувшую на несуществующих петлях никогда не существовавшую дверь, шагнул в темь, и оказалось, что стою на коленях у стеклянного ящика на Гедоне.

— Значит, «ступень» сработала. Маг стал сиргом,— сказал Капитан.

— Кто кем — не знаю. Но одно ясно: они овладели полностью механизмом материализации воспоминаний и воображения. Реальность удивительная. До мелочей.

— И у нас,— сказал Алик.

Глава III

ЧТО ДЕЛАЛИ МАЛЫШ И АЛИК. ПЕТЛЯ

А с Малышом и Аликом происходило следующее.

Сначала их удивили, потом позабавили голые тела в воздухе, как яблоки на дереве высотой в небоскреб и с кроной на полквартила. А затем стало скучно.

— Придумаем что-нибудь, а? — предложил Алик.

Малыш зевнул.

— Что?

— Проблемку какую-нибудь поставим по-новому.

— Какую?

— Скажем, поправку к Эйнштейну.

— Ты в уме?

— А почему нет? Допустим, что есть частицы, скорость движения которых превышает световую. Ну?

— Что «ну»?

— Я был практикантом на одном ускорителе в Америке,— задумчиво пояснил Алик.— Он помещался в скальном грунте небольшого приморского города. Новые конструктивные идеи, в частности в нарастании магнитного поля и частоты электрических полей, позволили довести его мощность до неслыханной в совсем еще недавнем прошлом энергии в триллионы электровольт, одновременно столь же неслыханно уменьшив его размеры и вес. По сравнению со своими гигантскими предками, раз-

гонявшими протоны по многокилометровым кольцам, такой легко поместится на хоккейной площадке. Сейчас и у нас есть вроде этого на Валдае. Именно здесь и можно добиться уже не «суб», а суперсветовых скоростей.

— До сих пор не добились.

— А ты представь себе, что мы работаем на таком ускорителе. Ты только следи за моей мыслью, не отставай. У меня есть одна идея совместного предположения. Знаком с этой механикой? Представить можешь?

— Допустим.

— Ну вот и вообрази. Ночь. Мы с тобой на предвоскресном дежурстве у пульта. Я, скажем, физик-экспериментатор, мое дело следить за капризами вещества на субсветовых скоростях, а ты — инженер-механик, наблюдающий за поведением всей механики комплекса. Ясно?

Свет погас и разлился снова, сместив и пространство и время. Теперь они были вдвоем — далеко от Гедоны! — у главного пульта ускорителя, управляющего скоростями элементарных частиц. Привычные досветовые скорости уже не устраивали экспериментаторов, и они — пока тщетно! — пытались превысить лимитированную Эйнштейном цифру в триста тысяч километров в секунду. Только триллионные доли этой минимальной в нашей житейской практике единицы времени отделяли индикаторы скоростей от предельной грани, за которой приставка «суб» превращалась в «супер». Такого превращения пока не произошло, но один из создателей ускорителя был в нем непоколебимо уверен. Он уже открыл шесть новых элементарных частиц, которые пометил прописной буквой «Т» с порядковым номером от единицы до шестерки, но все это были частицы субсветового века. Новая искомая частица T_7 должна была обнаружиться за его пределами, когда дрожащие стрелки скоростных счетчиков перейдут заветную грань. Для того и была еще более повышена энергия ускорителя в эту предвоскресную ночь.

Все тянулось, как обычно. Малыш и Алики никогда не работали в Космической службе, никогда не были на Гедоне и не знали других обязанностей, кроме тех, которых требовало от них дежурство в эту обыкновенную ночь: от других она не отличалась. Люминисцентные лампы превращали ее в догорающий день. Привычно жужжал автоматический комплекс приборов, и так же привычно

накапливалась скука в кондиционированном воздухе зала. Чуда не было.

— Его и не будет,— сказал Малыш, совершив очередной обход автоматики.— Не верю я в поправки к Эйнштейну.

— А тахион? — спросил Алик.

— Где он, твой тахион?

— Не мой, а Джеральда Фейнберга. Он предсказал его движение быстрее света лет сорок назад.

— Предсказал — не открыл.

— Нептун тоже был сначала предсказан, а не открыт. Между планетой и элементарной частицей в данном случае разницы нет: обе признавались существующими до их открытия.

Малыш, даже не отвечая, углубился в решение шахматной двухходовки. Алик лениво наблюдал за ним: вот он поерзал на стуле, взъерошил волосы, вскочил, уронив короля на пол, медленно поставил его обратно, посидел над доской и со вздохом встал.

— Тоже существует, но не открыт,— сказал он.

— Ты о чем? — спросил Алик.

— О решающем ходе. Пришло озарение и угасло, как жизнь твоего тахиона. Триллионные доли секунды. Может, потому, что глаза слипаются.

— Выпей пива.

— Я пью теплое пиво только по рецепту врача.— Малыш с отвращением оглянулся на рюкзаки, брошенные у пульта: по окончании дежурства намечалась экскурсия на морской берег.— Наверно, в конструкции ускорителя принимали участие язвенники и трезвенники.

— Почему?

— Потому что не предусмотрели холодильника для пива и бутербродов. Пойду лучше воды попью.

Он сонно поплелся к душевой в конце зала, где входящие подвергались обработке очищающей воздушной струей. Там же находился и умывальник с холодной и горячей водой. Минуту спустя Малыш выскочил оттуда, бегом пересек зал и переставил какие-то фигуры на шахматной доске.

— Эврика! — крикнул он бодренько и тут же пояснил Алику: — Понимаешь, я поставил упавшего короля не на

«эф», а на «же». По ошибке. Озарение вернулось. Тахион открыт.

— Поэтому ты и забыл закрыть кран в умывальнике,— сказал Алик.

Сквозь тихий жужжащий фон пробивался шум открытой воды. И что-то произошло.

Что-то, совсем не имевшее отношения ни к воде, ни к шахматам.

Как будто, именно как будто — оба не могли утверждать этого точно,— чуть-чуть потускнели лампы, чуть-чуть сместились очертания окружающего, словно отраженные в дрогнувшем зеркале, чуть-чуть стало жарче, как бывает, когда прекращается поступление холодного воздуха.

И все стихло. Уже не как будто, а явственно смолкла автоматика, оборвалась вибрация, зал наполнила зловеющая немота. Оба прислушивались к ней долго, словно не веря ушам, не веря и не понимая.

— Ты слышишь что-нибудь? — спросил Алик.

— Ни звука.

— Даже твоя вода уже не течет.

Не ответив, Малыш двухметровыми шагами понесся к душевой, откуда вышел минуту назад. Алик, отставая, поспешил за ним.

Три секунды потребовались им, чтобы увидеть чудо.

Вода текла по-прежнему толстой прозрачной струей, но совершенно бесшумно, как показалось бы человеку, у которого лопнули барабанные перепонки. Да и текла ли? Просто вытянулась от крана к раковине гладкая оплывшая сосулька. Может быть, просто замерзла? Вероятно, об этом подумал и Малыш. Он осторожно прикоснулся к ней пальцами, ощупал, как ощупывают что-то твердое, а не жидкое, и ударил ребром ладони. Струя не отстранилась, не раскололась и не брызнула, сохраняя прозрачность и неподвижность. Малыш растерянно обернулся и что-то сказал.

Но что именно, Алик не услышал. Не раздалось ни звука. Малыш только шевелил губами.

— Лед? — спросил Алик.

И не услышал своего голоса. Но Малыш, должно быть, понял, потому что отдельно и четко, как в немом фильме, прошевелил губами ответ:

— Не знаю.

«Оглохли мы, что ли?» — снова подумал Алик и показал на уши. Малыш только плечами пожал и, в свою очередь, показал на струю-сосульку: это, мол, интереснее.

Тогда приступил к эксперименту Алик. Он приложил руку к струе: гладко, скользко, но не настолько холодно, чтобы считать ее льдом. Рванул руками — не сдвинулась ни на миллиметр, словно схватил не воду, а водопроводную трубу. Попробовал закрыть кран — не поддается: или нарезка сорвана, или ручка заклинилась. Тут он вспомнил о складном ноже в кармане, выдвинул лезвие и с размаху рубанул по застывшей неправдоподобной струе. Ножик отскочил, как от чугунных перил. А на стекловидной сосульке не появилось даже царапины. Не уступила она и попыткам проткнуть ее острием, соскоблить или срезать стружку. Или это была не вода, или произошло что-то изменившее ее структуру.

Даже не пытаясь ничего высказать вслух, Алик вернулся к пульта. Малыш молча зашагал вслед. И вдруг сказал ясно и слышно:

— Дышится легче, правда?

— Правда,— машинально повторил Алик и только сейчас сообразил, что звук или слух вернулись.

И дышалось действительно легче, чем в душевой.

— Идти тоже было трудно,— прибавил он,— что-то мешало.

— Как встречный ветер,— сказал Малыш.

Он сделал несколько шагов к стенке, несколько раз вздохнул и беззвучно пошевелил губами.

— Не слышу,— проговорил Алик и показал на уши. Малыш подошел ближе и закричал:

— Теперь слышишь?

— Не ори.

— А ведь там,— он указал на место, где только что стоял,— я тоже орал.

Алик задумался.

— Что-то гасит звук. Надо посмотреть где. Пойдем навстречу друг другу по спиральям, удаляясь от центра. Шаг-два — перекличка.

Первая же проверка показала, что звук действительно гаснет где-то за пределами сравнительно небольшого

пространства, в несколько десятков метров, при этом не постепенно, а сразу, будто обрезанный невидимой преградой, непроницаемой для звуковых волн. Скажем, в пяти, а иногда и в десяти метрах от пульта можно было переговариваться, а отступив на шаг, ты уже превращался в актера немого фильма. И сразу же становилось труднее двигаться и дышать, словно дул навстречу неощутимый, но стойкий ветер.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил Малыш. — Чем обусловлена эта грань? А она есть. И не только для звуковых волн. Видишь этот смятый листок бумаги? Я бросил его час назад, когда разворачивал бутерброды. Он лежит как раз на границе. Я обратил на это внимание еще во время проверки. Теперь смотри.

Он подошел к брошенному листку и коснулся его обращенного к стене края. Листок не сдвинулся с места, даже не шевельнулся.

— Как из железа. Не согнешь, — усмехнулся он. — Ну, а теперь взгляни сюда.

Он коснулся другого, более близкого края. Половина листка не оторвалась, а отпала, как срезанная бритвой, ровно и без зубцов.

Другая половина осталась в том же положении за невидимой гранью.

Алик молчал. Казалось, опыт с листком не произвел на него впечатления. Он думал о чем-то своем, вероятно более важном. Малыш, не дождавшись ответа, пожал плечами и еще раз молча обошел панели управления, потом сел, не глядя и смахнув на пол шахматы. На этот раз он собирать их не стал.

— Вся автоматика вышла из строя, — сказал он. — Все телеуправление. Полностью. Фактически ускорителя уже нет. — Он помолчал и добавил, уже не ища собеседника: — И еще: ни один электроприбор не работает. Тока нет, а лампочки светятся.

— Не вижу в этом противоречия, — сказал Алик.

— Свет без тока?

— Движение любой массы в кратчайшую, приближенную к нулю долю секунды, воспринимается нами в состоянии покоя. Все как бы остановилось, в том числе и свет. Но мы его видим.

— Твоя приближающаяся к нулю доля секунды уже

приближается к единице.— Малыш демонстративно хлопал по ручным часам у запястья.— Идут часики. Двигутся.

— Но не там,— загадочно сказал Алик, кивнув в глубину зала.

— А где? В другом мире?

— В другом времени.

Малыш встал и подошел к пульту, где сидел Алик.

— Ты не спятил, случайно?

Вместо ответа Алик показал на небольшой циферблат, где стрелка чуть-чуть дрожала на втором от нуля делении. Малыш знал: нуль на этом счетчике скоростей обозначал скорость света, а деления — триллионные доли секунды. Но стрелка, обычно не доходившая до нуля на одно-два деления, теперь опередила его, обогнав необгоняемое. «Суб» превратился в «супер».

— Быстрее света,— почти благоговейно прошептал Малыш, что уже само по себе было для него необычно.— Значит, правда? Теперь будет найден не только T_7 .

Алик продолжал задумчиво следить за дрожавшей стрелкой.

— Не знаю,— проговорил он неуверенно.— Может быть, «световой барьер» — это предел с «двумя сторонами»? Может быть, это уже отрицательная скорость? Может, она не возрастает, а убывает по мере удаления от барьера?

Честно говоря, Малыш ничего не понял. Только спросил:

— Почему же все остановилось?

— Я объясняю так...— Алик тщательно подбирал слова.— Примитивно: время — прямая линия, ну, скажем, в декартовых координатах. На световом барьере по неизвестным причинам оно как бы скривилось, образовав петлю, отросток от общей прямой. Эта петля начинается и кончается на графике в одной точке — в одном мгновении. Вот мы и наблюдаем сейчас это мгновение, миг, промельк, назови как хочешь,— словом, квант времени.

— Квант — не мгновение.

— Я же говорил упрощенно и о графике, и о кванте. Речь идет о наикратчайшей единице. Условно: период, который требуется свету, чтобы пройти диаметр атомного ядра. Или еще какой-нибудь период — откуда я знаю!

Можно взять и сотые, и тысячные этой длины. А стало быть, время, которое еще Лобачевский считал мерилом всяческого движения, как бы замирает, приближаясь к нулю бесконечно близко. Вот почему все и остановилось — для нас, конечно, только для нас! — ток в проводах, пучки протонов в ускорителе, ну, и твоя вода в кране. Попросту: остановилось время — остановилось движение.

— Мы же движемся, и время у нас идет...

— Где идет? В частице нашего времени, в этой самой петле. По каким-то причинам, связанным с работой ускорителя, мы как бы оторвались от основного времени и движемся в своем, пока петля не окончится, не вернется в то мгновение, с которого она началась. Но каков ее период — час, сутки, столетие, — сказать не могу. Кстати, геометрические, пространственные параметры нашей петли совпадают с той частью ускорителя, которую почему-то не затронул процесс.

— Так ведь и за его пределами мы живем и движемся.

— Выходя, мы как бы выносим с собой наше собственное временное и пространственное поле, я бы назвал его темпоральным, — словом, частицу нашего пространства — времени, живущую по своим законам. Определить его экстремум не берусь: вероятно, он характеризуется нашими параметрами — рост, объем грудной клетки, мышечное напряжение, вес, сухость или влажность кожи.

— Но как же мы дышим в безвоздушной среде?

— Почему безвоздушной? Мы проходим сквозь нее в период наименьшей скорости движения ее разряженных частиц. Мы, говоря упрощенно, просто раздвигаем ее, а гигантская разница скоростей соприкасающихся при этом частиц воздуха не может не обновлять массу покоя. Кислородный обмен ничтожен, но все же позволяет дышать.

— Силы у нас дай бог, а с водой не справились.

— Так ведь сила не зависит от времени. За две-три минуты ты выжмешь штангу, а растяни жим на час, что получится? Мы подходили к застывшей струе с меркой нашего времени, а его надо было ускорить в триллионы раз. Только тогда бы мы смогли преодолеть сцепление ее частиц.

Малыш с трудом понимал Алика. Ему, грамотному инженеру-эксплуатационнику, не легко было постичь всю сложность к тому же еще так причудливо смещенных взаимоотношений пространства и времени.

— Что-то вроде пересекающегося времени? — спросил он.

— В какой-то степени да. Но в пределах петли.

— А кругом в городе?

— То же самое. Город — ничтожная часть мирового пространства, а квант времени — это вся Вселенная в наикратчайший миг. Чудо Иисуса Навина.

Алик шутил с посеревшим, будто запыленным лицом. Малыш даже пожалел его, спросив с непривычной теплотой в голосе:

— И долго так протянем, старик?

— А что у нас — пиво да бутерброды? Вот и считай.

— Неужто в городе ничего не найдем?

Малыш произнес это машинально, не подумав. Алик его так и понял. Только переспросил задумчиво:

— В городе? А как выйдем? Разве только если где-нибудь окно открыто.

— А в душевой? Забыл?

Из открытого окна душевой они пробрались на асфальтовую дорожку, ведущую к воротам на улицу. К счастью, ворота тоже были открыты, и большой автофургон железным мамонтом замер на въезде. Малыш постучал в стекло водителю, тот даже не шелохнулся.

— Брось, — сказал ему в ухо Алик. — Он тебя не видит.

Значит, никто их не видел, а они видели воскресное утро города. Оно было похоже на моментальную фотографию, запечатлевшую одно мгновение жизни. Протянулись с балкона руки девушки, встряхнувшие простыню. Она вспучилась белым парусом и окостенела вместе с девушкой. Горел красный огонь светофора перед колонной автомашин на воздушной подушке. Когда же он станет зеленым? Прохожих не было, только мальчишка лет десяти прыгнул с обочины тротуара на мостовую, пытаясь схватить упущенную из рук и уже уплывавшую вверх ниточку воздушного шарика. То было второе увиденное ими чудо после стекловидной воды. Мальчишка с подогнутыми коленями и протянутой вверх рукой висел в воздухе,

не падая и не подымаясь. Голубые глаза его, живые, даже не сонные, запечатлели только одно — страстный миг желания поймать ускользающий кончик ниточки. Но и она оставалась неподвижной — лишь сантиметр, не больше, отделял ее от протянутых пальцев. А еще выше висел фиолетовый шар, как бутон фантастически большого тюльпана, так и не распустившегося в эту безветренную немую тишь.

Они молча обошли живую статую летящего мальчика, боясь прикоснуться к нему, потом Малыш поймал конец нитки и потянул ее вниз. Шар, хотя и сопротивляясь, но опустился, только нитка оставалась твердой и несгибаемой, как стальной прут. Малыш положил ее под углом к тротуару так, что шар оказался у лица мальчика и тот мог бы легко схватить его, сдвинуться время со своей мертвой точки. Но время не сдвинулось, и шар снова застыл, не шевелясь на своей покатой теперь проволоке-нитке.

— Почему? — спросил Малыш.

Алик его не услышал, но вопрос понял и ответил, снова приложившись к уху товарища:

— Разговаривать будем только тогда, когда наши темпоральные поля соприкасаются и звуковые волны не гаснут. Понял? А шар опустился потому, что у него нет сцепления с окружающей средой и наших мышечных усилий достаточно для его перемещения.

Малыш крикнул ему в ухо:

— Значит, их достаточно и для того, чтобы переместить пару бутылок фруктовой воды!

— Возможно. А где?

— Хотя бы в кафе напротив. Оно уже открыто, двери во всяком случае. И даже хлеб привезли.

У входа в кафе на противоположной стороне улицы действительно стоял грузовоз с хлебом. Несколько открытых ящиков было уже выгружено на тротуар. Недалеко с таким же ящиком на спине замер с нелепо откинутой ногой человек в белой куртке официанта.

— Не пробуй его толкнуть или снять ящик, — предупредил Алик.

— Зачем? Я просто возьму то, что мне нужно. Не дышать же нам из-за космической катастрофы.

Идти было трудно, словно в гору против ветра, но

Малыша это не смутило. Он перебежал улицу и взял из открытого ящика булку. Когда подошел Алик, он рассматривал ее внимательно и удивленно, как редкостный музейный экспонат.

— Ну что? — пошевелил губами Алик.

Малыш вместо ответа постучал булкой о стенку ящика. Звук они не слышали. Затем он ткнул в нее пальцем, но на ее поджаристой корочке не осталось даже отметины.

Алик беззвучно постучал зубами, как бы подсказывая товарищу дальнейшее. Малыш осторожно поднес булку ко рту, как гранату, попробовал ее на зуб и с яростью, как гранату же, метнул через улицу. В нормальное время она и очутилась бы на противоположной стороне, а тут, словно заторможенная, повисла в воздухе в полутора метрах.

Потом оба кричали друг другу в ухо, смешно поворачивая головы.

— Почему не падает?

— Гравитация — то же движение.

— А почему она остановилась так близко?

— На большее не хватило твоего мышечного усилия.

— Хорошо еще, что зуб не сломал — железо!

— Если б жил со скоростью света, она показалась бы тебе чуть черственькой.

— Значит, по-твоему, и с фруктовкой не выйдет?

— А как ты бутылку откроешь?

— Возьму каменюку килограммов на двадцать и грохну.

— Может, и разобьешь, да не выпьешь.

— Высосу.

— А ты вспомни струю-сосульку в душевой. Много бы ты из нее высосал?

— Знаешь что, — не сказал — прохрипел Малыш, — если уж подыхать, так дома!

Они вернулись в пультовый зал ускорителя, тяжело дыша, как альпинисты на последних метрах подъема. Малыш еле выговорил:

— Ну и дорожка!

— Дорога длиною в квант, — уточнил Алик.

Малыш молча потянулся к рюкзаку, извлек пиво и бутерброды, и все было уничтожено сразу и без раздумий.

Какая разница, когда встречать голодуху, если она все равно придет без звонка.

То был последний афоризм Малыша в это необычайное утро. Что-то вдруг произошло опять, что — они не сразу заметили.

Негромко, исподтишка включились приборы. Мертвый знакомый гул втекал в зал, как шум прибоя в номер приморской гостиницы.

Алик машинально взглянул на стрелку счетчика скоростей. Она снова не доставала до нуля на полтора-два деления.

Малыш вспомнил.

— Погоди,— остановил его Алик и снова прислушался.

Сквозь привычный шумовой фон отчетливо доносился перебивающий его звук — шум струящейся из крана воды.

— Кажется, мы все-таки проскочили петлю, старик,— сказал Алик и сквозь клубящийся над ним лиловый туман увидел склонившееся над ним лицо Библа.

Г л а в а IV

ПОЕДИНОК. НЕТ ЛИЛОВОГО СОЛНЦА

Это случилось за вторым завтраком, после того как Алик отправил очередное сообщение на Землю.

— Черт знает что! Высверливаем пространство лазером со скоростью света, научились принимать и передавать фотонные телеграммы, а кофе варим, как сто лет назад: кофеварка, горелка и сгущенное молоко,— философично заметил он.

— А тебе бы хотелось, как в Аоре,— съязвил Малыш,— раз-два, повернулся на брюхе, чихнул — и горячая жижица под носом.

— Стоп,— сказал Капитан.— Тихо!

Все замолчали, вглядываясь в его напряженное лицо. Стиснутые зубы еще резче подчеркивали синеватые вмятины щек. Глаза смотрели сквозь окружающих, никого не видя. Он к чему-то прислушивался.

— Так,— сказал он, ни к кому не обращаясь,— По-

нятно. Только Библ и я. Повторяю: вездеход под защитным полем оставляем на открытом месте. Выходим и входим по мысленному приказу. Всё.— Он оглядел недоумевающие лица притихших товарищей.— Готовь вездеход, Малыш. Едем с Библом. А вы с Аликом охраняете станцию: мало ли что может случиться.

— Не случилось же, когда мы были в Нирване,— недовольно возразил Алик.

— Учитель вызывает только меня и Библа,— уточнил Капитан.

Малыш легонько стукнул Алика по затылку:

— Приказам повинуются без возражений. Мне, например, все ясно. Капитан — потому что он Капитан. Библ — потому что социолог. А техник и физик Учителю не нужны.

— Кто передал? — спросил Библ.

— Фью.

— Странно, что мы не слышали. Шлемы на каждом.

— Псилучевой приказ, настроенный на определенные частоты мозга,— подумал вслух Алик.— Шлемы не только переводная, но и транслирующая машина. С Учителем, впрочем, они не понадобятся.

— Фью просил не снимать их. Вероятно, у них есть и записывающие функции.

Позже, уже на вездеходе, когда Капитан и Библ колесили по черной пустыне в поисках связки с пространством зеленого солнца, откуда они могли стартовать к Учителю, ибо только там и в Аоре действовал механизм телепортации, Библ долго и сосредоточенно молчал, нехотя откликаясь на реплики Капитана. Наконец тот не выдержал:

— О чем это вы размышляете, Библ?

— Глупости,— сказал Библ.

— А все же?

Библ улыбнулся:

— Почему в жизни Малыш безапелляционно командует Аликом, а в материализованном фантастическом эпизоде с петлей времени безропотно перешел на подчиненное положение? Вы обратили внимание, Кэп, он даже не поправил его в рассказе.

— Так ведь это Алик все и придумал.

— Если бы только Алик! Но и воображение Малыша

подключилось к его сознанию синхронно даже в деталях. Как бы слилось с ним. Чужой мозг даже не сопротивлялся, его синапсы¹ почти в точности воспроизвели индивидуальность другого. Малыш, никогда не работавший на ускорителях, материализовал в памяти все подсказанное Аликом. Какой же техникой должна располагать цивилизация, чтобы так управлять психикой человека!

— А мы едем разоблачить эту цивилизацию.

— Высота этой цивилизации не адекватна высоте ее техники,— заключил Библ.

Ему пришлось повторить эти слова уже в беседе с Учителем. Все, что предшествовало этой беседе, уложилось в полчаса. Мираж нашли через две-три минуты после заключительной реплики Библа. Прошли над мшаником, выбрались на утопанную плешину в низкорослых корявых кустах, поставили вездеход под защиту.

— Проверим телепортацию,— усмехнулся Капитан и шагнул в белый зал к аквариуму с мутной массой в недвижимой жидкости. Тотчас же рядом возник и Библ. Обменялись улыбками: действует телепортация! На большее мысль не отважилась, ее сразу же подавила чужая воля: сядьте, подождите, пока я не познакомлюсь с накопленной вами информацией. Сели уже в привычные кресла, не обратились друг к другу ни с молчаливым вопросом, ни с недоумевающей усмешкой, тупо, заклиненно открыв кому-то для обозрения содержимое своих черепных коробок. Впрочем, кому, было ясно обоим.

И через несколько минут, именно минут, а не часов, молчания этот кто-то откликнулся. Ему не потребовалось много времени для того, чтобы узнать, что они увидели, переговорили и передумали в дни своего знакомства с Гедоной.

— Я знаю каждый ваш шаг и каждое ваше суждение,— «услышали» они, как и раньше, беззвучный «голос»,— но вы мыслите убийственно медленно, слишком медленно, чтобы скорость моего мышления могла бы проследить все ползки вашей мысли. Поэтому придется кое-что уточнить. Вы считаете, что моя цивилизация мертва?

¹ Синапс — сигнал, идущий от одного нейрона к другому, характеризующий деятельность головного мозга.

— Да,— отрезал Библ,— мертва. То, что вы создали на планете,— лень материи, энтропия. В ваших деформированных пространствах не больше жизни, чем в метановых озерах и глыбах замерзшего водорода, которые мы видели в космосе на пути к Гедоне.

— Что значит мертвое и живое? Жизнь здесь, как и везде,— лишь один из вариантов бытия материи. Вопрос в том, какой вариант считать идеальным.

— Допустим, что ваш. Попробуем согласиться. Ваш мир разумен, как высшее проявление материи, стабилен ввиду постоянства жизненных циклов и двойственности организационной структуры его, свободен от капризов природы, от диктатуры техники, от любых ограничений, кроме тех, что обеспечивают путь к Нирване. Так вот: ни с одним из этих тезисов наш земной ум согласиться не может. Ни с разумностью вашего мира, ни с его свободой и благоденствием.

— Уточните.

— Разумность любого мира определяется путями совершенствования разума, постоянством и непрерывностью этого процесса. Вы остановили его. Вы исключили разум как основу цивилизации.

— Мы заменили его воображением. Я прочел в вашем сознании знакомую мысль: разум ведет к истине долгим извилистым путем, воображение легко взбирается на вершину горы. Только воображение подсказывает, как раскрыть идеал, то, чего еще нет, но что должно быть.

Библ внутренне усмехнулся: он действительно думал о том, что в философии гедонийцев воображение противоположно разуму. Но он припомнил этот тезис как ошибочный, идеалистический.

— Воображение — один из компонентов разума,— продолжил он невысказанную мысль.— Вы же отождествили воображение с мифотворчеством. Вам, знающему более высокие формы мышления, должно же быть ясно, что его мифологическая форма — это наиболее примитивная форма сознания, когда человек поклоняется силам, с которыми отождествляет себя. Ваш миф снимает вопрос о личной ответственности, о подлинном выборе, создавая стандарты поведения, которым нужно лишь бездумно следовать. Вы говорите: «Все дозволено», но опутываете человека запретами куда более бессмыслен-

ными, чем у нас на Земле. И самый страшный запрет — запрет на знание, постоянно развивающееся и совершенствующееся. Каждый может создавать своё собственное представление об окружающем, не обращаясь к наукам, которых у него нет. А ведь только науки могут дать ему не иллюзорное, а подлинное знание о мире, под небом которого он живет.

— Зачем ему это знание? Любая наука создает лишь смятение мыслей и чувств, мы же воспитываем в нем безмятежность духа и уверенность в своей правоте, высокую самооценку и высокий уровень притязаний.

— На что? — гневно воскликнул Библ, пораженный философской ограниченностью Учителя, и тут же подумал, что техническая вооруженность ума создателя гедонийской цивилизации может и не соответствовать его социально-философскому арсеналу. И, уже сдержавшись, продолжил: — Высоких притязаний? Я спрашиваю: на что? На идиотизм Аоры? На тупые грезы Нирваны? На запойное безделье ваших гедонийцев? Не удивительно, что в мире, культивирующем подобные притязания, ни мысль, ни разум, ни истина не в почете.

→ В вашем обществе, — «услышали» в ответ Капитан и Библ, — следуют принципу: от каждого по способностям, каждому по труду. Но ведь труд — это источник несвободы, область необходимости. В таком обществе никто не свободен.

Знакомая философия, подумал Библ. Были и на Земле анархистствующие философы, время от времени принимавшие ревизию марксизма. События и наука их давно опровергли. А здесь, на вершинах технической эволюции, социально-философская вдруг предлагает им такие одряхлевшие откровения.

— Человек, как известно, начинается с труда, — поучительно сказал Библ, — и совершенствует его вместе с разумом. Лучшие умы на Земле на протяжении двух тысячелетий видели счастье в совершенстве труда. Я не называю имен, вы их не знаете, но то, что они утверждали, верно для любого общества в любом уголке Галактики. Уничтожение дармоедов и возвеличивание труда — вот постоянная тенденция истории. Жить — значит работать. Всякий труд благороден, и благороден лишь один труд. Ведь самое прекрасное в мире нашем то, что создано

трудом, умной человеческой рукой, и все наши мысли, все идеи возникают из трудового процесса. Не буду повторять то, что все это истины, знакомые любому разумному существу. Что вы когда-то были таким, я в этом не сомневаюсь. Но в целях смелого, хотя и сомнительного эксперимента вы построили модель общества с иной социальной структурой: часть людей вы освободили от труда и они перестали быть людьми, опустившись до уровня хорошо выдрессированных животных, которых принято считать биологическими предками человека. С обслуживающим их персоналом вы поступили иначе: этим вы привили наслаждение трудом, мало чем отличающееся от наркотических наслаждений Нирваны. И там, и там — миф как регулятор поведения.

Серый комок нервных клеток, застывший в аквариуме, послал свой беззвучный отклик. При некоторой смелости воображения в нем можно было даже «услышать» насмешливую интонацию.

— Разве труд, которым, как ты говоришь, так восхищаются на Земле, не является источником наслаждения для человека?

Теперь уже рассердился Капитан.

— Да, является,— вмешался он.— Но труд не оупляющий и бессодержательный, требующий такого же оупляющего и бессодержательного отдыха. Такой труд на Земле заменяют машинным. Не знаю, почему вы этого не сделали. Ведь он даже на участках, требующих самой высокой квалификации, ничего не создает, не улучшает, не совершенствует. Вы исключили всякое творчество, погасили изобретательскую мысль, любую попытку придумать что-то новое, что-то улучшить, что-то изменить. Все стабильно, неизменно, неколебимо. И все же труд Голубого города — основа и фундамент вашей цивилизации. Уничтожьте его — и развалятся Аора с Нирваной. Рассыплется в прах все двухслойное здание вашего идеального мира. Есть еще на Земле такое ничтожное паразитирующее насекомое — клоп, иногда беспокоящее человека. Раздавите его, и человек останется жив, а клопа не будет. Но уничтожьте человека, и насекомое исчезнет как вид — не на ком будет паразитировать. По-моему, в этой побасенке суть и будущее вашей цивилизации. Ложность не в цвете солнц, а в ее социальной структуре.

На этот раз аквариум не послал реплики. Мозг безмолвствовал, кое-где заметно пульсируя. Может быть, в нем смещались далеко обгоняющие человеческую мысль цепи ассоциаций, взвешивая и оценивая суждения землян. Капитан и Библ обменялись недоуменными взглядами. Что это? Конец беседы? Но долгожданная реплика наконец дошла до их сознания в лаконичной формулировке:

— Без Аоры и Нирваны мне Голубой город не нужен. Это один из компонентов техносферы моего мира.

— Если исчезнет земная техносфера,— сказал Капитан,— человек ее восстановит. Может ли это сделать гедонист?

— Нет.

— Но можно ли научить его конструировать, строить, изобретать?

— Нет. Циклы обучения стабильны и неизменны.

— А психика? Мысль? Поиск?

— Бытие живой материи запрограммировано навечно.

— Тогда я повторю мысль Библа. В вашем мире не больше жизни, чем в замерзшем аммиаке на мертвых планетах.

— Я обдумаю ваши суждения, и, если найду их правильными, вы узнаете об этом не от меня.

Мозг «замолчал», и тотчас же оба землянина, не сговариваясь и не колеблясь, движимые чужой, хотя и неощутимой волей, шагнули из белой кипени зала на вытопанную лужайку в низкорослом кустарнике, где стоял их никем не тронутый вездеход.

Связку с черной пустыней нашли минут через десять, и только тогда Капитан осторожно спросил:

— Ну как?

— Он думает в сто раз быстрее нас,— сказал Библ.

— Ну и что?

— Может быть, информация уже передана Координатору. Я имею в виду поправки к программе.

— Какие?

— Исходящие из нашей беседы. Он не будет ни лицемерить, ни обманывать себя, ни утешаться иллюзиями.— Библ говорил загадочно, словно нехотя, что-то сообщая.

— Ничего не понимаю,— сказал Капитан,— что вы подразумеваете?

— Опасение.— Библ почти вплотную придвинулся к уху соседа.— А что, если он согласится с нашей оценкой его создания?

Капитан задумался.

— Что мы можем предвидеть? Это не человеческий мозг. Даже не мозг гения. Это супермозг.

— Выводов, конечно, предвидеть нельзя. Но можно предположить. Один из вариантов: уничтожить станцию и нас, свидетельство которых может иметь для него нежелательные последствия. Но я лично в это не верю. Так поступил бы ум низкий, трусливый, несовершенный. Опаснее другое: он может уничтожить себя и свое дитище.

— Вместе с нами?

— Возможно, если ему не помешают.

— Кто?

— Хотя бы мы.

Капитан крикнул: он привык понимать с полуслова.

— Тогда поторопимся.

Станция уже показалась на горизонте. Еще несколько минут, и на фоне ее выросли бежавшие навстречу вездеходу фигурки. Капитан остановил машину:

— Что случилось?

— Лиловое солнце погасло,— сказал Малыш.

Глава V

КОНЕЦ УЧИТЕЛЯ. МОЗГОВОЙ ШТУРМ

Лилового солнца действительно не было. По дуге от горизонта к зениту, отклоняясь в сторону от палящего солнца пустыни, неярко светили голубое, синее и зеленое, как уличные карнавальные фонари, зажженные при дневном свете.

— Конец Нирваны,— сказал Библ.

— Может быть, только отраженное солнце погасло,— предположил Капитан.— Не знаю, какова их роль в сопредельных пространствах.

Библ поглядел на часы-браслет.

— Прошло тридцать восемь минут с момента нашего выхода. Бесследно уничтожить за это время целый мир — задача, едва ли посильная даже для их техники. Но разве велика масса этого мира? Энергетические поля, гравитационные уровни и бытовые вещи, переданные из Голубого города какими-нибудь структурными передатчиками. Только люди. Такие же структурные распылители уничтожат их в доли секунды.

— Почему уничтожат? Эз-ачем уничтожат? — заикаясь, спросил Алик. Ни он, ни Малыш ни о чем не догадывались.

Библ кратко изложил свою гипотезу:

— Аору тоже уничтожить недолго. Зеленое солнце погаснет позже — слишком велика масса живой материи. Голубой город они оставят напоследок — там механизм ликвидации. Сначала люди, потом машины. Параллельно уровни, эскалаторы и регенерационные камеры. В заключение самоустраняется Координатор. Что-нибудь вроде лучевого хвоста скорпиона.

— А наша станция? — спросил Малыш.

— Сейчас узнаем. Во всяком случае, попытаемся. Поехали.

— Куда?

— К Учителю. Пока зеленое солнце еще не погасло.

Связку они нашли на том же месте. Зеленое пятно тумана с рваными расплывающимися краями. Такое же, как и полчаса назад. Прошли, из предосторожности включив отражатель, но стрелка индикатора, указывающая на сопротивление поля, не сдвинулась с места: энергетические преграды уже не действовали.

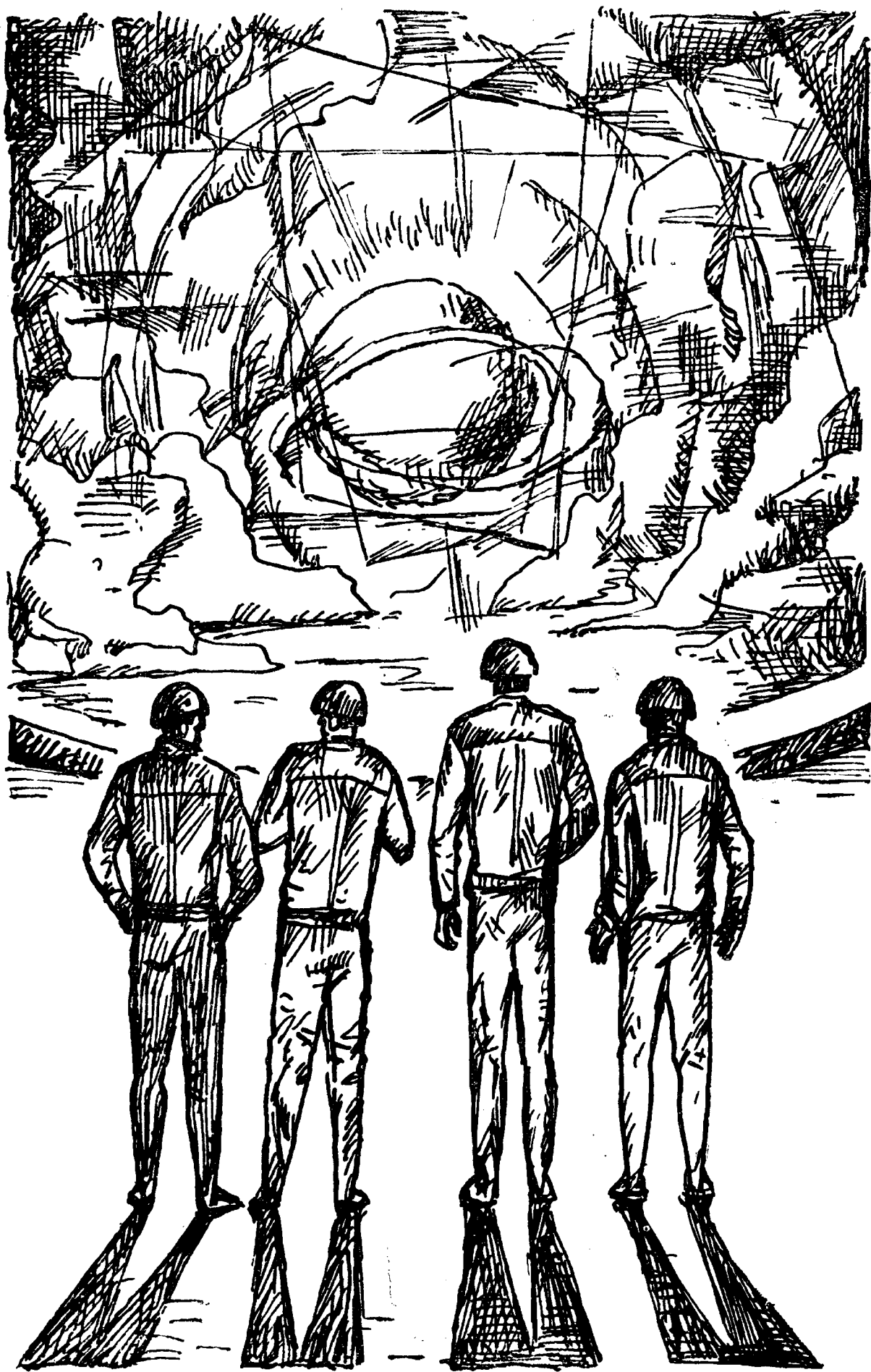
Ехали молча, напряженно, сосредоточенно. Только Алик горячился:

— Не понимаю, зачем ему это нужно. Нервный шок или душевная слабость.

— У него нет души, — сказал Малыш.

— Ну, воля. Воля к сопротивлению, воля к борьбе. Логичнее было бы уничтожить нас.

— Логичнее для ума человеческого, — заметил Библ. — Но это не ум. Это мешок с информацией. Новая информация, внесенная нашим вмешательством, логически обесценивала старую, снимая уверенность в идеальности модели. Но если не идеал, значит, ошибка.

...В белую туманность зала вошли не двое, а четверо.

Исправить ошибку нельзя — исправления не предусмотрены программой. Но вероятность ошибки допускалась, и самоликвидация, возможно, была запрограммирована. Требовался сигнал. Мы его дали.

Капитан остановил вездеход. Все дальнейшее в точности повторилось, только в белую туманность зала вошли не двое, а четверо. Внутри все выглядело по-прежнему. В центре все так же висела прозрачная емкость аквариума и серый комок, похожий на гигантскую студенистую медузу, просматривался, пожалуй, еще более резко. Но Капитан сразу подметил разницу. Емкость казалась еще прозрачнее, а серый комок опустился ниже, словно на дно, если только ее нижний прозрачный уровень можно было назвать дном. Он уже не двигался и не пульсировал.

— Жидкость выпущена,— сказал Капитан, подходя ближе.

Малыш и Алик, впервые попавшие в эту белую кипень, оглядывались, ничего не понимая.

— Это он? — спросил Алик, указывая на студенистую массу.— Учитель?

— То, что было Учителем,— сказал Библ.— Питательной среды больше нет. Сейчас они уничтожат всю массу еще сохранившейся здесь живой и мертвой материи.

— Кто они?

— Машины. Те, которые дождались своего часа. Надо уходить, пока действует телепортация.

Телепортация работала. Вездеход ждал со включенным двигателем. Связку нашли тотчас же. Черное зеркало пустыни открывало путь к Голубому городу. Во всяком случае, все знали, где его надо искать.

— Синее тоже гаснет,— сказал Малыш, взглянув на небо.

Синее солнце действительно уже поблекло. Тусклый ультрамариновый круг, медленно растворявшийся в голубом небе. Ниже его по пересекавшей зенит дуге оставались непогасшими только два ложных солнца — зеленое и голубое. «Еще полчаса»,— отметил про себя Библ, взглянув на запястье: программа ликвидации гедонийской модели совершенного мира действовала с беспощадной решительностью. На зеленое пространство уйдет не меньше часа, а может быть, и больше — слишком велик

объем живой массы. Знают ли в городе и что смогут предпринять, если знают? Необходимо сейчас же, не теряя ни минуты, связаться с Фью или Другом. Но как связаться, если встреча не предусмотрена? А что, если попробовать эмоциональное эхо?

— Давайте все сейчас вызовем Фью или Друга. Лучше Фью. Он знает больше. Вызываем все сразу — может быть, шлемы сработают. Начинаем.

Мысленный вызов Фью сыграл немедленно. Птичий голосок его пропищал в шлемах:

— Готов к ответу.

— Учителя уже нет, — сказал вслух Капитан. — Вероятно, по его приказу Координатор выпустил питательную жидкость из баллона. Мозг погиб.

— Мы предвидели эту возможность, — тотчас же прозвучал ответ Фью. — Мы слышали ваш разговор с Учителем. Много нового, много думать.

— Думать следует об одном: как спасти Голубой город. Сейчас Координатор уничтожает планету. Нирвана сожжена, распылена или стерта. Лиловое солнце погасло. Сейчас гаснет синее. Очередь за зеленым. Если есть возможность остановить Координатор, не медлите. У вас чуть больше часа по земному времени.

— Я могу в две минуты сжечь Координатор. Излучатель со мной в машине, — вмешался Малыш.

— Бессмыслица, — оборвал Капитан. — Координатор не должен быть уничтожен. Он еще понадобится людям.

— Мы это знаем, — снова ответил Фью. — А сейчас ждем вас в «цирке». Поспешите. У входа в город вас встретит Друг.

Пяти минут не понадобилось вездеходу, чтобы достичь Голубого города, выросшего, как и прежде, совсем близко от станции. Он возникал постепенно, проявляясь, как фотоснимок, в голубой дымке над черной пустыней сначала тусклым видением с неясными контурами, потом контрастной живой картинкой, отчетливой и стереоскопичной. А с быстротой приближения весь этот геометрический сумбур плоскостей и уступов, смещавшихся уровней и спектральных дорожек-«улиц» вдруг сузился до размера крошечного пятна — человечка в лазурной курточке, ожидавшего их у знакомой границы.

Он не двинулся с места, пока они оставили вездеход

и подошли вплотную. Обычно живое, приветливое лицо его казалось неподвижным, будто кукольным, и только по этой неестественной неподвижности можно было догадаться о чувствах, обуревавших этого человека. Он не сказал ни слова, только показал рукой на проползшую мимо дорожку и двинулся по ней, не оборачиваясь. Все четверо последовали за ним, ничего не спрашивая, только крепко прижались друг к другу, понимая, что за неторопливым движением дрожащего под ногами эскалатора следует ожидать его обычный винтообразный рывок. Последнее, что увидел оглянувшийся назад Алик, был зеленый диск солнца, уже начавший тускнеть по краям.

Сошли у переплетения «улиц»-дорожек перед знакомым входом в цирк, где уже тихо пересвистывались десятки, а может быть, и сотни почти неотличимых друг от друга человечков в курточках. Люди в таких же куртках выделялись среди них только габаритами, особенно разительными, когда на центральной площадке появились встречающие Фью и Си с Осом, одинаковые как близнецы. «Почему четверо? — подумал Алик. — Вероятно, потому, что сопровождали землян в их первой прогулке по городу. А может быть, потому, что только они обучились нашему языку. Проводники, гиды, переводчики. Аллах знает...» Задумываться Алик не стал, его поразила совсем другая атмосфера зала, как будто вытянули ее в одну-единственную, напряженную до предела струну. Потяни еще — оборвется. Никто не улыбался, не приветствовал — лица, как у сопровождавшего их безмолвного Друга, такие же кукольные, словно из пластилина.

— Времени мало, — сказал Капитан. — Каждая доля секунды на счету. Объяснения нужны?

— Нет, — качнул головой Фью.

— Что вам известно?

— Изолированные пространства механически перестраиваются. Материя распадается. Механизм уничтожения автоматический.

— Можете его обнаружить?

— Нет.

— Дистанционно воздействовать?

— Нет. Механизм регулируется Координатором.

— Мы можем связаться с Координатором?

— По этому поводу?

— Да. Получить информацию о местонахождении интересующего нас механизма, о его масштабах и действии.

— Если эти вопросы не предусмотрены программой, ответа не будет.

— Жаль,— сказал Малыш.— Я на всякий случай все-таки захватил с собой излучатель.

Тихое посвистывание из амфитеатра отвлекло Фью. Он выслушал и сказал:

— Регенерационные залы пусты. Ни одного гедонийца ни в состоянии клинической смерти, ни в первой стадии оживления. Конвейер остановлен. Реаниматоры отключены.

— Что значит «отключены»? — спросил Капитан.— Речь, я понимаю, идет о людях.

— Сняты с постов, переведены в свои ячейки. Так вы называете их жилища.

Новый посвист из амфитеатра, и очередное лаконичное сообщение Фью:

— Отключено все управление природой и климатом в изолированных пространствах — и лабораторные циклы, и перестройка пейзажа. Частично мы уже помешали этому, оставив наших людей на местах. Но механизм разрушения автоматический — не останется ни гедонийцев, ни окружающей их природы.

— А затем очередь Голубого города?

— Вероятно.

— Если уничтожить Координатор, сможете ли вы освоить хотя бы основы управления городом? Скажем, транспорт, питание, связь.— Капитан уже не скрывал тревоги.

— Я не знаю, можно ли уничтожить Координатор,— задумался Фью, от чего речь его сразу утратила быстроту и уверенность.— Но вопрос должен быть поставлен иначе. Если уничтожить Координатор, остановится ли процесс уничтожения всего живого и мертвого на планете? Ответ: не знаю.

— Значит, единственный путь к спасению — это воздействовать на Координатор, ввести новые элементы в программу?

— Да. Но мы не знаем как.

Любому замечательному открытию всегда предшест-

вует неожиданная, озаряющая мысль. Именно такая мысль и возникла у Библа в этот страшный миг обреченности.

— Есть предположение,— сказал он просто.— Что такое Координатор? Машина, действующая по заранее заданной программе. Кем? Учителем и его группой. Перестраивалась ли в дальнейшем эта программа, дополнялась ли? Думаю, да. Известно о постоянном обмене информацией между Координатором и супермозгом, вобравшим в себя всю нейронную сеть создателей этой цивилизации. Много ли их было? Вероятно, меньше, чем здесь присутствующих. Это наводит на мысль: что, если каждый из нас сейчас в одну и ту же единицу времени пошлет Координатору один и тот же мысленный приказ? Возникнет информационный поток почти той же или даже большей энергетической силы, который, возможно, и заменит мысленную волну супермозга. Мы уже применили нечто подобное, вызывая вас. Своего рода эмоциональное эхо. Пусть им будет приказ Координатору: остановить разрушение! Переводите.

Фью просвистел несколько встревоженных трелей. Все смолкло.

— Настроиться,— сказал Библ.

Фью перевел.

— Приготовились.

Фью перевел.

— Начали!

Ни одного звука в ответ. Только головы всех синхронно, как в строю, повернулись в одном направлении. Никто никого не переспрашивал, никто никому не заглядывал в глаза. «Остановить разрушение!» — беззвучно приказал единый мысленный поток.

Несколько секунд, а может быть, и минут стояла почти космическая тишина. Только далекое, едва слышное жужжание «улиц»-дорожек возвращало к действительности.

И вдруг словно лопнула перенатянута струна, хотя и струны не было, и звука не было, но спроси Капитана в эту минуту: лопнула ли струна, он не удивится и не спросит в ответ, какая струна, а скажет: да, лопнула, все слышали, правда? И Библ, и Малыш, и Алик не усомнятся — все слышали, и тут же заявят, что напавшее, каза-

лось, самый воздух нечеловеческое напряжение снято, все кругом расслабилось, и Фью, сняв шлем, совсем по-человечески вытер ладонью взмокший от пота лоб.

— Сигнал принят,— сказал он.— Разрушение приостановлено. Координатор подчинился, не реагируя на подмену.

— Но ведь он знал о гибели Мозга,— встрепнулся Алик,— ведь по его сигналу сработало автоматическое устройство, выпустившее питательную жидкость из аквариума.

— Координатор — машина,— повторил Библ,— машина, запрограммированная на подчинение мысленному потоку определенной энергетической силы. Координатор не рассуждает, а действует. Как я и предполагал, эксперимент удался. Вы получили ответный сигнал? — вопрос был адресован уже Фью.

— Да,— подтвердил тот.

— Все слышали?

— Все.

— Кроме нас.

— Мы же мыслим быстрее,— сказал Фью.— Другие частоты, другие волны. Уничтожен весь материальный мир в лиловой и синей фазах и частично — в зеленой.

— Что уцелело?

— Только необитаемая лесистая часть. Но мы имеем возможность расширить и перестроить ее. Все лабораторные и автоматические системы управления в наших руках.

— Пока же весь ваш супермашинный парк должен будет работать вхолостую,— заметил Капитан,— регулировать механизмы телекинеза и телепортации, которые уже не нужны за пределами города, а внутри его бесполезны, создавать праматерию для изготовления вещей, которыми вы сами не можете воспользоваться да и которые никто уже не востребует, мчаться на дорожках-«улицах» туда и сюда с ощущением бессмысленности поездок. Нельзя сразу сломать машинерию Координатора, да и ломать ее, конечно, не нужно: она вам самим в свое время понадобится. И все же я не советую во всем полагаться на Координатора. Присматривайтесь сами. Учитесь. Расставьте своих людей по всем точкам управления. Кстати, как вы сами отличаете их специальность?

— По цвету волос и глаз. Синтезаторы — брюнеты, связники — седые, натур-техники — рыжие. В подгруппах — по глазам: физики-пространственники — черноглазые, у химиков-пищевиков глаза зеленые. Много примет.

— Скотский способ,— вздохнул Капитан.— В будущем научитесь различать людей иначе. Уважительней и умнее. Многому придется учиться. Ведь вы заново рождаетесь сейчас, как человеческое общество, как социальный организм, ячейка разумной жизни в Галактике. Избегайте ошибок и заблуждений: многие могут оказаться непоправимыми.

Он запнулся и подумал о парадоксальной ситуации, в которой оказалось это новорожденное общество. Все, чем оно обладает, ему не принадлежит. Надо и работать по-новому, растить и готовить смену, познавать и перестраивать мир, превратить труд в творчество и вернуть Координатор с Олимпа на службу людям, как мощную, но послушную им кибермашину. Нет, нельзя сейчас оставить это маленькое человечество без совета и помощи. Не кончена их миссия на Гедоне, она лишь приобретает новые масштабы и формы. Капитан оглядел поникие фигурки в голубых курточках и в глазах ближайших прочел надежду и зов.

— Не тревожьтесь,— прибавил он,— главное сделано: создан супермозг, коллективный мозг здесь присутствующих, который и сумел подчинить себе Координатор. Пусть этот коллективный мозг и будет главой вашего нового общества, его верховным советом. Собираясь регулярно, он будет обмениваться информацией с Координатором и изменять программу и алгоритм его работы. А вы в совете изберите рабочий орган — комитет, который и займется насущными проблемами. С этим комитетом и будем встречаться мы. Вы быстрее мыслите и скорее справитесь с трудностями, но рекомендации наши только помогут вам в этом. В разбитой чаше вашей цивилизации сохранилось главное — ее содержимое, а уж сосуд вы сумеете вылепить, какой потребует жизнь.

По розовой дорожке спустились к вездеходу. Их не провожали.

— Открывайте первое заседание совета,— сказал Капитан,— вам не до проводов.

АКУСТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ. С ЧЕГО НАЧАТЬ?

О происшедшем не говорили до вечера. Капитан еще в машине, когда возвращались на станцию, заметил в присущей ему в критические минуты жесткой манере: ни вопросов, ни обсуждений, никакой болтовни, после обеда спать. И хотя все критические минуты давно прошли, замолчал строго и отрешенно. Поэтому и обедали молча, нехотя пережевывая разогретые наспех консервы. Только мороженое в охлажденных тюбиках внесло ленивое оживление.

— Не люблю в тюбиках. Пережиток прошлого века,— недовольно поморщился Алик.

— А мне в жару все равно, лишь бы побольше,— сказал Малыш. Рот его перекосило зевотой.

— Я говорил — спать! — напомнил Капитан.— Доедай и отправляйся.

Малыш ушел, и Алик, уже поднявшийся из-за стола, рискнул спросить:

— Может быть, радиogramму на Землю пошлем? Я подготовлю текст.

— Не надо,— отрезал Капитан.— Спать!

Алик спустился к себе возбужденный и злой. Капитан иногда ведет себя как фельдфебель. Алик никогда не видел фельдфебелей — армий уже давно не было, но образы из книг памятливы и живучи. Шлепнулся на койку, а монотонный храп Малыша, доносившийся из полуоткрытой двери, так и не дал сосредоточиться. Нирвана. Петля. Серый комок на дне пустого аквариума. Эмоциональное эхо. Спать действительно хочется. Может быть, Капитан и не зря на этом настаивал. Алик зевнул широко, как Малыш, и заснул по-детски легко и беззвучно.

— Свистать всех наверх! — разбудил его Малыш.

— А что? — еще не проснулся Алик.

— Вечерний чай и очередная летучка.

Алик все вспомнил и рассердился. Какое право имеет Капитан вмешиваться в личную жизнь экипажа? Почему Алику с Малышом нельзя обсудить происшедшее или попросить разъяснений у Библа? Почему Капитан отсылает всех спать, как пятилетних детей? И ни одного про-

тестующего голоса, ни одного возражения! Нет, он сейчас все это выскажет. Прямо в лицо.

Но он не высказал. Он выпил молча свою кружку индийского чая, даже не подымая глаз на Капитана. А тот заметил, конечно:

— Алик сердится. На кого, сынок? На меня?

— Вы угадали, Капитан,— Алик отважился наконец на открытую схватку,— на вас. Мы не на корабле и не на вахте. Поэтому я позволю себе высказать все, не считаясь с субординацией. Вы не интересуетесь мнением экипажа, Капитан. Отдавая приказ: «Никаких обсуждений происшедшего, никаких вопросов. Спать!», вы не объяснили, какие чрезвычайные обстоятельства вызвали в этом необходимость, почему среди бела дня нужно было разойтись по койкам и кому могли помешать дружеские разговоры о случившемся. Не объяснили вы и странный, с моей точки зрения, отказ послать на Землю радиogramму о событиях уже вполне ясных и определившихся. Вы скажете: приказы не обсуждаются, а выполняются. Но одного выполнения мало. Требуется и понимание того, что приказано, и уважение к приказу. В данном случае не было ни того, ни другого.

Тираду Алика выслушали, не перебивая: Библ — внимательно, но без интереса; Малыш — с равнодушной миной: «Мне бы ваши заботы», а Капитан — с улыбкой, скорее добродушной, чем строгой.

— Ну что ж, понятно,— сказал он,— лучше поздно, чем никогда. Каюсь, я был категоричен: не советовал, а приказывал. Объяснения вызвали бы ненужные протесты и возражения: вы их сейчас слышали. Спрошу только: вы сразу заснули, добравшись до коек?

— Немедленно,— ответил Библ.

— Я даже не помню, как добрался до койки,— присовокупил Малыш.

Алик молчал, потупив взор: думы его на койке едва ли продолжались дольше минуты.

Капитан усмехнулся:

— А ведь я это предвидел. Утренние события — гаснущие солнца, гибель Учителя, эмоциональное эхо и наша доля в мысленном вызове Координатору — не могли не вызвать перенапряжения всей нервной системы. Требовалась разрядка, и мы ее получили. Теперь об отказе по-

слать радиogramму на Землю. Ведь это не радиogramма, а лазерogramма. Высверливать космические дали дорого стоит, а мы еще ограничены энергией и недостаточной мощностью аппаратуры. Алик это отлично знает, но он считает, что события на планете уже всё прояснили и определили, и послал бы примерно такое сообщение: «Технократическая диктатура на Гедоне сломлена. Власть в руках свободных избранных народа. Дружеские контакты обеспечены. Ждем указаний». Ведь так, Алик?

Алик молчал: вероятно, именно такой текст он бы и представил Капитану.

— Едва ли такое сообщение было бы верным и тем более своевременным. Во-первых, не технократическая диктатура, а власть суперкомпьютера в Голубом городе еще не сломлена. И не ломать ее надо, а подчинить воле и разуму человека. Во-вторых, никаких указаний мы пока не ждем. Сами разберемся. А когда разберемся и появится необходимость в указаниях и требованиях, указывать и требовать будем мы, и в Космической службе на Земле это знают и понимают. Вот почему я и отказал Алику: время для сообщения на Землю еще не пришло.

Алик слушал, широко открыв глаза. Гнев и растерянность его уже сменились желанием задавать вопросы, запрещенные до вечернего чая.

— Я одного не понимаю,— начал он, как только умолк Капитан,— почему Учитель решил уничтожить все им созданное после одного, да и то не очень долгого разговора с вами. Ведь это не просто мозг, это супермозг. И никаких сомнений в истинности вашей оценки, никаких возражений, никакой попытки защитить свое детище. Ведь даже обыкновенный, не гениальный, а просто убежденный в своей правоте человек не сразу согласится с вами, если вы переубедили его, а подумает, много раз подумает, прежде чем признаться в своей ошибке.

Ответил вдумчивый, как всегда чуть-чуть апатичный Библ:

— Человек — да. Но Учитель — не человек. Это абстрагированный разум с таким высоким уровнем мышления, какой даже сопоставить нельзя с человеческим. Он мыслит в сотни тысяч раз быстрее, чем мы, и успел подумать, много раз подумать, как вы говорите, над тем,

что услышал от нас. Почему он согласился с нами, хотя мы и не особенно горячо убеждали его, почему не защищал свое детище? Да просто потому, что понял, сразу понял, что правы мы, а не он. Человек, даже подсознательно убежденный, сознательно мог все же еще спорить, возражать, защищаться, протестовать. На него бы давил эмоциональный груз ложного самолюбия, самоуверенности, заносчивости, упрямства, эгоистического нежелания сознаться в своей ошибке. Но Учитель был лишен такого эмоционального аппарата, на него ничто не давило, кроме, может быть, подсознательной связи с породившей его инопланетной цивилизацией, эта обнаженная в своей чистоте мысль в ничтожные доли секунды все взвесила, оценила, сопоставила и согласилась с нами.

— Вы говорите: сверхразум,— вскинулся Алик,— а уничтожение планеты — это разумно?

— Я думаю, что решение об уничтожении планеты принадлежит не сверхразуму, а Учителю-человеку. Экс-человеку. Где-то на дне этого серого мешка с информацией дремала память человека, генетически связанного с полностью технократической и почему-то угасшей цивилизацией. На технической базе ее он и построил свою паразитирующую модель. Эта давняя память и подсказала ему решение, когда он убедился в бесплодности своего создания. Вот так. А в голубокурточников он не верил, считая их подсобным пластом жизни, как подсобна, скажем, сердечно-сосудистая система, питающая высокоразвитую нервную. Мы были дальновиднее — вот и всё. В двухслойной модели Учителя оказался зародыш общества, способного самостоятельно развиваться и совершенствоваться. Мы уже слышали первый крик новорожденного, видели первый его шаг в будущее. А сейчас перед нами стоит задача...— Библ помолчал секунду.— Итак, с чего начать?

Экран видеоскопа, позволявший наблюдать окрестности станции даже в направлении, закрытом от глаз, вдруг помутнел, словно застланный розоватым туманом. Туманная пелена вздувалась и опадала, как плохо натянутый парус. Но самое любопытное было даже не в оптическом, а в акустическом волшебстве.

Экран заговорил. Точнее, повторил с механической однотонностью последние слова Библа:

— С чего начать?

Сидевшие за столом смолкли, удивленно переглянулись и воззрились на невидимого за экраном собеседника.

— Может быть, эхо? — предположил Малыш.

— Нет, не эхо, — проскрежетал экран, — это мы спрашиваем. Мы прослушали весь разговор и ждем совета. Мы действительно не знаем, с чего начать.

— Фью? — спросил Капитан.

— Здесь и Фью.

— Как же вы ухитрились передавать звук? Шлемы для этого не приспособлены.

— Создали дистанционное акустическое поле. Метод постоянных импульсов с автоматической коррекцией.

— С помощью Координатора?

— Нет, сами.

— Я всегда думал, что здешние ребята справятся и без няньки, — сказал Малыш.

— Что же вы хотите? — спросил Капитан.

— Совета: с чего начать. Сейчас. Сразу.

— Почему же сейчас и сразу? Не лучше ли отложить беседу на завтра? Мы смогли бы все обдумать и подготовиться.

— Вы уже думали. И не раз, мы знаем. А с Учителем говорили без подготовки. Лучшие идеи всегда рождаются сразу.

— Не всегда, — усмехнулся Капитан, — и не всегда они лучшие. Но если хотите, начнем. Поочередно. С Алика. Алик, сообразишь?

Розоватая пелена экрана вызывающе вздрагивала. «Как живая», — подумал Алик, встряхнул волосами и ответил без запинки, как на экзамене:

— С чего начать? С освобождения из-под власти Координатора. Как? Очень просто. Еще один мозговой штурм, и вы получите от Координатора полную информацию о численности горожан по профессиям, специальностям, секциям или секторам, как там они у вас называются. А затем, установив число людей с необезвреженными электродами, произвести у них ту же операцию, которая уже освободила вас, произвести ее методично, не спеша и не таясь, в регенерационных залах, которые станут вашей клиникой, больницей, где будут лечить травмированных, всех, а не избранных, — лечить, а не отправлять

в атомный распылитель. Научитесь уважать человека, его жизнь и свободу, труд и отдых. Кстати, об отдыхе. Может, кому и нравится эта скотская пытка смеха, так оставьте ее для любителей. А другим дайте свободу отдыха, свободу развлечения. Не нужно наркотических грез Нирваны! Закройте или переоборудуйте этот сектор для других целей. Дайте людям зрелища — живые истории, доступные их сознанию, но развивающие, а не оупляющие его. Вы не знаете, что такое земное кино или телевидение, но попробуйте использовать вашу технику для претворения мысленных образов в зрительные, тогда воображаемое может стать видимым. А лучше всего пошлите кого-нибудь из знающих наш язык на Землю вместе с первым же прибывшим сюда космолетом. Лучше всего Си или Оса, или обоих вместе. Они послушают и посмотрят всё на месте и запомнят наиболее для вас подходящее.

— Хорошо, Алик,— похвалил его Капитан и спросил: — Есть вопросы?

— Мы слушаем,— металлически прозвучал экран.

— Порядок,— сказал Капитан.— Давай, Малыш.

— Я? — лениво переспросил Малыш.— А чему мне их учить с такой техникой? Пусть повернут ее внутрь, к себе. Телекинез — для себя. Телепортация — тоже. Шагай куда вздумается вместо тряских дорожек. И уловители желаний пусть улавливают их здесь на уровнях. Требуи что хочешь, одевайся как хочешь. А то одни куртки, как в казарме. И еда — не казарменная, а любая, по рецептам Аоры.

— И драки,— насмешливо перебил Капитан.— Захотел «хлыст» — на тебе, хлещи друг друга по мордасам... Нет, «по потребностям» им еще рано. Насчет одежды согласен — не нравятся голубые, носи зеленые куртки, но рабочая одежда должна быть удобной и строгой. Может быть, разной у людей разных профессий — это все-таки лучше, чем выращивать блондинов или брюнетов. Но техника на уровне коммунистического общества пока еще не для них. Надо сначала раскрепостить сознание, воспитать полноценного разумного человека, а потом уже раскрепощать потребности. Тут и оглянуться не успеешь, как из голубой куртки гедониец выглянет. Все-таки свобода, друг,— это осознанная необходимость, не забывай. Жаль, конечно, но многое из техники, работавшей на Аору, при-

дется если не закрыть, то заморозить, притормозить. Не знаю, поймут ли меня...

— Поймут,— сказал экран.

— Тем лучше. А вот натуртехнику включайте на полную мощность. Снимайте пространственные границы и окружайте город зеленым кольцом. Пусть дети живут в лесу и дышат озоном.

— Одновременно перестройте всю систему рождения и воспитания детей,— вмешался Библ.— Откажитесь от пересадки клеток и фабричного производства двойников по заранее выбранным эталонам.

— Разве у вас нет материнских блоков? — спросил экран.

— Дети рождаются и вырастают в семье.

— Не понимаем. Что такое семья?

— Это родители ребенка, отец и мать, дети и внуки. Дайте каждой женщине радость материнства и сознание ответственности за воспитание ребенка, пока ей на помощь не придет школа. Перенесите все школы в лесную зону, как это делали гедонийцы. Но вся система образования должна быть перестроена. Не мифы о мире, а познание мира. И не только управление техникой, но и познание техники, ее истоков, ее структуры, ее возможностей.

— Кто же даст нам это познание — Координатор? — спросил экран.

— Нет,— сказал Капитан.— Координатор должен стать послушным орудием вашей воли и разума. Это умная и надежная машина с большим запасом накопленной информации, но все же только машина, автоматическое, регулирующее устройство, какое у нас называют компьютером. Вы должны познать все, что он знает, и заставить его делать для вас все, что умеет. Процесс трудный и длительный, но в этом, пожалуй, и заключается главнейшая ваша задача. И в решении ее мы с вами. Да и не только мы, четверо, по нашему вызову с Земли придут другие, которые помогут вам стать хозяевами вашего мира, создать кадры своих собственных ученых, инженеров и воспитателей нового поколения. На этом, я думаю, можно пока и закончить.

И экран погас, точнее, пульсирующая розовая пленка на нем безответно поблекла и растаяла.

Акустическое поле Голубого города унесло с собой все здесь сказанное.

— Значит, остаемся на Гедоне, Капитан? — осторожно осведомился Алик.

— Слишком интересная предстоит работа, чтобы уступать ее другим,— сказал Капитан и, обращаясь к Библу и Малышу, сидевшим рядом, добавил: — Рассчитываю и на вас, земляки.

— А я? — испугался Алик.

— Ты останешься с нами до первой земной экспедиции, отправишься на Землю вместе с Осом и Си, покажешь им все, что требуется, и вернешься с ними же, если захочешь. А сейчас ты, надеюсь, понял, почему я отказался послать сообщение на Землю несколько часов назад. Не пришло еще время. Теперь оно пришло. Записывай, я диктую.

— Может, включить магнитную запись? — спросил Алик.

— Не надо. Пиши. «Рапорт шестой. Двухслойная цивилизация на Гедоне перестала существовать...» Зачеркни «на Гедоне»: ясно где. «После нашей второй беседы с Учителем, в которой мы доказали ему бесперспективность, бессмысленность и бесчеловечность его паразитического бессмертного цикла...» Стоп! Вычеркни все со слов «бесперспективность и бессмысленность»: длинно и выпендренно. Напиши так: «...доказали ему порочность его эксперимента, Учитель покончил с собой, предварительно запрограммировав Координатор на уничтожение всего живого на планете. Уничтожено все, кроме нашей станции, Голубого города и частицы лесного пространства. Мысленный штурм полутора сотен свободных жителей города по нашей рекомендации...» Погоди. Зачеркни «по нашей рекомендации»: это не столь существенно. Значит, «мысленный штурм» и так далее до «города»... «остановил Координатор, изменив программу. Власть в руках Комитета и, судя по уже состоявшимся переговорам, есть шанс создать здесь модель социалистического общества. Немедленно высылайте даже не одну, а несколько экспедиций. Нужны математики, электронщики, кибернетики, биологи, учителя и врачи. Будем учить и учиться сами. Пока всё». Последнее зачеркни: ясно и так.

Алик прочитал вслух записку в торжественном молчании окружающих. Законное чувство гордости подымалось в душе у каждого. «Строители еще одного социального общества в Галактике!»

А почему бы нет?

Эпилог

ПОЛГОДА СПУСТЯ. И СОКРАЩАЮТСЯ БОЛЬШИЕ РАССТОЯНИЯ...

Прошло полгода после возвращения Алика на Землю. Полгода на Земле, полгода на Гедоне. Сколько в пути, неважно. Может быть, месяцы, может быть, дни. Не будем заниматься релятивистскими выкладками. А вдруг Эйнштейн ошибся?

Нам важно другое. Неизвестно, может ли мысль покидать пределы планеты и могут ли жители различных звездных систем мысленно общаться друг с другом. Мы не говорим: невозможно, мы говорим: неизвестно. Тогда еще легче предположить, что двое друзей, разделенных даже космической далью, могут в один и тот же час думать друг о друге, мысленно беседовать друг с другом, рассказывать друг другу о пережитом и виденном.

В два часа ночи, когда Си и Ос перед возвращением на Гедону, перегруженные информацией, спят без снов в гостинице космопорта, Алику не спится. Он сидит на балконе и, вглядываясь в звездную ткань чистого июльского неба, ведет долгий, беззвучный разговор с Малышом. А Малыш, только что вернувшийся из Голубого города, скажем, перед заходом единственного не ложного солнца, лениво отдыхает на эластическом спиральном завихрении и мысленно обращается к Алику.

...Жизнь мотает туда-сюда, вроде вздехода, скучать некогда, а по тебе, паренек, нет-нет да соскучишься. Поговорить охота, благо и поговорить есть о чем. Приедешь — ничего не узнаешь, даже небо другое. Одно только солнце на нем, обыкновенное рыжее, а ложных и след

простыл. Даже голубое погасили — ни к чему. Город стоит теперь открыто, в миражи не прячется: своего солнца ему не нужно, тем более что и не солнце было, а фонарь в пространственном зеркале, прихоть здешней оптики. Спрямили пространство, и зеркало не понадобилось. Одно теперь у нас и солнце и небо.

А от города к нашей станции теперь протянута эскалаторная дорожка, густо-вишневая, глаз не оторвешь — такая яркая. Строили мы ее с голубокурточниками, которые у них эти «улицы» контролируют, вернее, не строили, а монтировали из готовых панелей — движется без мотора, сжатым воздухом, а как работает эта пневматика, я пока еще не постиг. Тут сразу ничего не постигнешь — годы и годы учись! А телепортацию пока заморозили. Почему, по правде говоря, не знаю. Либо трудно было перенести ее на потребу Голубого города, либо признали, что рановато. Думаю, без Библа не обошлось.

Ты, наверно, думаешь, что пустыня кругом, как раньше. Так нет, ее малость отодвинули. Здешние натуртехники переключили свое хозяйство и высаживают зеленое кольцо вокруг города. А как высаживают? Сначала черный камень плавят на дистанции. Блиско не подходит — сожжет. Потом тоже дистанционно кладут слой грунта. Откуда его берут, не знаю: может, из праматерии, как и наши панели для дорожки. А потом уже деревья готовые из того же универсального материала: все больше пятиэтажные папоротники да мхи высотой в человеческий рост — они лучше всего приживаются. Между станцией и городом теперь лес, а я сижу тут во мхах и загораю помаленьку, благо начальства поблизости нет...

...Ах, Малыш, Малыш, люблю я чертовски нашу Землю, а на Гедону все-таки тянет. Рано утром отчаливаем, а пока отдыхаю и томлюсь на гостиничной терраске, задрав голову к небу. Где-то наша звездочка в этом рассыпанном бисере, единственное не ложное солнце Гедоны? Как вы там трудитесь, радуетесь или маетесь, мои дорогие? Си и Ос рядом в номере спят, как выключенные. Удивительная у них способность отключаться и включаться, как авторегулятор. И пожалуй, еще удивительнее способность все понимать, не только технику. Сначала они было чуточку очумели от нашего любопытства, суеты и общительности, уличного хаоса и транспортного разнообразия, а потом как-то сразу во всем разобрались и приспособились. Оценили мгновенно и наши развлечения, в особенности кино и телевидение, но как-то по-своему, видимо за документализм, за возможность зрительной передачи действительного потока жизни. Освоили и курорты, в частности приморские пляжи. Думаю, что скоро такие же пляжи, яхты и лодки появятся и в прибрежных океанских водах Гедоны. Мы с тобой, Малыш, я считаю, это тоже оценим: пройтись под ветром на яхточке по их васильковому океану неплохо, а?

Нас теперь без тебя шесть человек: трое еще при тебе прибыли — математик, биохимик и электронщик. По вечерам шумим, но пока не ссоримся. Электронщик, между прочим, твой ровесник, но я его не люблю: уж очень самонадеян и со своим кристаллофоном успел уже всем надоесть. Запись и звук отличные, но репертуар! Неужели такой музыкой у вас там увлекаются? Не понимаю. Отстали мы, должно быть, от земных вкусов. А наши здешние друзья вообще земной музы-

ки не признают: слуховой аппарат другой.

Мы теперь к ним каждый день с утра, как на службу. Глотнем стаканчик чичи — и на эскалатор. Учти: чичи, а не ча-чи. Это не водка, а младенческая жижица из Зеленого леса. Ее теперь к нам на станцию в таких же бесстеночных воздушных трубках подают — что-то вроде жидкого киселя из айвы, часов на пять хватает, как зарядка аккумулятора. Обедаем кто где. Я — у транспортников, Кэп и Библ — в школе вроде педвуза; один социологическую премудрость читает, другой — астрономическую: все о Вселенной, от Коперника до Дирака. Где электронщик кружится, до сих пор не ведаю, а биохимик говорит, что скоро сам из их праматерии будет лепить любые материальные структуры. Но, честно говоря, поднимаемся слабо: очень уж много замков на их технике повешено...

...Только что ушел очередной транспортник на Луну, а нашего еще ждать да ждать. Вот и я жду не дождусь, а мои голубые индейцы еще бы с удовольствием на Земле пожили. Да еще с каким удовольствием! Спрашиваю их вчера: что же вам больше всего понравилось у нас на Земле? Семьи, говорят: хорошо вместе с детьми жить, со своими детьми в своих ячейках. Не в ячейках, говорю, а в квартирах, повторите. Повторяют и радуются. А в одном доме-коммуне для молодоженов целую неделю пропадали. Все-то их восхищало — и химическая чистка, и прачечная, и парикмахерская, и телезал. Лишь в столовую ходили с опаской: до сих пор к нашей еде не привыкли. Только и едят что манную кашу, а мясо и рыбу —

ни-ни. Чудной народ, хоть и умный. Всѣ на лету схватывают, объяснять не нужно. Только странно: не знают ностальгии, о Гедоне не вспоминают, во всяком случае в разговорах со мной.

...Сейчас солнце над кромкой неба у горизонта — вот-вот уйдет и сразу же навалится ночь, как у нас в южных широтах. Поужинаем, потреплемся — и спать. Совсем как дома. Еще в первые дни, когда мы с тобой оставались здесь, а Кэп и Библ бродили где-то в лабиринтах Голубого города, станция со всем ее беспорядком, барахлом и громоздкостью захламленных коридоров все же притягивала незаметным, но уже ощутимым домашним уютом. А теперь я, совсем как заводской инженер, спешу сюда с работы домой. Зажмуришься, вздохнешь, и все трудности, кажется, уже позади.

А трудностей много, ох как много! Справимся ли, не знаю. Кэп, однако, уверен, что справимся. Надеется на кибернетиков, которые придут с очередной экспедицией. Помню, когда еще ты улетал, заспорили, что будет для нас самым трудным препятствием. Мне казалось, что наша психическая несовместимость с хозяевами планеты. Поставь рядом — родственники, а в душу загляни — чужие. Ты не согласился, сказал: «Самое трудное — это Координатор».

И ведь ты прав. С Координатором до сих пор не сладили — где выжмем, а где чуть руку не вывихнем. Новое принимает: трубки с чичей на станцию подвести или рощу высадить — пожалуйста, а за старое зубами держится — не оторвешь. Регенерационные залы до сих пор еще не переоборудованы, операций по изъятию

электродов производить негде. За полгода сотню оперировали, не больше, да и то со скрипом: то проводка подводила, то зеркала гасли. А нужна не сотня, а миллион операций.

Электронщик как-то запросил об устройстве Координатора. Естественный научный интерес, никаких посягательств на программу. Но Координатор не отвечает. Тогда мы с электронщиком замысливаем эксперимент: вскрыть золотую тыкву снаружи и прощупать внутренности. Мы были убеждены, что Координатор реагировать не будет: программа, естественно, не предусматривала никаких покушений на его прочность и целостность. Голубокурточники, даже самые передовые, не решались — давил груз тысячелетнего послушания. Тогда мы вдвоем опустились прямо на золотую шкуру. Не горячо, не холодно — нормальный металл без клепок и швов. Я легонько вскрываю поверхность излучателем и вынимаю кружочек миллиметровой толщины диаметром сантиметров двадцать. Под золотистой поверхностью — путаница непонятных соединений. Ставим видеощуп с одной стороны, акустический с другой, включаем запись. Работает. Электронщик доволен: никаких чудес. Нормальная монокристаллическая система на двоичных элементах, не эквивалентная мозгу, тем более человеческому. Я запаиваю дырку силиконом, а нормальная кристаллическая система объявляет забастовку. Неделью с Координатором сговориться не можем. Собираем весь совет для мозгового штурма и получаем ультиматум: никаких экспериментов со щупами, иначе полная некоммуникабельность. Ждем кибернетиков, может быть, совместно найдем способ укрощения строптивой тыквы. Кэп надеется, что найдем.

...Близится утро. По черному небу где-то на краю света протянулась еще неяркая полоска зари. Как притягивает в минуту расставания эта алеющая полоска, влажное дыхание травы, над которой висит терраса, запах срезанных вечером роз.

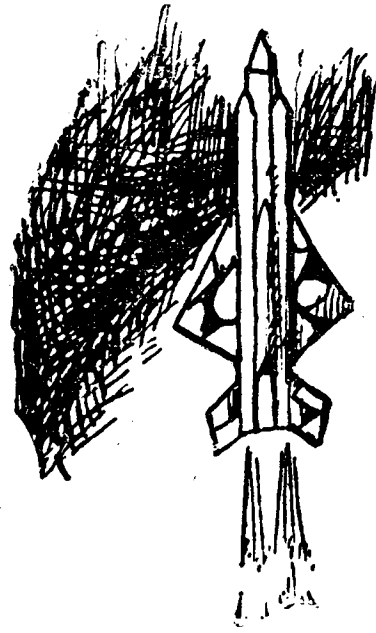
И все же я иду к вам, мои дорогие, как солдат из отпуска — в строй, в боевой взвод, к оружию.

Я самолюбив, но не самонадеян. Вы, конечно, без меня справитесь. Но я непременно пригожусь. Знаю, что Кэп вызвал кибернетиков — они придут позже, со следующей экспедицией. Но ведь я тоже изучал кибернетику в Америке, хотя и зарегистрирован в Космической службе как физик-связник. А у меня есть идея, как обуздать Координатор, когда он взбунтуется. Я уже обсуждал ее с одним из наших будущих кибертехников, которые проходят сейчас подготовку к полету. Толковый парень из Новосибирского академгородка, очень смешно говорит: каждую фразу начинает со слова «убежден». «Убежден, говорит, что это не мозг, а монокристаллическая или нейтронная система с ограниченной программой. Мышление ей несвойственно, но варианты она считает быстрее человека. И обладает несомненным устройством самозащиты. Убежден, что взбунтуется, если применить щупы или другие способы механического воздействия». Я объяснил ему мою идею частичного распрограммирования и ввода новых элементов программы. «Убежден, говорит, может пойти». Только понизить температуру до абсолютного нуля в нужных блоках, и сопротивление откажет. А затем убрать контуры ненужных или мешающих воспоминаний и уменьшить сложность ассоциативной связи — тогда и убежден, что

пойдет. Приеду — попробуем. Как говорится, наука умеет много гитик.

И сокращаются большие расстояния, когда зовет далекий друг. Так, кажется, или очень похоже поется в одной старой забытой песенке. Сокращаются, Малыш. Любые. Даже космические.

КОНЕЦ

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Часть первая.</i> ЗЕЛЕНОЕ СОЛНЦЕ . . .	5
<i>Часть вторая.</i> СИНЕЕ СОЛНЦЕ	82
<i>Часть третья.</i> ГОЛУБОЕ СОЛНЦЕ	142
<i>Часть четвертая.</i> ЛИЛОВОЕ СОЛНЦЕ .	209

Для среднего и старшего возраста

Абрамов Александр Иванович
Абрамов Сергей Александрович

ВСЕ ДОЗВОЛЕНО

Фантастический роман

Ответственный редактор *Н. М. Беркова*
Художественный редактор *С. И. Нижняя*
Технический редактор *В. К. Егорова*

Корректоры

Л. М. Агафонова и В. Е. Калинина

Сдано в набор 24/XI 1972 г. Подписано к печати 27/II 1973 г. Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 14,28. (Уч.-изд. л. 14,22). Тираж 100 000 экз. ТП 1973 № 568. А09056. Цена 57 коп. на бум. типогр. № 2.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушеvский вал, 49. Заказ № 5115.

Абрамов А. и Абрамов С.

A16 Все дозволено. Фантастический роман. Рис. А. Тарана. М., «Дет. лит.», 1973.

271 с. с ил. (Б-ка приключений и научной фантастики).

Фантастический роман о землянах, вступивших в контакт с инопланетянами, и об необычайных приключениях, происшедших с ними.

352
Kb.